

Е. В. ГУЛЫГА, Е. И. ШЕНДЕЛЬС

**Грамматико-
лексические
поля
в современном
немецком
языке**

639149

ВОЛГОГДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ» МОСКВА 1969

Серия «Библиотечка учителя
иностранных языка»

ЧИ(нем)
Г-94

Гулыга Е. В. и Шендельс Е. И.
Г-94 Грамматико-лексические поля в современном
немецком языке. М., «Просвещение», 1969
184 с., 30 000 экз., 35 к.

6-5
239-68

4 И (Нем)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа не представляет собой систематического описания грамматического строя немецкого языка в его взаимосвязи с лексикой.

Это скорее очерки, в которых авторы стремятся показать несколько систем взаимодействующих средств грамматических (морфологических и синтаксических), лексико-грамматических и лексических в их функционировании.

Описанию грамматико-лексических полей — так называются в книге системы грамматических и лексических средств — предшествует введение, где авторы попытались поставить некоторые теоретические вопросы, без решения которых предпринятое исследование было бы невозможным. В конце введения дается обзор работ, имеющих непосредственное отношение к проблеме.

В книге представлено шесть грамматико-лексических полей. Это — Поля Множественности, Времени, Модальности, Компаративности, Одушевленности /Неодушевленности и Указательное Поле. Исследование полей проводилось на материале произведений художественной литературы преимущественно XX века. Работа носит чисто синхронный характер. Описание каждого поля построено единообразно. В начале главы приводится связный текст из литературного произведения, в котором функционируют средства данного поля. Он представляет собой как бы срез поля. За текстом следует инвентарь средств и общая характеристика поля, после чего описывается функционирование каждого средства в отдельности и их взаимодействие. В конце главы приводится основная литература по данной проблеме.

Вследствие ограниченного объема книги авторы свели до минимума изложение различных взглядов по тому или иному вопросу (за исключением введения), ссылаясь в ходе описания лишь на отдельные работы. Основные труды по общим вопросам, а также грамматики немецкого языка даются в библиографии в конце книги.

Главы о Модальном, Компаративном и Указательном Полях написаны Е. В. Гулыга; о Полях Множественности, Времени, Одушевленности/Неодушевленности — Е. И. Шендельс.

Книга предназначается для преподавателей немецкого языка средней и высшей школы. Материал ее может быть частично использован преподавателями в их практической работе, но в основном книга ставит перед собой задачу показать преподавателям возможности рассмотрения языка под новым углом зрения, вскрывающим взаимосвязь различных аспектов языка, а также ознакомить читателей с некоторыми новыми взглядами современной грамматической науки. Данным пособием могут пользоваться студенты институтов и факультетов иностранных языков, а также филологических факультетов университетов при написании курсовых и дипломных работ и в работе в спецсеминарах и спецкурсах. Авторы надеются, что книга послужит стимулом для дальнейшего изучения грамматико-лексических полей.

Авторы выражают глубокую благодарность рецензентам проф. Сильман Т. И. (Ленинград) и доц. Розен Е. В. (Москва) за их ценные указания.

А В Т О Р Ы

ВВЕДЕНИЕ (Теория поля)

При изучении грамматики оказывается практически невозможным замкнуться в кругу грамматических форм, изолируясь от их употребления в естественной речи, где грамматические формы взаимодействуют друг с другом и с окружающей и наполняющей их лексикой. В зависимости от окружения меняются значение и функция той или иной формы, существенно меняется и лексическое значение того слова, которое выступает в данной грамматической форме. Обратимся к разным значениям генитива в следующем тексте, где генитив встречается четыре раза:

...der kleine Hanno verfolgte mit Hilfe des Abreißkalenders pochenden Herzens das Nahen der unvergleichlichen Zeit... Eines Morgens fand Hanno seine Bettdecke... mit knisterndem Flittergold bestreut. (Th. Mann — Buddenbrooks)

В первом и третьем случае перед нами приименной генитив, соответственно выполняющий синтаксическую функцию определения. В обоих случаях это родительный субъекта (или активный субъект по терминологии Х. Бринкманна¹), так как он зависит от существительного, образованного от непереходного глагола: *der Kalender hilft*, *die Zeit naht*. В первом случае, однако, все

¹ H. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf 1962, S. 92.

словосочетание благодаря семантике предложной группы *mit Hilfe = mittels*, а также конкретному значению генитива приобретает, кроме того, инструментальное значение.

Во втором и четвертом случаях это прилагольный генитив, выполняющий функцию обстоятельства. Значение образа действия определяется лексическим значением существительного *Herz* (вместо него может появиться наименование другой части тела, душевного состояния) и обязательной сочетаемостью с причастием или прилагательным. Временное значение четвертого генитива определяется лексикой существительного: *Morgen* (вместо него были бы возможны *Tag, Abend*).

Необходимость привлечения лексики при изучении грамматики вызвана также и тем, что в языке целый ряд значений выражается как грамматическим, так и лексическим способом. В качестве примера приведем выражение будущего времени с помощью футурума (грамматического средства), модальных глаголов *wollen* и *sollen* (лексико-грамматических средств) или наречия времени типа *morgen, bald* (лексического средства), сопровождающего презенс:

Es wird regnen.

Es will regnen.

Bald regnet es.

Таким образом, мы видим, что грамматическое значение, для выражения которого в системе языка (парадигматике, парадигматическом плане) существует специальная грамматическая форма — футурум, может «повторяться» на других уровнях (на уровне лексики)². Это проявляется особенно четко при функционировании языковых средств в речевой цепи (синтагматике, синтагматическом плане). Говоря о «повторении» значения, мы хотим подчеркнуть

² В современном языкоznании принято называть «уровнями» отдельные аспекты языка — фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, понимаемые как последовательные и взаимосвязанные ступени в иерархической системе языка. Проблема уровней остается дискуссионной. См.: Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965; О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 487—488; Тезисы научной конференции «Уровни языка и их взаимодействие». 1-й МГПИИ им. М. Тореза. М., 1967.

неоднородность и неравноценность средств каждого уровня. Они не дублируют друг друга, так как каждое из них отражает специфику своего уровня³.

Грамматические формы выражают отношения между явлениями объективной действительности в наиболее общем и поэтому, как правило, неопределенном виде: *es wird regnen*. Лексико-грамматические средства обладают меньшей обобщенностью, но благодаря частичному переосмыслению компонентов приближаются к грамматической форме: *es will regnen*. Лексические средства, выполняя обычно номинативную или назывную функцию (в отличие от грамматических форм слов), называют явлениями объективной действительности или отношения между явлениями, в большей или меньшей степени конкретизируя их. Наречие *bald* называет ближнее будущее, указывая на приближение действия. (Подробнее см. главу II, «Поле Времени».) Сравним также обобщенное значение множества в форме *Bücher* и разную степень конкретизации этого значения — *viele Bücher* — *zehn Bücher* (Подробнее см. главу I, «Поле Множественности».)

При исследовании языка важно прежде всего выявить всевозможные средства разных уровней; не менее существенно определить те отношения, которые связывают их между собой. Средства могут быть совместимыми и несовместимыми. Так, средства могут быть несовместимыми в одном микроконтексте (предложении). Например, нельзя употребить наречие со значением прошедшего времени и футурум I. Не сочетаются императив и потенциальные модальные слова: *Komm wahrscheinlich!*⁴

Средства могут быть совместимыми. В этом случае одно из них может оказывать определенное влияние на другое, а именно:

- 1) усиливающее;
- 2) конкретизирующее;
- 3) ослабляющее;
- 4) «переключающее», создающее новое значение;
- 5) ассимилирующее.

В качестве примера усиливающего влияния можно привести сочетание наречия *immer* со сравнительной сте-

³ См.: В. Г. Адмони. О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю. ВЯ, 1961, № 2.

⁴ * обозначает здесь неупотребительность языкового явления.

пенюю прилагательного (наречия): *er kam näher, er kam immer näher, er kam immer näher und näher* (подробнее см. главу IV, «Компаративное Поле»).

В большинстве случаев лексические средства уточняют, конкретизируют значения грамматических форм, например, наречия времени или предложные группы уточняют значения временных форм глагола:

Morgen
In einer Woche
Am 12. Januar } — fahre ich nach Leningrad.

Сравним также конкретизацию множественности при помощи местоимений и числительных: *Bücher — viele Bücher — zehn Bücher*.

Ослабление значения проявляется при взаимодействии двух лексических средств: *etwa zehn Bücher; kaum möglich*.

«Переключение» состоит в том, что средство одного уровня оказывается в смысловом отношении «сильнее» другого, как бы подавляет его, меняя его значение. Переключение наблюдается при сочетании двух средств разных уровней с разными значениями: индикатива и модального слова.

Er kommt vielleicht. Как видно из данного примера, модальные слова, выражающие предположение, семантически сильнее, чем модальное значение индикатива.

Unlängst sitze ich an der Tafel... (Heine) *Unlängst* — слово со значением прошедшего времени «переключает» презенс из сферы настоящего в сферу прошедшего.

Ассимиляция наблюдается при взаимодействии двух грамматических форм обычно в большом контексте; она заключается в том, что одна форма проецирует свое значение на другую форму. В качестве примера можно привести презенс в значении будущего времени среди футуральных форм. (См. главу II, «Поле Времени», стр. 52.)

Разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Совокупность взаимо-

действующих средств образует систему — Грамматико-лексическое ПОЛЕ⁵.

Поле характеризуется следующими признаками:

1. Наличием инвентаря (набора) средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями. Входя в состав поля, средства становятся конституентами поля.

2. Наличием общего значения, которое в той или иной степени присуще его конституентам.

3. Общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными или полярными. Каждое из этих значений образует микрополе.

4. Поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений.

1) По горизонтали располагаются семантические участки — микрополя. Например, Поле Времени состоит из трех микрополей: Микрополя Настоящего, Микрополя Прошедшего и Микрополя Будущего. Некоторые поля отличаются усложненной семантической структурой. Такой структурой обладает Модальное Поле, оно

⁵ Термин «поле» был впервые введен в семасиологии. Г. Ипсен предложил термин *Bedeutungsfeld* (G. I p s e n. *Der Alte Orient und die Indogermanen, „Festschrift für W. Streitberg“*. Heidelberg 1924), а И. Трир — *Begriffsfeld* (J. T r i e r. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*. Heidelberg 1931). Л. Вейсбергер широко использует термины *Wortfeld, sprachliche Felder*, а также *Feldbegriff, Feldbetrachtung, Feldforschung, Feldgliederung* (см.: L. W e i s g e r b e r. *Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik*. Düsseldorf 1962). В. Порциг пишет о синтаксических и параграмматических полях (см.: W. P o r z i g, *Das Wunder der Sprache*. Bern 1957). Учение о двух полях (*Zweifelderlehre*) разработано К. Бюлером (K. B ü h l e r. *Sprachtheorie*, Jena 1934). Термин «Грамматическое Поле» особо трактует В. Г. Адмони (см.: В. Г. Адмони. *Основы теории грамматики*. М. — Л., 1964; е г о же. *О подлинной точности при анализе грамматических явлений. «Проблемы языкоznания»*. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967). Термин *Grammatische Felder* встречаем у Г. Мюллера (G. M ü l l e r. *Die neueren Sprachen*, Heft 11, 1965). *Modalfeld* описывает Х. Бринкманн (H. B r i n k m a n n. *Die deutsche Sprache*. Düsseldorf 1962). Термином «поле» широко пользуется датский лингвист Г. Бек. (См.: G. B e c k. *Das semantische System der deutschen Modalverba. Travaux du cercle linguistique de Copenhague*, vol. IV, 1949; *Zur Syntax des tschechischen Konjunktivs. TCLC*, vol. VII, 1951.)

представляет собой макрополе с двумя полями, из которых Поле Недействительности в свою очередь распадается на микрополя (подробнее см. главу III, «Модальное Поле»). В пределах поля действуют синонимические связи, однако поле шире синонимического ряда, поскольку оно может охватывать разнообразные значения вплоть до полярных.

2) По вертикали располагаются конституенты микрополей, которые в то же самое время являются конституентами макрополя. Вертикальное строение поля зависит от характера и числа конституентов и их расположения по отношению друг к другу.

В большинстве полей выделяется доминанта, т. е. конституент поля, а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый.

Различие в строении поля определяется принадлежностью доминанты к морфологии, синтаксису или лексике. Могут существовать поля с доминантой внутри каждого микрополя и поля (или макрополя) без доминанты. Вокруг доминанты группируются наиболее тесно с ней связанные конституенты, образующие ядро поля. Конституенты, отдаленные от ядра, располагаются на периферии поля.

Многозначность конституентов создает возможность участия одного конституента в нескольких полях в качестве доминанты одного поля (микрополя) и периферийного средства другого. Например, футурум — доминанта Микрополя Будущего является также одним из конституентов Микрополя Побуждения и одним из конституентов Микрополя Предположения, располагаясь в то же самое время на периферии Микрополя Настоящего. Многозначность конституентов создает предпосылки для связи микрополей внутри одного поля, а также разных полей между собой.]

При анализе значений всех конституентов в работе используется метод компонентного смыслового анализа. Он заключается в том, что значение (лексическое и грамматическое) разлагается на минимальные смысловые элементы — семы⁶. Совокупность сем составляет общее

⁶ Über die Semenanalyse sieh: E. A. N i d a, A System for the Description of Semantic Elements, „Word“, vol. 7, Nr. 1, 1951;

значение слова или формы. При изменении значения меняется состав сем: одни сохраняются, другие исчезают, вместо них появляются новые. Семы могут быть выявлены на уровне лексики или на уровне грамматики. Соответственно различаются лексические семы и грамматические семы. Некоторые лексические семы приближаются к грамматическим. Поясним это на примерах.

Слово *Schlange* в основном значении *змея* обладает семами: «пресмыкающееся», «ядовитое» (большой частью), «извилистая форма». Переносное значение по отношению к человеку создается на основе второй семы — «ядовитости», которая модифицируется в «коварство, хитрость», в то же время появляется новая сема «лицо». Второе переносное значение «очередь» создается на основе третьей семы «извилистая форма», в то же время появляется новая сема «собирательность».

Сопоставляя разные семы даже в пределах одного слова, можно обнаружить их неоднородность: некоторые из них ограничены только уровнем лексики «ядовитость, извилистая форма, пресмыкающееся», другие приближаются к грамматическому значению, как бы выходя за пределы лексического уровня, например «собирательность», «лицо». В описываемых нами грамматико-лексических полях при анализе лексических средств учитываются только семы второго порядка, т. е. связанные с грамматикой.

Близки к этим семам также семы, характеризующие так называемые лексико-грамматические средства, поскольку они связаны в той или иной степени с лексическим значением слова и в то же время близки грамматическим значениям. Например, в предложении *Ich will morgen ins Theater gehen* лексическая сема «желание» бледнеет, появляется сема «будущее».

A. J. Greimas. *Sémantique structurale*. Paris, 1966; Е. И. Шендерельс. Грамматические синонимы. Докт. дисс. М., 1964.
Г. Ф. Мейер употребляет вместо термина «сема» термин «ноэма». G. F. Meier. *Semantische Analyse und Noematik*, „Zeitschrift für Phonetik, Sprach- und Kommunikationsforschung“, Jg. XVII (1964); G. F. Meier. Ein Beispiel der Monosemierung durch noematische Textanalyse, Ebenda, Bd. 18, Heft I, 1965. В. Шмидт производит анализ по семантическим элементам, не используя, однако, специального термина (W. Schmidt. *Lexikalische und aktuelle Bedeutung*, „Schriften zur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung“, Nr. 7, Berlin 1963.)

Для иллюстрации грамматических сем обратимся к словоформе футурум I, которая в основном (первом) значении имеет три семы: 1) «будущее»; 2) «модальность действительности»; 3) «нереализованное действие».

Im nächsten Jahr wird er die Prüfungen ablegen.

Во втором значении футурум (обычно в третьем, реже во втором лице) приобретает семы: 1) «предположение» (модальность недействительности); 2) «настоящее время».

Wo ist Ihr Bruder? Er wird in seinem Zimmer sein.

В третьем значении футурум меняет модальную сему: развивается сема «приказание». Сема «нереализованное действие» сохраняется:

Du wirst nicht reisen!

Грамматические семы свойственны не только словоформам, но и синтаксическим структурам — моделям словосочетаний и предложений. Так, в модели атрибутивного словосочетания *zu + Partizip I + Substantiv* развиваются семы: 1) «пассивность»; 2) «долженствование»: *der zu reinigende Gasstrom*. В модели *Mach, daß du kommst!* возникает сема «приказание». В предложении грамматические семы создаются обычно благодаря взаимодействию грамматических и лексических сем. Так, сема «нереальное сравнение» возникает в сложноподчиненном предложении, где взаимодействуют лексическое значение союза *als* (*als ob*), структура предложения и конъюнктив.

Достоинство анализа по семам заключается в том, что он дает возможность четко и полно представить весь объем значения и смысловую структуру языковых единиц, проследить, как происходит изменение значения данной единицы, и установить смысловые связи между разными значениями одной единицы, а также между разными единицами.

Исследуя конституенты полей, мы будем обращаться также к их функциям. Функция понимается как роль, присущая данной единице в речевом процессе⁷. В ряде случаев функция оказывается шире грамматического значения. Например: имя существительное, глагол, имя

⁷ А. Маргинае. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 60.

прилагательное выполняют назывную функцию, вместе с тем у каждой из названных частей речи имеется свое грамматическое значение: предметности у существительного, процесса у глагола, качества у прилагательного. Вряд ли можно говорить о грамматическом значении междометий, многие из них лишены даже лексического значения, вернее, их лексическое значение вытекает из контекста и ситуации, и вместе с тем совершенно очевидно, что все междометия выполняют эмоциональную функцию. Не вызывает сомнения существование указательной функции, выполняемой всеми компонентами Указательного Поля (см. главу VI).

Попытки объединить при исследовании языка грамматические и лексические факты производились различными лингвистами уже давно. Можно выделить две тенденции в зависимости от того, какой путь избирался исследователем: от мыслительных категорий к языковым формам или наоборот — от форм к мысли.

Наиболее четко и полно обосновал принцип организации языкового материала, исходя из идей, французский лингвист Фердинанд Брюно. В своей монументальной работе «Мысль и язык»⁸, автор поставил задачу представить факты мысли, претворенные в языке, и соответствующие им средства выражения. Многозначность грамматических форм приводит его к убеждению, что при описании языка нельзя исходить из самих форм. Каждая из них выступает во множестве ролей, между которыми невозможно установить связи. Исходным пунктом должна быть идея, вокруг которой группируются факты языка. Однако поскольку Брюно не проводит различия между мыслительными категориями, для выражения которых в языке существуют морфологические формы, синтаксические способы и лексические средства, то язык в его изложении предстает не как система, а как калейдоскоп разнообразнейших фактов, слабо скрепленных той идеей, которую они призваны выразить.

Те же мысли развивает другой французский языковед Шарль Балли. В своих работах он предлагает «брать за исходную точку логические категории и отношения

⁸ F. Vignot. *La pensée et la langue*. Paris, 1965.

которые живут в сознании всех носителей данного языка, с целью определить средства, которые язык предоставляет в распоряжение говорящих для выражения каждого из этих понятий, категорий и отношений»⁹. Балли предлагает составить сводную таблицу «идей-форм», причисляя к средствам их выражения даже неязыковые способы — жесты, мимику, действия, что уводит исследователя вообще из сферы языка.

Односторонность такого подхода стремился преодолеть Л. В. Щерба, различая два аспекта изучения синтаксиса (трактуемого им широко как грамматический строй), — пассивный и активный¹⁰. При пассивном аспекте отправным моментом служат форма слов и их значение. Язык изучается изнутри как система. В активном аспекте исходная точка зрения совсем иная. В нем рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль, тот или иной «кусок действительности». Не случайно Л. В. Щерба помещает активный синтаксис после пассивного. Первым можно заниматься только после того, как выявлена сама система языка. Л. В. Щерба намечает путь создания сопоставительной семантики языков на базе активного синтаксиса. Например, он сравнивает, как выражается количество вещества в русском, французском, немецком языках: стакан пива, *un verre de bière*, *ein Glas Bier*.

Близка к взглядам Л. В. Щербы мысль датского ученого О. Есперсена о необходимости сочетания двух методов изучения языка: от значения к форме и от формы к значению. О. Есперсен расширяет применение этого способа в отношении всех языков мира, набрасывая схему понятийной сравнительной грамматики. Конечная цель установить, «как каждое из основных понятий, свойственных всему человечеству, выражается в различных языках»¹¹.

В последнее время идею создания особой науки «ноэтики» — науки о системе понятий, проецируемых

⁹ Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 296; его же. Общая лингвистика и вопросы языка. М., 1955; Ch. Bally. *La langue et la vie*. Paris, 1926.

¹⁰ Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. 4, вып. 5, стр. 184.

¹¹ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 399.

на языке, — развивает немецкий ученый Эрвин Кошмидер¹².

Особо следует отметить теорию И. И. Мещанинова о понятийных категориях, выявляемых в разных языках в семантике слов, синтаксических построениях и в оформлении слов¹³. При этом И. И. Мещанинов подчеркивал тесную связь семантической (смысловой) и формальной сторон. Те понятийные категории, которые получают в языке синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями. Действительно, одно и то же значение в одном языке выражается грамматическим путем, а в другом лексическим, в ряде же языков имеются и те, и другие способы выражения одного значения. Типологический анализ языков мира был бы невозможен без этой предпосылки. Не случайно внимание И. И. Мещанинова привлекали малоизученные разносистемные языки Советского Союза.

В немецкой лингвистической литературе за последние годы наблюдается тенденция выйти за рамки формальной грамматики и широко привлекать факты лексики. Она лежит в основе таких новых понятий и терминов, как «антиграмматика», «функциональная грамматика», «грамматические поля» и др., подробный анализ которых выходит за пределы данного обзора, поскольку он должен повлечь за собой описание соответствующих лингвистических школ.

Расширение границы грамматики рождено протестом против догматизма и схематизма в преподавании (*schematische und dogmatische Fehlform der Grammatik*, по выражению Г. Глинца) и стремлением создать новую грамматику, ориентированную на содержание (*inhaltbezogene Grammatik*, по выражению Л. Вейсгербера)¹⁴.

Под «антиграмматикой» (*Gegengrammatik*), которая должна быть «встроена» в грамматику, Г. Глинц понимает

¹² Е. Кошмидер. *Beiträge zur allgemeinen Syntax*. Heidelberg 1965.

¹³ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М. — Л., 1945, стр. 195—198; его же. Понятийные категории в языке. «Труды Военного института иностранных языков», 1945, 1.

¹⁴ Л. Вейсгербер. *Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik*. Düsseldorf 1962, 3. Auflage; М. М. Гухман. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера. Сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.

различные способы выражения одной мысли при выделении ядра или стержневого слова. Например, если водитель хочет узнать, как проехать к новому зданию управления, он может избрать разные модели предложения, объединенные одинаковым содержанием, составляющим ядро:

Wie komme ich hier zum neuen Verwaltungsgebäude der AEG?

Wie erreiche ich hier das neue Verwaltungsgebäude der AEG?

Wo ist hier das neue Verwaltungsgebäude der AEG?

Не владея в достаточной степени немецким языком или желая быть лаконичным, спрашивающий может ограничиться упоминанием ядра:

Verwaltungsgebäude der AEG¹⁵.

Границы грамматических категорий расширяет И. Эрбен, рассматривая вид как одну из глагольных функций наряду с выражением лица, времени и реальности, несмотря на то что вид в немецком языке не имеет грамматического оформления. К средствам выражения законченного действия Эрбен относит приставки отделяемые и неотделяемые, сложные глаголы типа *totschlagen*, сочетания с обстоятельственными словами: *in die Tiefe sinken*, вспомогательный глагол *sein*: *Er ist durch den Fluß geschwommen*, наряду с *Er hat geschwommen*, а также конструкции с «вспомогательными» глаголами *aufhören*, *aufgeben*. Для передачи начала действия служат глаголы типа *tagen* (*Tag werden*), *reisen* (*sich auf die Reise begeben*), а также «вспомогательные» глаголы типа *anfangen*. Интенсивность процесса передается при помощи лексики глаголов, а повторяемость — посредством «вспомогательных» глаголов *pflegen*, *gewohnt sein* и прилагательных и наречий *täglich*, *immer*¹⁶. Также широко Эрбен трактует реальность (модальность).

Конкретную разработку поля модальности (Modal-system, Modalfeld) предлагает Х. Бринкманн в своем

¹⁵ H. G. Glinz. Grammatik und Sprache. «Wirkendes Wort», Sammelband I, Sprachwissenschaft. Düsseldorf 1962, S. 193;

Н. Глинц. Funktionale Grammatik, «Die Lebenden Fremdsprachen», 1951, Nr. 1. См. русский перевод: «Методика преподавания иностранных языков за рубежом», М., 1967.

¹⁶ J. Ergen. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin 1964, S. 28—36.

труде «Немецкий язык». Автор противопоставляет свою трактовку трактовке Эрбена. В отличие от функционального подхода Эрбена Бринкманн исходит из языковых структур (sprachliche Gebilde), составляющих поле: наклонений, модальных наречий, модальных глаголов, модального инфинитива (конструкций *haben* или *sein* + *zu* + инфинитив) ¹⁷. Однако принцип полей не проходит последовательно через всю книгу.

Признавая возможность и плодотворность расширения границ грамматического исследования, мы считаем необходимым соблюденение трех условий:

1. Не распространять термин «грамматика» (соответственно «грамматическое поле») на явления, связанные с грамматикой, но относящиеся к уровню лексики. Поэтому в данной работе предлагается термин «грамматико-лексическое поле».

2. При описании грамматико-лексического поля по возможности строго разграничивать его конституенты, определяя принадлежность каждого к тому или иному уровню и выявляя доминанту поля.

3. Стремиться к раскрытию структурных и смысловых отношений между конституентами, которые дадут основание рассматривать каждое поле как систему.

Рассмотрение языка с точки зрения полей имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как такой подход к языку соответствует естественным условиям речевого общения, когда грамматические, лексические (и фонетические) средства используются в синтезе, в их неотъемлемой связи, так что одни дополняют, усиливают или заменяют другие ¹⁸.

¹⁷ Н. В г i n k m a n n. Die deutsche Sprache. Düsseldorf 1962, S. 345—376.

¹⁸ Аналогичные принципы лежат в основе исследований А. В. Бондарко на материале русского глагола: А. В. Бондарко. Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке. ВЯ, 1965, № 6; е г о ж е. К проблематике функционально-семантических категорий. ВЯ, 1967, № 2; е г о ж е. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий). Автограферат докт. дисс. Л., 1968.

ПОЛЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ (ПМ_н)

Doras Haus war eine alte Villa, verbaut und immer wieder aufgebaut, mit Sälen und Zimmern, Nischen, Erkern, Korridoren, großen und kleinen Treppen und Treppchen. Infolge der vielen Teppiche roch es im Dönhoffschen Hause eigentlich nach Staub. Dazu hatte Dora das ganze Haus mit antiken Möbeln vollgestopft, Möbeln aller Stilarten, mit Säulen aus Kirchen und grellbemalten oder vergoldeten Heiligenfiguren. Alle Tische, Kommoden und Gesimse waren mit kleinen Kostbarkeiten aller Art, mit Leuchtern, Schnitzereien, Waffen, Miniaturen, Dosen derartig übersät, daß es unmöglich war, auch nur ein Paar Handschuhe abzulegen, ohne irgendeine Kostbarkeit in Gefahr zu bringen...

Zwischen diesen Teppichen und Lampen, sonderbaren Heiligen und tausenderlei Krimskram bewegte sich Dora, mit ihrem blonden Haarschopf, ihren Grübchen und dem Glanz, der sie umschwebte.

(B. Kellermann — Der 9. November)

В приведенном отрывке представлены различные средства выражения множественности, которые в своей

совокупности образуют грамматико-лексическое поле. $\text{ПМ}_{\text{и}}$ представляет собой микрополе, которое наряду с Микрополем Единичности (МЕ_{1}) входит в общее Макрополе Числа. В данном разделе рассмотрению подлежит только $\text{ПМ}_{\text{и}}$.

КОНСТИТУЕНТЫ ПОЛЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

$\text{ПМ}_{\text{и}}$ выражается разными языковыми средствами, а именно:

- 1) формами множественного числа имен существительных;
- 2) формами множественного числа согласующихся с существительными прилагательных и причастий;
- 3) формами множественного числа спрягаемого глагола, соотносящегося с существительными (или местоимением) в функции подлежащего;
- 4) числительными;
- 5) количественными местоимениями;
- 6) личными местоимениями множественного числа;
- 7) именами собирательными.

Не трудно обнаружить, что все эти средства неравнозначны и неоднородны. Одни употребляются регулярно, другие — эпизодически; одни выражают «чистую множественность», а другие уточняют, модифицируют количественные отношения; одни занимают центральное положение, другие — подчиненное. Соотношение разных средств станет ясным после рассмотрения каждого из них в отдельности. Но уже при первом наблюдении видно, что центр поля занимают формы множественного числа существительных, а все остальные средства взаимодействуют с ними, подчинены им или репрезентируют (представляют) их. Прилагательные, местоимения, числительные подчинены существительному как его сопроводители или его представители. Глагол повторяет значение числа существительных. Роль имен собирательных весьма ограничена и специфична. Тем не менее каждое из этих средств в той или иной степени привносит свое значение в $\text{ПМ}_{\text{и}}$. Без них нельзя было бы выразить достаточно четко и полно количественные отношения.

Наименьшая смысловая самостоятельность отличает формы множественного числа прилагательных и глаго-

лов, тем не менее правила грамматического согласования нельзя считать пустой формой. Их основное назначение повторять значение множественности имен существительных: в сочетании *kleine Kostbarkeiten* прилагательное *klein* подчеркивает множественность *Kostbarkeiten*, в то же время указывая на повторение (многократность) признака *klein* у каждого предмета.

Kleine Kostbarkeiten = *kleine Kostbarkeit*₁ + *kleine Kostbarkeit*₂ + *kleine Kostbarkeit*₃...

Признак повторяется столько раз, сколько предметов скрывается под формой множественного числа существительного. Несколько это повторение не обязательно, доказывает возможность употребления в постпозиции краткой формы прилагательного: *Kostbarkeiten*, *klein und zierlich*...

Грамматическое согласование глагола с субъектом предложения объясняется аналогично. В предложении *Alle Tische waren mit Kostbarkeiten übersät* глагол напоминает о множественности субъекта, в то же время указывая на многократность глагольного признака, повторяющегося при каждом предмете: *der Tisch*₁ war übersät + *der Tisch*₂ war übersät + *der Tisch*₃ war übersät ...

Совсем иная множественность действия имеет место в случаях типа *Das Kind weint oft*, где выражена повторность действия при одном и том же субъекте. О том, что грамматическое согласование несет смысловую нагрузку, свидетельствует также свобода выбора между формой единственного числа или множественного числа глагола при одном и том же подлежащем в зависимости от точки зрения говорящего:

Dort parkt eine Anzahl Autos.
Dort parken eine Anzahl Autos.

В первом случае предметы воспринимаются как совокупность, во втором случае — как разрозненное множество.

Личные местоимения *sie*, *wir*, *ihr* содержат (помимо других сем) сему «множественность». Согласно своей местоименной природе (см. гл. VI) они должны выступать как представители (репрезентанты) названия предмета (лица). Местоимение *sie* наименее самостоятельно в смысловом отношении. Оно передает сему «множественность» только в порядке согласования. Это чистый репрезентант.

Местоимения *wir* и *ihr*, кроме семы «множественность», обладают семами «включение автора речи» и «исключение автора речи». Их нельзя рассматривать как представителей какого-то конкретного имени существительного. У них свое значение, ограниченное только названиями лиц-участников акта речи. *Wir* означает «я и другие, связанные со мной», *ihr* — «другие, кроме меня, к которым я обращаюсь». Оба местоимения входят в Поле Одушевленности (см. гл. V). *Sie* как вежливая форма обращения не содержит семы «число» и может относиться к одному лицу или многим.

Основной объект изучения в данной главе составляет множественность предметов и явлений реальной действительности, обозначаемых именами существительными. Поэтому из вышеперечисленных семи средств рассматриваются четыре:

- 1) формы множественного числа существительных,
- 2) числительные,
- 3) количественные местоимения,
- 4) имена собирательные.

Первое средство выражает чистую множественность, второе — определенную множественность, третье — неопределенную множественность, четвертое — совокупную множественность. В таком порядке они и будут рассматриваться.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Доминанту ПМ_и образуют грамматические формы числа, представленные двуичленной (бинарной) оппозицией: единственное число — множественное число. Они универсальны, обязательны для каждого имени (хотя не все имена имеют обе формы), наиболее абстрактны по своему значению и играют роль ядра по отношению к обоим «сателлитам» — сопроводителям — числительным и местоимениям. Для формы единственного числа нет специальных показателей, это нулевая, или исходная, форма, в то время как для образования формы множественного числа служит ряд средств: суффиксы *-e*, *-eg*, *-en*, *-s*, умляют, артикль.

Все формы множественного числа можно рассматривать как варианты или аллоформы¹, имеющие различное распределение (дистрибуцию)² среди существительных, которое мы не будем описывать, отсылая к соответствующему разделу нормативной грамматики.

Значение форм числа выражается семами:

ед. ч.	мн. ч.
единичность	множественность

Взаимодействуя с лексическим содержанием конкретных слов, эти семы, особенно сема «множественность», подвергаются модификациям. Лексическим условием для их реализации является значение исчисляемости соответствующих понятий. Поэтому наиболее четко они выявляются в группе имен нарицательных:

Der Baum —— die Bäume
die Hand —— die Hände

Но и здесь под семой «множественность» может скрываться разное содержание, например парность: Hände, Ohren, Augen; Schuhe; Gatten, неопределенное число предметов: Bäume, Bilder. Парность или непарность определяется только контекстом или ситуацией (ср. seine Augen, alle Augen): множество предметов в пространстве: Bäume, Bilder, Tiere; множество отрезков во времени: Tage, Jahre; повторность или цикличность действий: Schritte, Schläge. Сама форма не указывает на характер множественности, не содержит никакого другого признака, кроме семы «множественность».

Если форма числа наполняется названиями неисчис-

¹ Аллоформами именуются разные образования одной и той же грамматической формы у разных слов, например, разное образование генитива у слов сильного, слабого и женского склонения или разное образование претерита или причастия II у разных глаголов.

² Дистрибуцией (англ. distribution) называется совокупность всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица.

ляемых понятий и отсутствует противопоставление ед.ч. — мн.ч., то могут быть следующие возможности:

1) Семы «единичность — множественность» исчезают, а форма того или иного числа выполняет, по выражению Э. Кошмидера, «холостую функцию» (Leerlauffunktion)³. Сюда относится большинство *Pluralia* и *Singularia tantum*.

Сопоставим два ряда форм:

Reis, Schnee, Geduld, Zorn
Bohnen, Graupen, Pocken, Ostern

Хотя существительные первого ряда оформлены как ед.ч., а существительные второго ряда как множ.ч., значение неисчисляемости, присущее и тем и другим, уничтожает как сему «единичность», так и сему «множественность». Та или иная форма избрана потому, что под давлением системы каждое существительное должно иметь какую-то форму числа.

Это и есть «холостая функция» формы, когда форма перестает выражать свойственное ей грамматическое значение. Одно из доказательств этого — наличие грамматических дублетов с тождественным значением: *das Möbel — die Möbel*; *die Ostern, Weihnachten — das Ostern, Weihnachten*; *die Geburtswehen — die Wehe*; *die Hosenträger — der Hosenträger*; *das Haar — die Haare* etc.⁴

Ostern ist vorüber.

„*Pfingsten, das liebliche Fest, ist gekommen.*».
(Goethe)⁵

2) Корреляция ед.ч. — мн.ч.⁶ хотя и возможна, но семы слабо противопоставлены, они нейтрализуются:
die Luft — die Lüfte, der Wind — die Winde
die Angst — die Ängste

Формы мн.ч. способствуют усилению выражаемого по-

³ E. Koschmieder. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg 1965.

⁴ Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1959, S. 169—170.

⁵ W. Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik, Berlin 1965, S. 111—112.

⁶ Корреляция — это взаимная обусловленность или зависимость двух и более единиц языка.

нятня, большей экспрессии, сгущению представления. Их можно встретить в поэзии, в художественной прозе как стилистическое средство интенсификации. Например:

In Dunkelheiten voller Schrecken... verloren sich seine Gefühle. (B. Kellermann — Der 9. November)

3) Форма мн. ч. в связи с потерей словом его внутренней формы, забвением его этимологии начинает восприниматься как форма ед. ч. и устанавливается новая корреляция ед. ч. — мн. ч. der Keks (англ. cakes «пирожные») — die Kekse

die Bibel (лат. *biblia* «книги») — die Bibeln

die Brille (от *der Bryll* — *beryllus* «Берилл») — die Brillen

4) Слово может приобрести новое значение, связанное с исчисляемым понятием. В этом случае способность иметь корреляцию ед. ч. — мн. ч. становится формальным признаком, разграничитывающим два значения:

die Schönheit	«красота», мн. ч. нет
die Schönheit	«красавица»
die Schönheit	«красивое место»
die Süßigkeit	«сладость», мн. ч. нет
die Süßigkeit	«кондитерское изделие», die Süßigkeiten
die Plastik	«скульптура как вид искусства», мн. ч. нет
die Plastik	«скульптура как произведение», die Plastiken
die Keramik	«керамика», мн. ч. нет
die Keramik	«керамическое изделие», die Keramiken

С аналогичным значением употребляются во мн. ч. Grafiken, Musiken, Poesien.

die Kritik	«критика», мн. ч. нет
die Kritik	«критическое замечание, выступление», die Kritiken
die Volksdemokratie	«народная демократия», мн. ч. нет
die Volksdemokratie	«страна народной демократии», die Volksdemokratien

Эти случаи подводят нас к распространенному среди имен вещественных явлениям, когда одно значение слова соот-

ветствует неисчисляемому понятию (обычно массе вещества), а другое — исчисляемому понятию (обычно конкретизации или части массы). В первом случае нет корреляции обоих чисел, во втором она есть:

Brot — первое значение «хлеб»; das Brot — die Brote — второе значение «отдельные выпеченные хлеба»; также: Hölzer, Mehle, Salze, Weine, Garne, Stähle, Bleie, Zemente.

Лексическое значение слова способствует пониманию мн. ч. как множественности сортов, видов, марок (стали), пород (дерева). Это значение может быть выражено и путем словосложения: Mehlarten, Wollarten, Fleischsorten⁷.

5) Среди личных имен корреляция чисел возможна:
а) если речь идет об однофамильцах,
б) при обозначении целой семьи или рода,
в) при переходе личных имен в нарицательные, например: Rembrandt — die Rembrandts. Форма мн. ч. может иметь одно из четырех значений в зависимости от контекста и ситуации: люди с одинаковой фамилией Рембрандт; семья Рембрандта или род Рембрандтов; люди, подобные Рембрандту, обладающие его качествами; картины Рембрандта.

6) Географические названия имеют корреляцию чисел, если речь идет:

а) о нескольких одинаково названных географических пунктах: zwei New Jorks;
б) о разных частях страны или города:
zwei Deutschland(s), zwei Berlin(s);

в) о разных состояниях одной страны или города: zwei Amerikas. В остальных случаях корреляция отсутствует. Большинство географических названий относится к Singularia tantum, некоторые оформлены как Pluralia tantum: die Niederlande; die Alpen, Anden, Pyrenäen. В ряде случаев географические названия в форме мн. ч. воспринимаются в современном языке как единственное число: Hessen, Preußen (по названию племен); Baden, Gießen (из старой формы Dat. Pl. ze den baden, ze den giezen); названия местностей, оканчивающиеся на -brücken, -felden, -hausen, -hofen, -stetten:

⁷ А. М. Косякин. Категория числа имен существительных в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1962.

Итак, форма мн. ч. при наличии противопоставления ед. ч. — мн. ч. передает только один смысловой признак «больше чем один; некое количество, большее чем единица», который мы назвали семой «множественность». В сущности эта форма малоинформационна, так как она ничего не сообщает ни о численности предметов, ни об их связях друг с другом. Для получения большей информации необходимо привлечение других языковых средств лексического уровня, которые могут уточнить информацию о множестве в двух отношениях:

1) требуется указать на численность, ответить на вопрос *сколько? много или мало?*, т. е. определить множество чисто количественно. Для этого требуется выразить еще один смысловой признак — сему «неопределенное количество» или сему «определенное количество». Этой цели служат сопроводители имени существительного: количественные местоимения и числительные. Первые выражают сему «неопределенное количество», вторые — сему «определенное количество». Однако между ними возможны и взаимные переходы (см. ниже). Кроме того, местоимения обладают некоторыми индивидуальными семами (см. ниже), а каждое числительное обозначает какое-то определенное число. В этом специфика данных средств как элементов лексического уровня. Но несмотря на это, всей группе местоимений присуща общая сема «неопределенное количество», а все числительные объединяет сема «определенное количество».

2) Требуется указать на связи между элементами множества, ответить на вопрос: что представляет собой множество — разрозненное оно или совокупное, т. е. охарактеризовать множество качественно. Этой цели служат имена собирательные, обладающие семой «совокупность». Иногда они сопровождают форму мн. ч.: *ein Schwarm Vögel*, иногда заменяют ее: *das Gebirge*. Сема «разрозненность» специальным средством не выражается.

⁸ W. Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik, S. 110.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ИНФОРМИРУЮЩИЕ О КОЛИЧЕСТВЕ КОМПОНЕНТОВ МНОЖЕСТВА

1. Количественные местоимения как выражатели неопределенного количества:

Alle(rlei)	Werkzeuge fehlten.
Sämtliche	
Mehrere	
Viele(rlei)	
Einige	
Etliche	
Manche(rlei)	
Wenige	
Ein paar	
Beide	
Keine(rlei)	

Вышеперечисленные слова представляют собой в грамматическом и семантическом отношении особую группу. Они разделяют вместе со всеми местоимениями их свойства: указательность, относительность своего содержания и др. (см. подробнее гл. 6). Они отличаются от таких местоимений, как *dieser* — *jener*, тем, что выражают количественные отношения⁹. Они дают большей частью общую и неточную количественную характеристику тому предметному понятию, с которым они соотносятся. Они выражают неопределенную множественность — семы «множественность» и «неопределенное количество» (кроме *beide*), но, помимо этого, они способны передать целую гамму числовых значений, начиная от «тотального множества» (*alle*) и кончая нулем (*keine*). Обычно они сопровождают существительное во мн. ч. (или соотносятся с ним в макроконтексте), присоединяя свои семы к семе «множественность» и конкретизируя тем самым понятие множества. *Alle* и *sämtliche* — синонимы, которых объединяет, кроме вышеуказанных двух сем, сема «тотальность». Они указывают на то, что ни один член множества не отсутствует. Они сочетаются со всеми назва-

⁹ Некоторые лингвисты указывают на возможность рассматривать эти слова среди числительных (W. Jüng. Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig, 1966, S. 353).

ниями исчисляемых понятий во мн. ч.: alle (sämtliche) Fenster, Völker, Freuden. Alle отличается от sämtliche более высокой частотой употребления, многозначностью (alle может иметь значение «кончилось, все», например: Zucker ist alle = ausgegangen,ср. русск. *сахар весь вышел*) и более разнообразными дистрибутивными возможностями.

Alle может употребляться:

1) не как сопроводитель существительного, а самостоятельно: Alle (Menschen) stimmen bei.

В среднем роде: Alles spaziert, alles lacht (M. Frisch — Homo Faber) — в значении «все люди вокруг». Такой прием встречается в художественной литературе;

2) в сочетании с личными местоимениями мн. ч.: wir alle; sie alle;

3) в сочетании с числительным и существительным в мн. ч.: Alle zehn Schritte, alle zwei Monate. Сема «тотальность» относится ко всему сочетанию zehn Schritte, zwei Jahre, представляя его как единый отрезок; кроме того, в результате идиоматичности словосочетания появляется новая сема «регулярность» (повторность с равными интервалами);

4) в сочетании с существительными в ед. ч., не имеющими формы мн. ч.: alle Mühe, aller Einsatz, alles Bremssen (half nichts).

Указанные семы слова alle придают этим понятиям значение многократных действий, объединенных стремлением к одной цели.

Alle не сочетается с именами собирательными и вещественными в ед. ч. При необходимости передать сему «тотальность» в отношении этих понятий привлекается слово ganz.

Cp.: die ganze Studentenschaft, но alle Studenten; das ganze Geld, но alle Gelder, all mein Geld

Слово ganz обладает только семой «тотальность», но не семой «множественность», что обуславливает смысловое различие в следующих двух словосочетаниях: alle Welt (=jedermann) — die ganze Welt (universum). По этой же причине all не может заменить ganz в сочетаниях: der ganze Staat, der ganze Mensch, das ganze Buch etc.

Синонимы manche и etliche объединены общей семой «сепаратность», они обозначают сепаратное (разрозненное) множество и противостоят таким образом синони-

мам *alle*, *sämtliche*. Они указывают на выделение нескольких разрозненных предметов (лиц) среди многих других и сочетаются с названиями всех исчисляемых понятий: *Manche (etliche) Fenster, Völker, Freuden*. «*Frauen waren für ihn ein begrifflicher Plural... Manche kriegt man, manche kriegt man nicht.*» (H. Spoerl — Wenn wir alle Engel wären)

Manche отличается от своего синонима значительно большей частотностью употребления (*etliche* в современном языке устарело), наличием краткой формы *manch lustige Geschichten*, которая может сочетаться с существительным в ед. ч. Сравним также: *manch eine Geschichte, manch schöner Traum*.

Синонимы *viele, mehrere* противопоставлены синонимам *wenige, einige, ein paar* по семам «большое количество — малое количество»: ¹⁰ *viel(e) Menschen, Bücher — wenig(e) Menschen, Bücher*. *Viel* и *wenig* имеют параллельные формы и сферы употребления. Они могут сочетаться с определенным артиклем: *die vielen (wenigen) Bücher*, с предлогом *von + Dativ*: *viele (wenige) von diesen Büchern*, с именами собирательными и абстрактными в ед. ч.: *das viele (wenige) Geld; viel (wenig) Zeit*.

Употребительна и краткая форма: *Sie machte sich nicht viel(e) Gedanken darüber, viel (wenig) Geld*.

В сочетании с *so* чаще встречается *viel(e)*, чем *wenig*: *so viel(e) Bücher*.

Mehrere и *einige* не имеют кратких форм и не сочетаются с существительными в ед. ч. Местоимение *ein paar* удалилось в своем значении от существительного *ein Paar, das Paar* и употребляется как синоним к *einige*: *ein paar Fragen, nur ein paar Worte, nach ein paar Jahren*. Несмотря на раздельное написание, обе части уже не воспринимаются как артикль и существительное, о чем свидетельствует отсутствие заглавной буквы у слова *paar*, а также возможность употребления с определенным артиклем: *die paar Mark Verdienst. Mit den paar Mark soll ich auskommen?* Употребление этого местоимения придает высказыванию пренебрежительный оттенок.

Синонимами к *viele* и *mehrere* служат прилагатель-

¹⁰ Г. Глинц выделяет два слова *viel* и *wenig* в особый класс слов „*Mengenwörter*“. H. G l i n z. Die innere Form des Deutschen, Bern — München 1965, S. 295.

ные *zahlreiche*, *häufige*. Они отличаются ограниченной сочетаемостью в силу своего более конкретного лексического значения: они могут относиться только к исчисляемым понятиям, поэтому нельзя сказать:

* die <i>zahlreiche</i> Zeit,	но viel Zeit
das <i>zahlreiche</i> Geld,	но viel Geld
die <i>zahlreiche</i> Geduld,	но viel Geduld

Häufig может относиться только к названиям действий, допускающих возможность повторения:

die *häufigen* Besuche, Streitigkeiten; das *häufige* Kommen.

Allerlei, *tausenderlei* и др. привносят сему «многообразие» (множество видов)¹¹.

Слово *beide* не имеет синонимов среди местоимений, его можно сопоставить только с числительным *zwei*. Тогда яснее выступают семы *beide*:

<i>beide</i>	—«указательность»
	—«числовое значение: два»
	—«объединение»

Beide означает объединение тех двух предметов (лиц), о которых шла речь или которые ясны из ситуаций: *Ich sah zwei Frauen; beide waren jung und hübsch*. *Beide* сочетается постпозитивно с личным местоимением: *wir beide, sie beide*. Возможна форма среднего рода: *Beides ist möglich*.

Перечень количественных местоимений заключает слово *keine*, значение которого сопоставимо с нулем в классе числительных. Это местоимение обладает семой «нулевое количество».

Keiner war da.

Kein einziger war da.

Keine Fenster, Völker, Freuden...

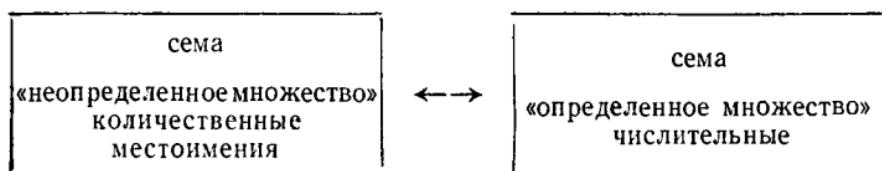
Возможен средний род, объединяющий лица мужского и женского пола: *Keines wagte, das Licht anzuzünden*. (H. Stehr)¹².

2. Числительные как выражатели определенного количества. Числительные дают точную количественную

¹¹ См.: J. Ergenp. *Ahriß der deutschen Grammatik*, S. 142.

¹² Der Große Duden. Op. cit., S. 269.

информацию: 2, 10, 25 Jahre, или информацию о порядковом номере: das zweite Jahr. Они выражают определенную множественность. Они обладают семами «множественность» и «определенность количества» (кроме чисел eins и null) и противостоят, таким образом, количественным местоимениям. Подобно последним они сопровождают существительное, конкретизируя количественные отношения. Можно установить смысловую оппозицию:

Между этими двумя противоположными по значению группами может произойти сближение. Так, местоимение beide равно по значению числительному zwei, а местоимение keine — числительному null. Иногда числительные zwei, drei, vier, fünf синонимичны местоимению einige:

...auf zwei Worte. Warten Sie bitte fünf Minuten! Ich brauche bloß zwei, drei Nägel und einen Hammer.

Существительные-числительные das Dutzend, das Hundert, das Tausend, die Million, несмотря на свое конкретное числовое значение, часто употребляются синонимично местоимениям viele, mehrere.

Dutzend Fragen.

Hunderte, Tausende von Menschen.

Tausende und aber Tausende.

Millionen und abermals Millionen.

„Seid umschlungen, Millionen.“ (Schiller)

Zu Hunderten und Tausenden.

Viele Hundert(e), mehrere Tausend(e) umsäumten die Straßen.

С последующим существительным эти слова могут соединяться одним из трех способов:

ein Dutzend der Löffel — мало употребительно,
ein Dutzend von Löffeln — употребительно,
ein Dutzend Löffel — наиболее употребительно

Хотя в этих случаях числительные передают не совсем точную количественную информацию, она точнее, чем информация местоимений, так как позволяет судить приблизительно о количестве элементов множества.

Существует целая группа слов — наречий, передающих сему «приблизительность количества». При сочетании с числительными сема «приблизительность» присоединяется к семе «определенность количества»:

gegen	{	100 Mark	über } 100 Mark
etwa			
ungefähr			
an			
nahezu			
kaum			

При сочетании имени числительного с именем существительным проявляются некоторые структурные особенности немецкого языка. Несмотря на значение множественности, передаваемое числительным, имя существительное может быть оформлено ед. ч. в следующих случаях:

- 1) если числительное оканчивается единицей [не в написании, а при произнесении слова;ср.: 1001 Nacht (подобно русск. *1001 ночь*), но 21 Züge (einundzwanzig, в отличие от русск. *21 поезд*)];
- 2) если два и более порядковых числительных относятся к одному существительному: die erste und die zweite Schicht (в русск. *первая и вторая смены*), der erste, der zweite und der dritte Tag. Это же правило действительно в отношении атрибутивных прилагательных; die russische und die deutsche Sprache (*русский и немецкий языки*);

3) если при обозначении времени числительное сочетается со словом Uhr: um fünf Uhr;

4) если при обозначении измерений числительное сочетается с названием меры мужского или среднего рода (и часто с названием измеряемого вещества):

Das kostet 10 Mark, 100 Pfennig.

220 Kilowatt, 500 Gramm Zucker, 2 Kilo Fleisch,

10 Stück Seife, drei Glas Kaffee, 10 Sack Mehl.

Ho: drei Tassen Kaffee, Flaschen Bier.

Das kostet 10 Kronen, Peseten, Kopeken.

Если сочетание из тех же компонентов употребляется не как информация об измерении, а как информация о некоторых предметах, то названия последних стоят во мн. ч.:

Dort stehen drei Gläser mit Wasser,
zehn Säcke mit Mehl.
In meiner Tasche sind 10 Pfennige.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ИНФОРМИРУЮЩИЕ О КАЧЕСТВЕ МНОЖЕСТВА. ИМЕНА СОБИРАТЕЛЬНЫЕ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ СОВОКУПНОГО МНОЖЕСТВА

Сопоставляя два слова *die Berge* — *das Gebirge*, мы видим, что их грамматические значения близки, хотя и не одинаковы. Первое слово в форме мн. ч. информирует нас о наличии более чем одной горы; второе в форме ед. ч. содержит ту же информацию, добавляя к ней еще одну — горы соединены друг с другом, образуют горную цепь. К семе «множественность» присоединяется сема «совокупность». Слово *der Berg* вступает в две корреляции, одну чисто грамматическую и другую — лексико-грамматическую:

der Berg |↔ die Berge
..... das Gebirge

поэтому имена собирательные можно назвать языковыми средствами выражения «совокупного множества»¹³. Они обладают двумя семами: «множественность» и «совокупность», проявляющимися уже в форме ед. ч.¹⁴. Если же от этих слов образовать форму мн. ч. *das Gebirge* — *die Gebirge*, прибавив тем самым еще одну сему «множественность», то это уже будет как бы возведение в квадрат или двойная множественность. Однако далеко не

¹³ Существуют, кроме того, термины: *individueller Plural* — *Einheitsplural* (W. Schmidt. Op. cit., S. 110; O. Behaghel. Deutsche Syntax, Bd. 1, Heidelberg 1923, S. 459).

¹⁴ Этот двусторонний характер О. Есперсен определил следующим образом: «Собирательность в логическом отношении, с одной стороны, есть единичность, а с другой — множественность» («Философия грамматики», стр. 225).

все имена собирательные могут иметь форму мн. ч., ее не имеют, например, слова *Geflügel*, *Gebäck*, *Geschirr*, *Gemüse*, *Studentenschaft*, *Arbeiterschaft*, и не все имеют форму ед. ч., ее не имеют, например, слова *Eltern*, *Geschwister*, *Personalien*. Характер связи между элементами множества, который мы назвали семой «совокупность», различен в зависимости от обозначаемых данным словом предметов. Это может быть совокупность предметов однородных:

das Gebirge = Berg + Berg + Berg;

die Studentenschaft = Student + Student + Student;
или неоднородных:

das Geflügel = Huhn + Hahn + Gans + Ente etc.;

das Gedeck = Löffel + Messer + Gabel + Teller ...;

die Famille = Vater + Mutter + Sohn + Tochter + Großvater...,

также:

das Gemüse, Getreide, Eingeweide.

Однородные собирательные образованы обычно от того же корня, что и индивидуальные нарицательные и близки по значению к форме мн. ч. последних. Для их образования служат префиксы и суффиксы: префикс *ge*, суффиксы *-schaft*, *-(r)ei*, полусуффиксы *-zeug*, *-werk*.

das Gebälk — die Balken

das Gebirge — die Berge

das Waschzeug

das Gefülle — die Felder

das Backwerk

das Gebüsch — die Büsche

das Schuhwerk

Этимологическая и словообразовательная связи могут в отдельных случаях отсутствовать:

das Laub — die Blätter (русск. листва — листья)
das Gebein — die Knochen

К однородным собирательным относятся отглагольные существительные, обозначающие совокупность одинаковых действий, связанных временем, местом или принадлежностью к одному источнику действия: *das Geschrei*, *das Geklapper*, *die Fragerei*, *die Lautsprecherei*. Неоднородные собирательные не связаны этимологически с каким-то индивидуальным нарицательным именем и поэтому несопоставимы с формой мн. ч. одного слова. Они объединяют в своем значении несколько разных слов и являются емким и экономным способом обозначения.

Так, слово *Gemüse* заменяет целый перечень различных овощей, а слово *Getreide* включает самые разнообразные злаковые культуры. Несмотря на большие достоинства имен собирательных, их использование ограничено. Значение совокупного множества нельзя передать так же легко и автоматически, как значение множественности. Имена собирательные не образуются по грамматической модели, свободно заполняемой почти всеми именами существительными, подобно модели формы мн. ч. В словарном составе языка существуют уже готовые словарные единицы, и только ими говорящий вправе оперировать. Так, нет соответствующих собирательных имен к словам: *Stühle* (но есть *das Möbel*), *Bilder* (*das Gemälde* только по форме имя собирательное, а по значению единичное), *Papiere*, *Mädchen*, *Fenster*, *Städte*, *Freuden*... Что касается уже имеющихся собирательных имен, то как и любые слова они подвержены изменению значения. Одни приобретают эмоциональный отрицательный характер, например:

Ich kenne diese Lautsprecherei.

...diese Warterei von Tag zu Tag.

ihr Getue dabei. (M. Frisch — *Homo Faber*)

Другие только в одном из своих значений относятся к собирательным:

die Jugend | — «молодость» абстрактное имя
| — «молодежь» собирательное имя

Третий переходят из группы собирательных в группу индивидуальных нарицательных, теряя семы «совокупность» и «множественность»: *das Gemälde*, *Gebäude*, *Gebet*, *Gebot*, *Gedicht*, *Gefühl*... Все эти обстоятельства чрезвычайно ограничивают говорящего.

Большую свободу предоставляет говорящему другой способ выражения совокупного множества — с помощью словосочетания типа *eine Schar Kinder*, *ein Stoß Teller*. Здесь произошло разделение семантической нагрузки: первое существительное передает сему «совокупность», а второе — «множественность». Благодаря тому что это модель словосочетания, она допускает разнообразную подстановку обоих компонентов без тех жестких словообразовательных ограничений, которые характеризуют имена собирательные. Однако известные ограничения имеются и здесь. Они исходят от первого компонента.

Им может быть определенная группа имен собирательных, каждое из которых обладает своими сочетательными возможностями (валентностью, валентной связью) с другим существительным в мн. ч. Некоторые слова отличаются широкой сочетаемостью. Например, слова *Reihe*, *Anzahl*, *Menge* сочетаются с существительными разных тематических групп: *Menschen*, *Papiere*, *Steine*, *Autos*, *Sommertage*, *Gedanken*. Другие слова обладают узкой сочетаемостью:

ein Spiel Karten «колода карт»

ein Strauß Blumen (Rosen, Nelken, Tulpen)

ein Rudel Wölfe, Hirsche, Wildschweine.

Слова с широкой сочетаемостью обладают малой информативностью, что и допускает разнообразие их валентных связей, слова с узкой сочетаемостью более информативны. Последние включают в свое содержание какие-то конкретные признаки множества: одушевленность, указание на род животных, неодушевленность, расположение компонентов множества и т. п. Только к названиям живых существ относятся слова *Schar*, *Rudel*, *Schwarm*, только к предметам — слова *Bündel*, *Stoß*, *Ballen*:

eine Schar Hühner, Gänse, Pferde, Reiher; eine Schar Kraniche, Krähen; eine Schar von Ärzten und Krankenschwestern. Слово *Haufen* нейтрально в этом отношении:

ein Haufen Menschen; in Haufen kommen;

ein Haufen Arbeit, Schulden.

Внутри каждой группы существует более тонкая дифференциация. *Herde* относится только к домашним животным, преимущественно к рогатому скоту: eine Herde Ziegen, Schafe, Rinder. *Rudel*, *Meute* относятся преимущественно к диким животным: ein Rudel Wölfe, Wildschweine, Hirsche, но ein Rudel Hunde, eine Meute Hunde.

Schwarm относится к крылатым насекомым и рыбам: ein Schwarm Bienen, Fliegen, Mücken, Heuschrecken; ein Schwarm Heringe (ср. русск. *рой насекомых* и *косяк рыб*). *Zug* относится к птицам и рыбам: ein Zug Kraniche, Fische (ср. русск. *стая птиц* и *стая волков*).

Имена собирательные, относящиеся к предметам, указывают на расположение компонентов множества, на форму совокупности. *Stoß* und *Stapel* указывают на нагромождение предметов друг на друга: ein Stoß (Stapel)

Teller, Bücher. Büschel указывает на споповидную форму: ein Büschel roter Notsignale. (B. Kellermann — Der 9. November) Bündel указывает на скрепленность, связанность компонентов:

ein Bündel bunter Putzfäden (M. Frisch — Homo Faber)
ein Bündel Eisenröhre (B. Kellermann — Der 9. November)

ein Bündel Reisig, Holz, Kleider.

При переносном употреблении всех этих слов сочетательные возможности значительно расширяются:

das Rudel Radfahrer (A. Seghers — Das siebte Kreuz)
Sie ist ein Bündel Nerven.

Имена собирательные могут характеризовать множество в отношении его величины: так, Haufen обычно указывает на объем, меньший, чем Schar. „Bald wurden die Haufen zu Scharen, bald die Scharen zu Heeren.» (Klopstock)

ФОРМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ СОВОКУПНОГО МНОЖЕСТВА

Форма мн. ч. не может, как правило, передать значение совокупного множества, это происходит лишь в особых случаях:

1) Суффикс -s, присоединенный к фамилии лица, может обозначать целую семью: die Müllers = die Familie Müller. Но для такого понимания требуется помочь контекста или ситуации (см. стр. 25).

2) Некоторые Pluralia tantum обозначают совокупное множество: Makkaroni, Chemikalien, Personalien, Kosten, Einkünfte, Fänge.

3) Некоторые существительные имеют две формы мн. ч., одна из которых обозначает чистую множественность, а другая — совокупную множественность:

Wort — Worte, Wörter

Land — Lande, Länder

Mann — Männer (устар. или иронич.), Männer
Undurchdringliche Finsternis lag über den deutschen
Ländern (B. Kellermann — Der 9. November).
Der mächtige Burgund hat seine Männer alle hergeführt.
(Schiller)

ИМПЛИЦИТНОЕ МНОЖЕСТВО

Имплицитным выражением (скрытым, не явно выраженным) какого-то значения мы назовем такие случаи, когда, несмотря на отсутствие формальных признаков этого значения, оно все же возникает в нашем сознании. Вопреки форме ед. ч. мы представляем себе множественность в следующих случаях:

1) Для немецкого языка характерна возможность употребления названий парных органов человеческого тела в ед. ч. со значением мн. ч.: *das Auge, das Ohr, das Bein*.

Mir wird's so wohl in deinem Arm. (Goethe — Faust)

Er hatte eine stark gebogene Nase, ein kühnes Auge und einen starken Arm. (L. Frank — Karl und Anna)

2) Местоимение *man* + глагол в ед. числе может относиться

а) к множеству неизвестных лиц (*die Menschen, sie*):

Von diesem Projekt sprach man viel in Madrid. (L. Feuchtwanger — Goja)

б) к множеству известных лиц (*sie*):

In der Villa auf Friedriksberg wurde... nicht musiziert, wenn Herr von Spade da war. Man achtete sorglichst darauf, daß dafür keine Zeit blieb. (K. Michaelis — Mette Trap)

в) к множеству известных лиц, включая говорящее лицо (*wir*):

Es war Nacht, als man weiter flog, und wir flogen zu nördlich, so daß ich den Golf von Korinth... nicht erkennen konnte. (M. Frisch — Homo Faber)

г) кроме того, *man* может соответствовать *ich* и *du*. Эти случаи не относятся к Полю Множественности:

Ein junger Mann... besteht darauf, meinen Whisky zu zahlen, weil er Vater geworden ist... Er stellt sich vor und will wissen, wie man heißt, wieviel Kinder man hat, vor allem Söhne; ich sage «Five». (Ebenda)

3) Значение неопределенной множественности содержится в устойчивых парных сочетаниях существительных типа:

*Meldung um Meldung (= viele Meldungen)
von Tag zu Tag, Tag für Tag (= viele Tage)*

По данной модели могут быть построены многие сочетания. Благодаря своей идиоматичности модель по-

рождает не только сему «множественность», но и новую сему «непрерывная повторность». Der Lautsprecher gab Meldung um Meldung. (M. Frisch—Homo Faber). Громкоговоритель выкрикивал обявление за объявлением (одно за другим, непрерывно).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доминанту ПМ_и образуют формы мн. ч. имен существительных, выражающие чистую множественность. Имена прилагательные, глагол и личное местоимение sie повторяют значение множественности имени существительного, согласуясь с ним формально. Личные местоимения wir и ihr передают множественность лиц, участвующих в акте речи. Формы ед. и мн. ч. существительных обладают семами «единичность — множественность», проявляющимися при условии исчисляемости соответствующих понятий. Сема «множественность» в зависимости от конкретного лексического наполнения может иметь разные модификации.

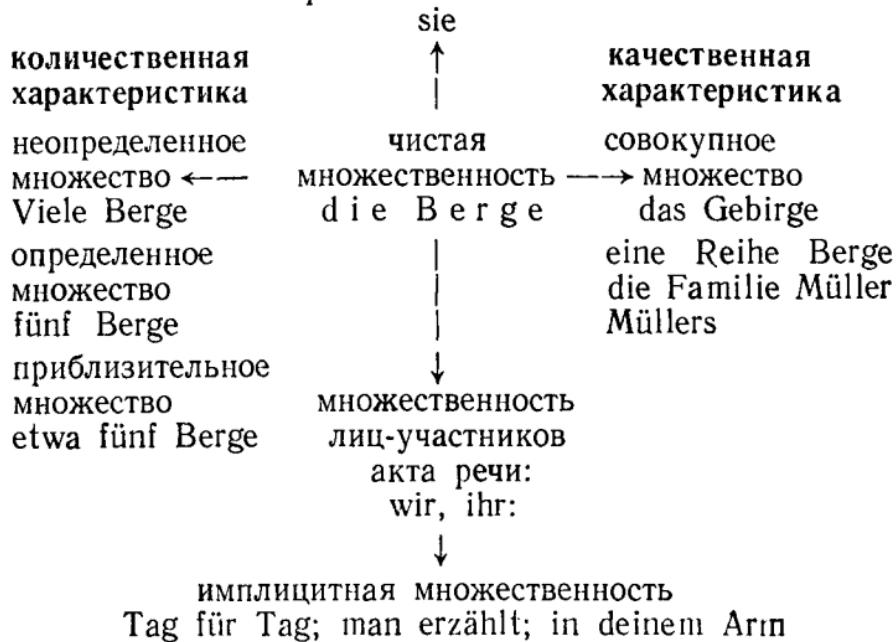
Остальные лексические компоненты ПМ_и служат цели конкретизации множества; неопределенные местоимения и числительные, сопровождая существительное, конкретизируют множество чисто количественно — как определенное или неопределенное множество (с разными модификациями). Наречия приблизительной оценки в сочетании с числительными выражают приблизительное множество (etwa 100 Mark). Имена собирательные, сопровождая существительное или заменяя его, конкретизируют множество качественно, как совокупное множество. Значение совокупного множества с очень ограниченным диапазоном действия может иметь и форма мн. ч. (die Müllers). Следовательно, вертикальный разрез поля (по уровням) обнаруживает его большую многослойность. Если произвести горизонтальный разрез, то он должен захватить два поля: ПМ_и и ПЕ_д (Поле Множественности и Поле Единичности), которые вместе составляют одно Макрополе Числа.

Множественность может выражаться имплицитно (скрыто, не явно), эти случаи находятся на периферии поля.

Схематически Поле Множественности можно представить следующим образом.

Поле Множественности

Репрезентация множества

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ I

1. Е сперсен О. Философия грамматики, М., 1958.
 2. К лаз М. Н. О внутренних и внешних способах выражения количественных значений существительного в английском языке. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 3, М., 1964.
 3. К осякин А. М. Категория числа имен существительных в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., 1962.
 4. Р еформатский А. А. Число и грамматика. «Вопросы грамматики». Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова, М., 1960.
 1. В е h a g h e l O. Deutsche Syntax, Bd. 1, Heidelberg 1923.
 2. E r b e n J. Zur Geschichte der deutschen Kollektiva, „Sprache-Schlüssel zur Welt“. Festschrift für L. Welsgerber. Düsseldorf 1959.
 3. S t e g m a n n v o n P r i t z w a i l K. Die Pluralumwälzung im Deutschen. „Deutschunterricht“, 10, 1958, Heft 4.

ПОЛЕ ВРЕМЕНИ (ПВ_Р)

Als der junge Ingenieur Jacques Gregor, von dem heute ganz Anatol spricht, vor einigen Monaten aus dem Auslande zurückkehrte, wurde seine Ankunft in der Stadt überhaupt nicht beachtet. Er kam an einem heißen Nachmittag in einer verstaubten Kalesche von der Station Kombös herüber, und die Leute von Anatol schließen wie gewöhnlich noch hinter den geschlossenen Fensterläden...

(B. Kellermann — Die Stadt Anatol)

Если из этого текста удалить все временные показатели, оставив только глагольные формы, то яснее выступит роль последних:

Der junge Ingenieur Jacques Gregor, von dem ganz Anatol spricht, kehrte aus dem Auslande zurück. Seine Ankunft wurde nicht beachtet. Er kam in einer verstaubten Kalesche von der Station Kombös herüber, und die Leute von Anatol schließen hinter den geschlossenen Fensterläden...

Что сохранилось и что изменилось в содержании текста?

Текст сохранил свой основной смысл — передачу некоторых событий в определенном временном плане — плане прошедшего времени. Ясно и временное соотношение событий — разновременность действий благодаря смене претерита и презенса и одновременность остальных действий благодаря повторению претерита и общему смыслу. Возможно, что полной одновременности между действиями *zurückkehrte* и *kam in einer Kalesche* нет, но это несущественно с чисто грамматической точки зрения.

Не сохранилась в тексте конкретизация во времени, временные координаты оказались абстрактными. Ускользнула часть информации, а именно: бурные события, описанные в романе, произошли всего за несколько месяцев; приехал Грегор после полудня, что само по себе может быть не так важно, но что объясняет, почему все жители спали за закрытыми ставнями. Этим автор охарактеризовал и глухой провинциальный городок, тишину и ленивый ритм которого суждено было взорвать Грегору. Если бы жители спали ночью, об этом можно было и не упоминать.

Уже данный маленький эксперимент позволяет судить о различном назначении грамматических времен и других показателей времени. Грамматические времена определяют общий временной план как прошедшее, настоящее, будущее и общее соотношение действий как одновременных, так и разновременных. Последнее значение передают также именные формы глагола — причастие I и II, и инфинитив II, соотнесенные в предложении со спрягаемой формой глагола-сказуемого.

Остальные временные показатели конкретизируют временной план и соотношение действий. Они сопровождают временные формы, уточняя или модифицируя временное значение; они могут оказаться даже семантически сильнее временной формы, нейтрализуя ее значение и перенося ее из одной временной сферы в другую (презенс в сферу будущего или прошедшего, перфект в сферу будущего и т. д., см. стр. 51, 52, 54).

К временным показателям относятся:

- 1) союзы придаточных предложений времени в структуре сложного предложения,
- 2) наречия времени,

3) существительные со значением времени с предлогом и без предлога,

4) прилагательные со значением времени.

2, 3 и 4 средства могут соотноситься не только с глаголом, но и с существительными: *die Frau von heute*, *die Frau des 20. Jahrhunderts*, *die heutige Zeitung*.

Ядро ПВ_р образуют временные формы глагола. Они являются универсальным и обязательным средством выражения времени. Вне формы времени немыслим ни один глагол. Любое самое несвязанное с временем понятие, будучи оформлено как глагол, приобретает временное значение:

Tiger — *tigern*, *tigert*

Tisch — *tischen*, (*auf*)*tischen*, *tischt*... *auf*

Все остальные средства более или менее факультативны, они лишь кооперируют с глагольными формами, выступая самостоятельно только в безглагольных предложениях (см. стр. 66). На этом основании следует считать временные формы доминантой поля.

Имеются в виду формы индикатива, так как у форм конъюнктива доминирует модальное значение, которому подчинено временное значение. Императив не имеет четкого временного значения, он выражает скорее презентно-футуральную перспективу. В данном разделе речь идет о формах индикатива.

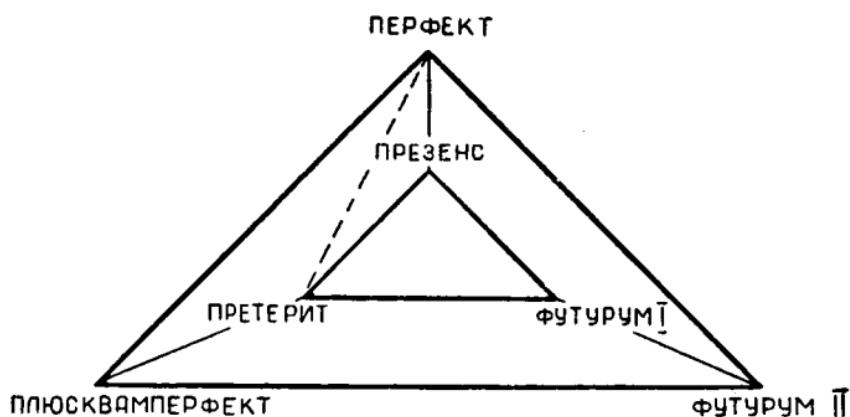
ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Шесть временных форм индикатива современного немецкого языка предназначены для создания временной перспективы (ориентации) в двух планах:

как настоящее, прошедшее, будущее (абсолютное временное значение); как одновременность — разновременность действий (относительное временное значение).

Оба плана слиты воедино. Нет временной формы, которая могла бы передать только одновременность — разновременность в отрыве от настоящего — прошедшего — будущего. Если бы существовал только один первый план, то он покрывался бы тремя формами: презенсом, претеритом, футурумом. Необходимость двойной временной характеристики вызвала появление еще трех форм: перфекта, плюсквамперфекта, футурума II.

Соотношение шести форм можно изобразить в виде двух треугольников (пунктирная линия указывает на синонимию форм):

Если грамматическую информацию каждой формы внутреннего треугольника выразить через одну сему:

презенс претерит футурум I
настоящее прошедшее будущее

то грамматическая информация форм внешнего треугольника вдвое сложнее, она складывается из двух сем:

перфект	плюсквамперфект	футурум II
прошедшее	прошедшее	будущее
предшествование	предшествование	предшествование
по отношению	по отношению	по отношению
к настоящему	к прошедшему	к будущему

Когда же эти три формы употребляются абсолютно, что особенно характерно для перфекта, то вторая сема не проявляется или видоизменяется в сему «законченность действия» (подробнее см. ниже).

Для выражения одновременности особых временных форм не существует, для этого достаточно соположения одинаковых форм или форм, близких по составу сем (подробнее см. ниже). Начертенная выше фигура дает представление о парадигматической схеме форм в их основных (парадигматических) значениях. При употреблении форм в разных речевых условиях проявляется их многозначность, происходит многократное пересечение форм, сближение их значений, синонимия. Если сопоста-

вить формы: *Er kam* — *er kommt* — *er wird kommen*, то они кажутся четко распределенными по трем временными сферам: настоящее — прошедшее — будущее. Но если наблюдать за ними в разных контекстах, то оказывается, что границы между ними стираются. Поэтому излагать значение временных форм целесообразно по тем пятью временными сферам, которые они выражают: настоящее, прошедшее, будущее; одновременность, разновременность. Первые три можно считать микрополями в Макрополе Времени.

Одновременность — разновременность нельзя считать отдельными микрополями, так как эти отношения совмещены с настоящим — прошедшим — будущим. Все остальные средства выражения временных отношений свободно «передвигаются» по всем микрополям или закреплены за каким-то одним полем (см. ниже).

Временные формы, выражающие настоящее время (Макрополе NB_p)

Основной формой с этим значением является презенс. Настоящее время могут иногда выражать претерит и футурум. Чтобы понять особенности этих временных форм, надо выяснить, что такое настоящее время.

Границы настоящего времени подвижны, они могут совпадать с моментом речи *Warum lächelst du?*, а могут и растягиваться на отрезок времени любой величины.

В следующих четырех предложениях отрезок, покрываемый настоящим временем, становится все больше и больше:

Wir leben in Moskau.

Wir leben im 20. Jahrhundert.

In Afrika leben Krokodile.

Die Erde ist rund.

Это дало основание некоторым лингвистам объявить презенс вне временной или общей формой¹. Но дело не только в самом презенсе как в грамматической форме, а в понимании области настоящего времени. Стоит во всех вышеприведенных предложениях заменить презенс

¹ H. Glinz. Die innere Form des Deutschen. H. Weber. Das Tempussystem des Deutschen und des Französischen. Bern 1954.

формой прошедшего или будущего времени, как исчезнет представление о настоящем времени:

Wir lebten (werden leben) in Moskau.

Wir lebten (werden leben) im 20. Jahrhundert.

In Afrika lebten (werden leben) Krokodile.

Die Erde war (wird sein) rund.

И прошедшее и будущее времена указывают на отсутствие данного действия (факта) с точки зрения говорящего, на его неактуальность (актуальность в смысле наличия фактов, неактуальность — отсутствие их). Настоящее время — это область актуальных фактов, наличных фактов, действительных фактов. В зависимости от того, о каких фактах по отношению к каким субъектам идет речь, актуальность может распространяться на временной отрезок любой величины. В предложении *Die Erde ist rund* утверждается наличие признака субъекта, также как в предложении *Diese Frau ist schlank*, а различие временного диапазона связано с различием субъектов *die Erde* и *diese Frau*.

Итак, область настоящего времени — это область актуальных действий, а презенс — форма выражения актуальности.

Актуальность — неактуальность определяется с точки зрения участников речевого акта. В устной речи при непосредственном общении собеседников в конкретной ситуации не представляет никакой трудности отличить настоящее время от ненастоящего. В данном случае употребителен только презенс как форма актуальности. В письменной речи (в художественной литературе) устная прямая речь имитируется, а условия ситуации описываются автором. В прямой речи сохраняются те же временные формы, что и в устной речи:

— In den Goldwäschereien ist ein feiner Verdienst.

— War einmal, sagte Delamarche.

— Ist noch immer, sagte Robinson.

(F. Kafka — Amerika)

Значительно сложнее обстоит дело с авторской речью. Читая научный труд, мы воспринимаем как нечто совершенно естественное, что описываемые в нем факты изложены в презенсе (если речь не идет об исторических фактах, предыстории, сопоставлении современных данных с прошлым науки и т. п.). Презенс передает актуальность излагаемого содержания. Но большинство литературных

художественных произведений написаны в форме претерита, реже в форме презенса, причем претерит обычно не воспринимается как прошедшее. Читая начало рассказа Стефана Хейма «Babik»: «Babik stand da, auf den Griff seines Spatens gestützt, und blickte auf sein Haus» — или начало рассказа Вальтера Гориша «Mich dürtet»: «José war ein Pistolero. Also ein Subjekt, das bereit war, für eine gewisse Summe Pesetas auf Menschen zu schießen», читатель не противопоставляет мысленно прошедшее настоящему («теперь он уже больше не стоит!»), а представляет себе действия так, как будто они развертываются синхронно, как актуальные события. Конечно, это фиктивное настоящее и фиктивная актуальность, также как фиктивны (вымыслены) и действующие лица, и место событий, и форма 1-го лица, от которой некоторые авторы ведут рассказ. Доказательством является то, что временное восприятие не меняется, если формой повествования избран презенс:

«Ich bin nicht Stiller! — Tag für Tag, seit meiner Einlieferung in dieses Gefängnis sage ich es, schwöre ich es und fordere Whisky». (M. Frisch — Stiller)

Фиктивность содержания, недопустимая в таких литературных жанрах, как научная проза, историческая хроника, в художественной литературе подчеркивается формой претерита, который здесь призван передать минимую актуальность. Это впечатление поддерживается временными сопроводителями из Микрополя Настоящего времени *heute, jetzt, augenblicklich*:

Der junge Schauspieler Raoul Rainer ..., gelblich und mit melancholischen Augen, der augenblicklich nur 50 Mark Gage bezog...
(A. Zweig — Einberufung)

Следовательно, претерит как выразитель прошедшего в авторской речи художественного произведения носит условный характер. Претерит атеппорален (*zeitindifferent*), он представляет собой потенциальное настоящее, актуализированное до степени псевдонастоящего (*Schein gegenwart*), это «эпическое настоящее»².

² Käte Hamburger. Die Logik der Dichtung. Stuttgart 1957. Robert Petsch. Epische Grundformen. „Germanisch — Romanische Monatsschrift“, 16. Jg. H. 9/10; 1928; Franz Stanzel. Die typischen Erzählsituationen im Roman. „Wiener Beiträge zur englischen Philologie“, B. LXIII, 1955.

Такое же псевдонастоящее выражает претерит во внутренней речи при передаче автором мыслей, чувств действующего лица:

Wo war Doktor Grabow? Die Konsulin erhob sich unauffällig und ging. (Th. Mann — Buddenbrooks).

Футурум приобретает значение настоящего, если он выражает предположение по поводу актуальности какого-то события, т. е. при присоединении семы «предположение» (см. гл. III). В контексте должны содержаться указания на презентное окружение, иначе футурум будет отнесен к области будущего:

Er zog eine ziemlich zerknitterte Depesche aus der Tasche... «Es wird von Maybaum sein, was Geschäftliches.» (F. C. Weiskopf — Abschled vom Frieden)

«Vielleicht hat er sich versteckt», sagte der Wirt... „Diese Kühnheit wird er doch wohl nicht haben», sagte Frieda. (F. Kafka — Das Schloß)

Итак, если сравнить три формы, способные выразить настоящее время (актуальность события), то из них только презенс выражает чистую и подлинную актуальность, в то время как претерит выражает мнимую актуальность в жанре художественной литературы, а футурум — предположение по поводу актуальности. Поэтому употребление претерита и футурума в Микрополе НВр ограничено, факультативно, презенс же независим от условий стиля, контекста или ситуации (если не происходит транспозиции)

Временные формы, выражающие прошедшее время (Микрополе ПВ_р)

Мы интерпретировали прошедшее время как область неактуальных событий. Неактуальность здесь следствие того, что события уже имели место.

Для выражения прошедшего времени служат формы: претерит, перфект, плюсквамперфект, презенс, футурум II.

Претерит — основная форма выражения неактуальности в данном микрополе. Это очевидно при противопоставлении презенса и претерита (см. пример на стр. 46). Перфект более ограничен в своем употреблении, чем претерит; отчасти потому, что он свойствен преимущественно прямой речи, в то время как претерит ис-

пользуется во всех видах речи; отчасти потому, что перфект специализировался на выражении предшествования по отношению к настоящему. *Wir sind auch keine Engel und nie gewesen.* (G. Harkenthal — *Liebe ist mehr*) Между претеритом и перфектом можно установить некоторые смысловые различия. Претерит выражает (кроме авторской речи художественного произведения) неактуальность, перфект же как бы перебрасывает мостик между неактуальностью и актуальностью, между прошедшим и настоящим. Он выражает действия, имевшие место в прошедшем, но не потерявшие связи с настоящим. Он обладает семой «контактность с настоящим». Эта связь проявляется разнообразно. Например, действие в перфекте может выражать причину какого-то действия или состояния в момент речи:

Draußen hämmern die Schachtsignale. Eine Elektromaschine brummt aufreizend. Die Schicht hat begonnen. (E. Strittmatter — *Der Ochsenkutscher*)

Перфект обозначает действие, результат которого актуален для настоящего времени:

Ich habe viel Geld gewonnen. (H. Mann — *Eugénie*) *Großmutter, ich hab mir ein Loch ins Knie gefallen.* (H. Fallada — *Geschichten aus der Murkelei*) *Aus uns ist geworden, was wir jetzt sind.* (H. Mann — *Eugénie*)

Действие в перфекте служит прологом к действию в настоящем времени:

Die alten Herren haben die erste Partie gespielt; nun stehen sie am Fenster. (Th. Storm — *Im Sonnenschein*)

Перфект оформляет выражение действия в прошлом, которое оценивается с позиции настоящего:

Ich bin all mein Lebtag nach ihm gelaufen und habe ihn nicht einmal zu sehen gekriegt. (H. Fallada — *Geschichten aus der Murkelei*)

Именно благодаря своей семе «контактность с настоящим» перфект избирается обычно как форма прошедшего времени в прямой речи, а претерит, не обладающий подобной семой, — в повествовании. Перфект в повествовании необычная форма, служащая для выделения особо значительного сообщения или личных замечаний автора по поводу описываемых событий:

Einsam stand der Ritter noch lange bei der Statue des Laokoon, sein Antlitz war ebenso verzerrt und weiß, bewußtlos entblätterte er alle Rosen des Rosenbaus;

er zerknockte sogar die jungen Knospen — der Baum hat nie wieder Blüten getragen — in der Ferne klagte eine wahnsinnige Nachtigall. (H. Heine — Ideen)

Различие между претеритом и перфектом яснее всего выступает при их противопоставлении в одном контексте:

Er suchte ein Käthchen im Leben und hat es nie gefunden. (L. Frank — Links, wo das Herz ist) Im Grunde ist er geblieben, was er war. (L. Börne)

Только перфект возможен во всех тех случаях, где речь идет о только что имевшем место действии, например в заключительном предложении оратора: Ich habe gesprochen, в ответе на вопрос «Не хотите ли вы есть?» — Danke, ich habe gegessen, а также, когда результат действия непосредственно связан с настоящим, важен для него, например: Hast du dieses Buch gelesen? Haben Sie im Restaurant gegessen? Ist etwas gefallen? Hat es geklopft? Seid Ihr noch zur rechten Zelt gekommen? Du hast eine schlechte Arbeit geschrieben³. Sieh da, es hat geregnet!

(Исключение составляют лишь модальные глаголы, глаголы *sein*, *haben* и пассив, употребляемые преимущественно в претерите из-за краткости этой формы, а также глаголы, вводящие прямую и косвенную речь.)

Плюсквамперфект в своем основном значении относится к области выражения разновременности (см. стр. 54 и др.) двух прошедших действий.

Sie hatte erfahren, daß er geheiratet hatte. Aus irgend einem Grund hielt sie das für ein Unrecht an sich. (B. Brecht — Dreigroschenroman)

Плюсквамперфект — зависимая от претерита форма; длительное повествование не может вестись в этой форме, плюсквамперфект выражает всегда действие, ориентированное на другое действие в претерите, предшествующее ему или, реже, следующее за ним. Поэтому плюсквамперфект занимает периферийное место в микрополе прошедшего времени.

Презенс участвует в микрополе прошедшего времени в своем второстепенном значении «исторического настоящего» (*praesens historicum*):

Unlängst sitze ich an der Tafel... (H. Heine — Ideen)

³ H. Согроди. Perfekt oder Imperfekt? „Sprachspiegel“, 1960/1, 16. Jg.

Для этого требуется транспозиция формы в речевые условия, типичные для доминанты данного микрополя — претерита. С помощью «переключателей» (лексических показателей прошедшего) и претеритального окружения презенс приобретает значение прошедшего времени. Противоречие между речевыми условиями и основным значением формы рождает особый коммуникативный эффект драматизации или экранизации событий, мнимой актуальности. Именно мнимая актуальность сближает претерит и презенс как формы повествования. Когда автор переходит от претерита к презенсу, то читатель не воспринимает это как скачок во времени; автор как бы меняет место съемки одного и того же окружения:

Es war auf einem Ball bei Baron Kreß. Eine junge Dame spielte eine Rolle dabei; und damals war er, der General, der beste Tänzer in Berlin. Damals warfete, gegen Morgen, ein Wagen vor der Treppe des Kreßschen Palais. Eine Dame springt die Treppe herunter. Sie hat den Pelz eilig um die Schultern geworfen. «Um Gottes willen», ruft sie, «er hat mich beobachtet, schnell.» Schon rollt der Wagen davon... (B. Kellermann — Der 9. November)

Претерит, усиленный словом *damals*, создает четкий фон прошедшего времени, на котором презенс может быть понят только как синоним претерита. Презенс в Микрополе Прошедшего времени занимает крайнее периферийное положение.

Футурум II выражает прошедшее время только при присоединении семы «предположение» (см. гл. III). В тексте должны быть указания на прошедшее время. Такое употребление типично для прямой речи:

Wo bist du gestern hingekommen? — Wo werde ich hingekommen sein? Nach Hause gegangen bin ich.

Временные формы, выражающие будущее время [Микрополе \mathbf{B}_p]

Будущее время, подобно прошедшему времени, область неактуальных событий, но неактуальность здесь имеет иную причину — события еще не происходили, они только предстоят.

Для выражения будущего служат формы: футурум, презенс, претерит, перфект, футурум II.

Футурум — доминанта в этом микрополе. Ее значение ясно выступает при противопоставлении презенсу:

«Ich liebe dich und ich weiß, ich werde nie wieder einen Menschen so lieben wie dich.» (E. M. Remarque — Der schwarze Obelisk)

Футуральный презенс нельзя считать доминантой, несмотря на его большую употребительность, так как для реализации этого значения требуются специальные указания контекста или ситуации. Презенс приобретает значение будущего, если происходит транспозиция формы в футуральное окружение:

Ich reise morgen fort und komme wohl nie wieder.
(H. Heine — Die Harzreise)

Слово *morgen* создало футуральную ориентацию. Такое же воздействие оказывает соседство с футурумом, включение в придаточное предложение с союзами *wenn*, *sobald*, *bis*, *ehe*, *bevor*, *sonst*, *damit*.

К футуральному презенсу тяготеют в первую очередь предельные глаголы (выражающие действия, направленные к достижению цели) как *kommen*, *bringen*, *bekommen*, однако и непредельные глаголы в презенсе могут транспонироваться в область будущего.

«Also, Sie denken bestimmt an mich, Herr Friedrich, nicht wahr?» (H. Fallada — Kleiner Mann — was nun?)

Наиболее употребителен в футуральном значении модальный глагол *wollen* (*sollen*), хотя он обычно сохраняет свою сему «желание».

Stimme nur an, Reinhard, ich will dir helfen. (Th. Storm — Immensee)

Если субъект неодушевленный, то глагол выражает предположение об ожидаемом событии: *Es will regnen* — или предстоящее с оттенком долженствования:

Diese Krankheit will sorgfältig behandelt werden.

Только *wollen* употребляется как показатель будущего в инфинитиве:

Er hat es fragen wollen.

Das Wetter scheint sich ändern zu wollen
(об императивном значении глагола см. гл. III).

Глагол *sollen* выражает уверенность в осуществлении действия, предсказание:

Tonychen, mein Kindchen, sollst sehen, er wird kommen. (Th. Mann — Buddenbrooks)

Футуральный презенс настолько обычен в устной и

письменной речи, что его стилистический эффект незначителен. Но есть случаи, параллельные историческому презенсу, когда футуральный презенс выражает мнимую актуальность несуществующих событий как прием драматизации или экранизации повествования. После введения, которое дает футуральную ориентацию, следует отрывок в презенсе, передающий мечты, планы так, как будто говорящий уже видит их реализацию, предвосхищает их свершение:

Er versucht sich vorzustellen, wie sein Leben sein wird, und kann es nicht. Da gehe ich die Straße lang und ist eine Kneipe, und ich gehe rein und sage: «Ober, ein Glas Bier!» (H. Fallada — Wer einmal aus dem Blechnapf frisst)

Jetzt, dachte ich, jetzt kommt sie [die Mutter] noch einmal zurück. Sie hat es gefühlt, sie gibt mir einen Kuß und fragt, fragt gütig und verheißungsvoll, und dann kann ich weinen, dann schmilzt mir der Stein im Halse, dann umschlinge ich sie und sage es ihr, und dann ist es gut, dann ist Rettung da! Und als der Türspalt schon dunkel geworden war, horchte ich noch eine Weile und meinte, es müsse und müsse geschehen. (H. Hesse — Demian)

Далекое будущее становится как бы реальностью, живым настоящим.

Футуральный претерит находится на периферии микрополя. Он ограничен одним видом речи — внутренней речью. В вышеприведенном тексте мог бы быть употреблен претерит, о чем свидетельствует другой отрывок из того же произведения:

Mein Gott, wie bald, dann sah ich sie nicht mehr, hörte nicht mehr ihren Schritt durchs Haus, fand nicht mehr ihre Blumen auf meinem Tisch.

И здесь мысли персонажа в будущем; еще не совершившиеся действия он представляет себе как законченные. Для реализации этого значения необходимы лексические «переключатели» в план будущего: bald, morgen, noch wenige Monate.

Футуральный претерит может иметь такой же эффект экранизации, как и презенс:

Das Bild bestand längere Zeit, deutlich und klar. Dann begann es zu schwanken und ein anderes trat hervor:

An der Stelle, wo gegenwärtig der alte, häßliche Tanzsaal sich breit machte, baute er ein Häuschen ... mit froh-

mütigen Zimmern ... Maurer ständen auf den Gerüsten ... singend wie die Lerchen ... Unten hantierten die Maler an den grünen Fensterläden, ... er meinte, er röche die Farbe. Anna guckte ihm über die linke Schulter, der Doktor über die rechte... (Spitteler — Conrad der Leutnant)

(Zit. nach W. G ü n t h e r. Probleme der Darstellung. «Die neueren Sprachen», Beiheft 13, 1928, S. 141.)

(Такое же значение может иметь кондиционалис I (подробнее см. гл. III.)

... aber er mußte doch immer an die Kleinen denken. Hubert würde von morgen früh nicht zurückkommen, und Vater kam ja erst in drei Wochen... (H. Böll — Erzählungen)

Футурум II и перфект в сфере будущего занимают положение, аналогичное плюсквамперфекту в сфере прошедшего. Футурум II и перфект ориентированы на другую форму из сферы будущего, они семантически несамостоятельны, так как специализировались на выражении разновременности в будущем. О синонимии этих форм свидетельствует следующий текст:

«Wenn du es geschafft hast, werde ich nicht mehr bei dir sein», hatte sie einmal gesagt. «Du wirst es schaffen», sagte sie leise. «Aber wenn du es geschafft haben wirst, werde ich nicht mehr bei dir sein.» (H. Fallada — Wolf unter Wölfen)

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОДНОВРЕМЕННОСТЬ-РАЗНОВРЕМЕННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ

Одновременность действий выражается, как правило, соположением одинаковых временных форм в структуре одного предложения или в контактирующих независимых предложениях. Главное условие — возможность одновременности названных действий:

Sie standen immer lange und sahen sie an. (H. Fallada — Kleiner Mann — was nun?)

Если действия хронологически несовместимы, то одинаковые формы выражают разновременность: Der Zug rollte langsamer und stand.

Другое, более однозначное, средство выражения одновременности — соположение временных форм с прича-

стием I. Последнее обычно выражает одновременность с действием сказуемого, но вместе с тем представляет действие как зависимое, подчиненное, сопутствующее:

Rauchend schildere ich ihm meine Arbeit.

Lächelnd reichte sie ihm die Hand.

Гораздо богаче средства выражения разновременности. Для этого служат а) специальные временные формы: плюсквамперфект, футурум II, перфект; б) соположение одинаковых форм; в) соположение временной формы и причастия II; г) соположение временных форм и инфинитива II.

Пример на соположение одинаковых форм был приведен выше.

В случае неясности временного соотношения между действиями используются специализированные временные формы. Все три формы чаще всего выражают действие, предшествовавшее другому действию, соответственно в прошлом, будущем, настоящем. Обозначение предшествования обязательно, если предыдущее действие называется во вторую очередь, т. е. если в изложении нарушается естественная последовательность действия ⁴.

Der Schuhladen sah ganz anders aus, als Karl sich ihn vorgestellt hatte. (L. Frank — Karl und Anna) *Ich sitze manche Nacht, wenn Ihr Licht längst erloschen ist.* (E. Strittmatter — Ochsenkutscher) *Wenn Sie diese Zeilen lesen, werde ich zu leben aufgehört haben.* (H. Sudermann — Der Wunsch)

В последнем случае чаще используется перфект:

Aber heiße Mühe wird es noch kosten, ehe er Marcia endgültig besiegt hat. (L. Feuchtwanger — Der falsche Nero)

• Возможны следующие варианты комбинирования временных форм для выражения разновременности:

плюсквамперфект + претерит (перфект)

перфект + презенс

футурум II + футурум (футуральный презенс + перфект)

Плюсквамперфект, перфект и футурум II могут выражать в определенных речевых условиях последующее

⁴ М. Д. Натанzon. Относительное употребление времен в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1948; ее же. Употребление плюсквамперфекта. «Иностранные языки в школе», 1950, № 3.

действие. Сема «предшествование» подавляется, четко выявляется сема «законченность действия». Такое употребление типично для предельных глаголов.

Ich lasse Ihnen bis morgen mittag Zeit. Dann haben Sie das Geld oder Sicherungen dafür herbeigeschafft. (B. Brecht — Dreigroschenroman) Da flatterte er wieder weg, leuchtete in der dunkelgrünen Tiefe noch einmal auf und war verschwunden. (L. Frank — Mathilde) Vielleicht wird es lange dauern, aber eines Tages werden wir es überwunden haben. (W. Jens — Der Blinde)

Установить очередность действий помогают лексические показатели (*dann, eines Tages*) и общий смысл текста.

Такая двузначность исключается, если разновременность выражается временной формой + причастие II. Однако этот способ влечет за собой два ограничения: действие в форме причастия II представляется зависимым, подчиненным действию сказуемого; кроме того, не все глаголы могут участвовать в причастном обороте с временным значением. Такое употребление допускают лишь предельные глаголы. Предельные переходные глаголы редко встречаются с этим значением. Свободно употребить любой предельный глагол в указанной конструкции нельзя. Приведем некоторые примеры:

Dies vollbracht, schlöß er die erhebende Versammlung. (H. Mann — Die Jugend des Königs Henri IV.) Dies getan, versammelte er seine Freunde um sich. (L. Feuchtwanger — Neros Tod) Alle Vorbereitungen wohl getroffen, brüllt er los. (Ebenda) «Heute ist doch Montag», sagte Frau Marnet zu Franz, als er, kaum den Teller aufgeschluckt, wieder aufstand. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Более употребительны интранзитивные глаголы (хотя также ограничены) из группы глаголов движения и изменения состояния:

In Moskau angekommen, gingen sie zum Roten Platz. Den 10. Oktober von Moskau abgereist, kamen wir in Kiew am 11. an. Auf der Straße angelangt, blieb er einen Augenblick stehen. Ruhiger geworden, setzte er seine Rede fort. Auf dem Lande aufgewachsen, konnte sie sich an die Stadt lange nicht gewöhnen.

Непредельный глагол в подобном употреблении совершенно необычен:

Martin gegangen, rief Gustav den Diener herbei. (L. Feuchtwanger — Geschwister Oppermann)

Причастие I эпизодически также может выразить предшествование в качестве синонима причастия II. Для этого требуются два условия: 1) причастие I должно быть образовано от предельных глаголов, выраждающих действие настолько кратковременное, что различие одновременности — разновременности практически мало ощущимо; 2) причастие I включается в обособленный временной оборот, обязательно препозитивный по отношению к сказуемому, так что сама позиция подсказывает последовательность действий:

Aus dem Schacht der U-Bahn kommend, setzte sich der Junge plötzlich in Trab. (H. Fallada — Jeder stirbt für sich allein)

Aus dem Nebenzimmer zurückkommend, meinte sie zufrieden... (W. Bredel — Verwandte und Bekannte)

Инфинитив II всегда выражает предшествование в отличие от инфинитива I, который не однозначен во временному отношении.

Er geht (ging) fort, ohne Abschied genommen zu haben. Der Zeuge behauptet (behauptete), den Angeklagten um 5 Uhr gesehen zu haben.

Die Freude, solche Schüler erzogen zu haben...

СОЮЗЫ С ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Временное значение имеют союзы придаточных предложений времени (подчинительные союзы), а также союзы-наречия, соединяющие части сложносочиненного предложения (сочинительные союзы). И те, и другие специализированы на выражении относительных временных значений.

Союзы значительно расширяют и дифференцируют отношения одновременности — разновременности. То, что в самом общем виде намечают временные формы, с помощью союзов конкретизируется и уточняется.

Все союзы можно подразделить на союзы одновременности и разновременности. Семой «одновременность» обладают подчинительные союзы *als, wenn, wie, sooft, solange, indes, derweilen* и сочинительные союзы *dabei, zugleich, und*.

Семой «разновременность» обладают подчинительные

союзы *als*, *kaum daß*, *nachdem*, *bis*, *ehe*, *bevor*, *sobald* и сочинительные союзы и наречия *dann*, *darauf*, *hierauf*, *fernher*, *endlich*, *nachher*.

Помимо этих сем, каждый союз привносит свои индивидуальные семы.

Все союзы, кроме *als*, свободно функционируют во всех трех микрополях. Их задача заключается в конкретизации значения одновременности — разновременности в отношении порядка следования действий, длительности, краткости, повторности, временного интервала и др. Только союз *als* составляет исключение. Он связан с микрополем прошедшего времени. Кроме того, он двузначен, он входит в два ряда: одновременности и разновременности. Двузначность разрешается в контексте обычно выбором временных форм, иногда общим смыслом. Но в какой бы ряд он ни входил, он обладает семой «однократность действия». *Als* обозначает а) одновременность и однократность:

Ich war draußen, als das Gewitter ausbrach;

б) разновременность (предшествование) и однократность:

Als er bis fünfhundert gezählt hatte, stand er auf.
(St. Hermlin — Die Zeit der Einsamkeit)

Als der Hörer des Telefons nebenan aufgelegt wurde, drückten sie sich die Hände. (B. Kellermann — Totentanz)

Союзы со значением одновременности

Среди союзов одновременности имеется ряд синонимов. Союз *als* в значении одновременности синонимичен союзу *wie*, который употребителен во всех временах.

Und wie er sitzt und wie er lauscht, teilt sich die Flut
empor. (J. W. Goethe)

Wie Diederich nahe kam, sah er sie schluchzen.
(H. Mann — Der Untertan)

Союз *als* сочетается со всеми временными формами из поля прошедшего времени, в том числе с историческим презенсом:

Aber sie schielen hin, als er jetzt vor dem Fräulein
steht. (St. Zweig — Erzählungen)

Союзы-синонимы *während*, *indes(sen)*, *derweilen*, *solange* обладают семами «одновременность» и «длитель-

ность действия »⁵. Из них *derweilen* и *indessen* устарели, *während* имеет, кроме временного значения, еще и противительное значение, а *solange* однозначный союз:

... jetzt in diesem Augenblick, der vergeht, während ich von ihm spreche... (E. M. Remarque — *Der schwarze Obelisk*)

Сравним тот же союз с противительным значением:

Dort hatte sie freien Raum um sich gehabt, während sie sich hier beengt fühlte und auch unsicherer. (B. Uhse — *Die Patrioten*)

Solange er neben mir ging, war gleichsam die ganze Natur entzaubert. (H. Heine — *Die Harzreise*)

Er sprach mit vor Erregung gepreßter Stimme, indes seine Hände zitterten. (Th. Mann — *Buddenbrooks*)

Du saßest fremd unter fremden Leuten,

Derweilen ich, die Seele voll Gram,

Auf der ganzen Erde dich suchte. (H. Heine)

Союзы *sooft* и *wenn* обладают семами «одновременность» и «многократность (повторность)» действия. Они синонимы и отличаются тем, что *sooft* однозначен, а *wenn* имеет несколько значений (условное, уступительное, противительное).

Кроме того, *wenn* в сфере будущего времени может относиться и к однократному действию:

Wenn du ... einstmals nach so vielen Jahren mit einem Vollbart heimkommst, wird Anna dich gar nicht gleich erkennen. (L. Frank — *Karl und Anna*)

Sooth интенсифицирует сему «многократность»:

Sooth sie ein Geräusch hörte, fuhr sie auf (= *jedesmal, wenn*).

Значения союзов одновременности должны быть обязательно подкреплены значениями временных форм, а именно, употреблением одинаковых или близких по значению форм. Если такой поддержки нет, если значение временных форм противостоит значению союзов, то влияние временных форм оказывается сильнее.

Так, союз *während* может быть использован при выражении разновременности. Он выражает предшествование:

⁵ Союзы *indem*, *wobei* выражают обычно также одновременность действия, но основное их назначение дать характеристику действия главного предложения или состояния субъекта во время действия: *Und hinaus rauschte sie, indem sie die Schultern ein wenig emporzog und den Kopf zurückwarf.* (Th. Mann — *Buddenbrooks*).

Du belügst mich, während ich dir immer die Wahrheit gesagt habe.

Союз *wenn* может выражать следование: Wenn er heimkam, war sie in der Regel schon fortgegangen.⁶

Решающее влияние принадлежит временным формам при союзе *als* (см. примеры выше).

Союз *wenn* теряет сему «повторность действия» в сочетании с футурумом или футуральным презенсом (см. пример выше).

Два сочинительных союза *dabei* и *zugleich* выражают чистую одновременность действия (сема „одновременность“) без сопутствующих сем. Они используются при желании усилить это значение или устраниТЬ двузначность временных форм⁷.

Например: Er rauchte, dabei erzählte er von seiner Arbeit.

Союзы со значением разновременности

Среди подчинительных союзов разновременности четыре союза несут информацию только о порядке следования действий: *nachdem*, *als*, *ehe*, *bevor*. *Nachdem* и *als* противостоят союзам *ehe* и *bevor*. Первые два указывают на предшествование действия придаточного предложения действию главного, а вторые два — на предшествование действия главного предложения действию придаточного:

Nachdem (*als*) er den Text laut vorgelesen hatte, übersetzte er ihn. *Bevor* (*ehe*) er den Text übersetzte, hatte er ihn laut vorgelesen.

Четыре других подчинительных союза несут информацию не только о порядке следования действия, но и о временном интервале между ними. *Sobald*, *kaum daß*, *seitdem* и *bis* выполняют роль пограничного сигнала начала (первые три союза) или окончания, предела (союз *bis*) действия главного предложения.

Союзы *seitdem*, *sobald*, *kaum daß* обладают семами «разновременность действий» и «граница начала действия», союзы *sobald* и *kaum daß* обнаруживают, кроме

⁶ О. Д. Хутарева. Особенности функционирования временных подчинительных союзов *während*, *indes(sen)*, *solange*, *als*, *wie*, *wo*, *da*, *wenn* и *sooft*. Канд. дисс. М., 1966.

⁷ См. дисс. О. Д. Хутаревой.

того, третью сему «быстрота следования действия» или «моментность».

Kaum hatte sich die Tür hinter ihr geschlossen, so begann Paola Weber... (A. Zweig — Junge Frau von 1914)

Sobald sich die Tür geschlossen hatte, begann sie zu sprechen.

Bis обладает семами «разновременность» и «окончание действия». Действие главного предложения длится до тех пор, пока не произойдет действие придаточного:

Ich habe Zeit, bis die Geschäfte schließen. (E. M. Remarque — Der schwarze Obelisk)

Часто в предложениях с этими союзами употребляются перфект или плюсквамперфект, обозначающие законченность действия в придаточном предложении как условие, определяющее длительность или начало наступления действия в главном:

So wartet denn Quangel geduldig, bis sie gefunden hat, was sie sucht (H. Fallada — Jeder stirbt für sich allein)

Вообще выбор временных форм при союзах разновременности несколько свободнее, чем при союзах одновременности. Только в предложениях с *nachdem* обязательны относительные временные формы, при остальных союзах могут быть употреблены одинаковые или разные временные формы; в первом случае значение разновременности целиком сосредоточено на союзе, во втором оно подкрепляется и усиливается формой глагола⁸.

Существенен выбор временных форм и при союзе *seitdem*. Одинаковые временные формы в обоих предложениях указывают на то, что оба действия начались и продолжаются одновременно:

Seitdem ich auf dem Lande lebe, fühle ich mich wohl.

Употребление относительных временных форм указывает на то, что окончание действия придаточного есть пограничный сигнал начала действия главного предложения:

Seitdem ich die Stadt verlassen habe, fühle ich mich wohl.

Кроме союзов и временных форм, в структуре сложноподчиненного предложения существенную роль играют корреляты, которые усиливают те или иные семы:

Warte solange, bis ... Immer, wenn er kommt... Kaum ist er eingetreten, als ...

⁸ К. Г. Крущельницая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961, стр. 115—123.

Сочинительные союзы-наречия разновременности беднее по своему содержанию, чем подчинительные союзы. Dann, darauf, hierauf, nachher, endlich, kaum, bald-bald объединены семой «следование одного действия за другим». В этом ряду endlich осложнен семой «длительность интервала между действиями», kaum — «краткостью интервала между действиями», а bald-bald — семой «многократность чередования».

Для сочинительных союзов характерна большая свобода употребления временных форм. Ни один союз разновременности не требует обязательного употребления относительных временных форм.

Сочинительные союзы по сравнению с подчинительными союзами обогащают сферу относительных временных значений следующими семами:

«длительность интервала» (endlich),
«многократное чередование» (bald—bald).

Итак, союзы в структуре сложного предложения специализированы на выражении относительных временных значений. Временные формы и союзы кооперируют в сфере одновременности — разновременности. Первые способны только на самое общее указание одновременности — разновременности действий. Союзы уточняют одновременность как длительную, однократную или многократную, а при разновременности уточняют порядок следования действий, интервал между ними (краткий, длительный), функционируя также как пограничные сигналы начала и конца действия.

Однако без согласования с временными формами союзы функционировать не могут. При столкновении тех и других часто оказываются сильнее временные формы (см. союзы одновременности), но некоторые союзы с четким значением могут способствовать нейтрализации временных форм, так как берут на себя выражение временных отношений (см. союзы разновременности). Корреляты усиливают те или иные семы.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ (ЛП) ВРЕМЕНИ

Мы уже охарактеризовали назначение ЛП как конкретизаторов (уточнителей) временных отношений. Каким образом происходит уточнение?

Наречия как компоненты ПВ_р

Среди наречий времени выделяются наречия местоименного характера *jetzt* — *damals* и их синонимы, выполняющие одновременно функцию временного определения и указательно-заместительную функцию (см. гл. VI). Их временное значение носит очень общий характер: *jetzt* указывает на область настоящего времени, *damals* — на область прошедшего времени; соответствующего наречия из области будущего времени нет. *Jetzt* и *damals* могут сочетаться с любым конкретным определением времени:

Jetzt im Winter.

Damals am 1. Januar 1967.

У *damals* есть синонимы: *einst*, *früher*, *ehemals*. У *jetzt* синонимы *gegenwärtig*, *heutzutage*, *nun*.

Jetzt сопровождает все временные формы из микрополя настоящего времени, следовательно, не только презенс, но и претерит как форму мнимой актуальности:

Jetzt hatte er frei.

Границы *jetzt* не совпадают с границами настоящего времени, обозначаемого презенсом. Они то уже, то шире.

Презенс может обозначать период существования вселенной, Земли, человечества, поколения, жизни человека, момента речи, существенно лишь одно — чтобы этот период был актуален и в момент речи (см. стр. 45). Временные границы *jetzt* более узки, они охватывают современную с точки зрения говорящего действительность:

Jetzt singt man neue Lieder (gegenwärtig, heutzutage).

Jetzt schneit es (augenblicklich).

В то же время *jetzt* может относиться к микрополю будущего времени, обозначая период времени «по другую сторону» настоящего: *Jetzt (von nun an) werden die Tage länger.*

Jetzt может сочетаться с перфектом, обозначая актуальность результата прошедшего действия:

Jetzt habe ich dich verstanden. Jetzt habe ich mich erholt.

Jetzt — «мостик» между настоящим и прошедшим, между настоящим и будущим. В этом смысле значение *jetzt* шире, чем настоящее, обозначаемое презенсом.

Иначе обстоит с наречиями *damals*, *früher* и др., ко-

торые относятся только к микрополю прошедшего времени и сочетаются только с формами прошедшего времени (и историческим презенсом).

К наречиям местоименного характера можно отнести и *heute* — *gestern* — *morgen*, но их информация уже и определенее, чем у *jetzt* — *damals*. Они также замещают какую-то точную дату. В прямом смысле они обозначают сутки (текущие, истекшие, предстоящие), в переносном — время, современное автору речи, прошлое, будущее.

Heute (jetzt) singt man neue Lieder.

Die Frau von heute.

Deine Ansichten sind von gestern.⁹

(Cр. идиоматическое выражение *Er ist nicht von gestern* «он опытный, умный человек».)

Der Stil von morgen.

Heute rot, morgen tot (пословица).

Heute — *gestern* — *morgen* распределены по трем микрополям, из них *Heute* может относиться ко всем трем полям. Исходя из момента речи, прожитая часть суток является прошедшим, а предстоящая — будущим. Поэтому возможны сочетания:

Heute war ich in der Ausstellung.

Heute werde ich dich besuchen.

Все остальные наречия времени имеют менее рельефный местоименный характер, который тем не менее ощущается. Они не обозначают объективно определяемое конкретное время, а дают более или менее общую временную ориентацию, наименее конкретную у слов *früher*, *einst*, *je*, *seinerzeit* и наиболее конкретную у слов *vormittags*, *nachmittags* etc.

Некоторые наречия времени распределены по трем Микрополям Настоящего, Прошедшего и Будущего времени:

ПНВр.: *jetzt*, *nun*.

ППВр.: *früher*, *damals*, *gestern*, *vorgestern*, *vor langem* (*kurzem*), *einst*, *dereinst*, *einstmals*, *derzeit*, *seinerzeit*, *vorhin*, *neulich*, (*so*)*eben*, *jüngst*.

ПБВр.: *bald*, *nächstens*, *sogleich*, *sofort*, *späterhin*.

Наречия каждого поля сопровождают соответствующие глагольные формы и в качестве типичных сопроводителей создают типичный для данных форм контекст.

⁹ Duden. Stilwörterbuch, 4. Auflage, Mannheim, S. 240.

Влияние наречий настолько сильно, что они действуют как «переключатели» значения временной формы. С их помощью, например, презенс, а также формы прошедшего времени, перенесенные в контекст будущего времени, приобретают значение будущего времени:

Wenn aber späterhin der Liebende sein Mädchen verloren hat, dann kommt er wieder zu der wohlbekannten Linde und seufzt und weint. (H. Heine — Ideen)

Многие наречия времени не закреплены за каким-то одним полем, они могут функционировать во всех трех микрополях: früh, spät, abends, etc.

Все наречия времени распадаются по своему значению на следующие группы:

1) наречия, уточняющие время действия (наречия временной локализации): morgens, vormittags, mittags, nachmittags, abends, nachts, mitternachts, jetzt, damals, bald, früh, spät, etc.;

2) наречия, уточняющие соотношение между действиями (одновременность — разновременность).

Эти наречия смыкаются с сочинительными союзами: anfangs, früher, vorher, nachher, gleichzeitig, zugleich, mittlerweile, etc.;

3) наречия, уточняющие продолжительность действия (наречия измерения времени): lang(e), kurz, schnell, ewig, sekundenlang, tagelang, monatelang, jahrelang, langjährig;

4) наречия кратности действия (однократности — многократности): ständig, täglich, tagtäglich, wöchentlich, monatlich, jährlich, alljährlich, montags, sonntags, werktags, wieder, nochmals, oft, öfter(s), oftmals, bisweilen, manchmal, häufig, zuweilen, zeitweise, allzeit, fortwährend, immer, immerfort, immerzu, jederzeit, stets, unaufhörlich, beständig, niemals, nimmer, nimmermehr, nie, je, jemals, einmal, jedesmal, ab und zu, jahraus — jahrein, tagaus — tagein, dreimal, zehnmal, etc.

Для достижения большей точности наречия объединяются в словосочетания: heute abend, einmal wöchentlich.

К наречиям присоединяются числительные, обозначающие время: heute abend Punkt acht. К некоторым наречиям могут присоединяться предлоги: seit gestern, bis morgen, von heute an, ab heute.

Сопоставляя наречия с грамматическим ядром поля — временными формами и с одним из компонентов поля —

союзами, мы видим, что назначение наречий заключается в следующем: 1) Они уточняют те отношения, которые выражены в самом общем виде временными формами. Здесь наречия достигают большой дифференциации.

Cp.: Ich werde dich besuchen.

Ich werde dich morgen vormittags besuchen.

2) Наречия, закрепленные за определенным микрополем, создают типичный для временной формы контекст и могут действовать как «переключатели» значения временной формы.

3) Мало разнообразны наречия, уточняющие отношение одновременности — разновременности, поскольку оно достаточно тонко и точно передается союзами в структуре сложного предложения.

4) Наречиями обслуживаются две совершенно новые области временных отношений: измерение времени и кратность действий. Эти наречия многочисленны и разнообразны.

5) Наречия не могут, однако, информировать о точном измерении времени и о точной временной локализации. Они носят более или менее ярко выраженный местоименный характер. Цели еще большего уточнения временных координат служат существительные.

Существительные как компоненты ПВ_р

В словарном составе языка имеется тематическая группа существительных со значением времени: die Gegenwart, Vergangenheit, Zukunft; die Zeit; das Jahr, der Monat, der Januar, Februar; die Woche, der Sonntag, Montag; der Morgen, Abend, Tag, die Nacht; die Stunde, Minute, Sekunde, die Uhr.

От некоторых существительных образованы близкие по значению наречия: Sonntag — sonntags, Montag — montags, Abend — abends, Nacht — nachts, но этот параллелизм не представляет собой дублирования. Существительное обладает большей синтаксической свободой и сочетательными возможностями, чем наречие. На его основе может быть образовано целое предложение: Es war Nacht. Предложение может состоять только из одного слова Nacht.

Существительное может иметь при себе разные предлоги: in der Nacht, während der Nacht, nach der Nacht,

vor der Nacht; определения: eine schöne, stille, sternenklare Nacht im Juli.

Таким образом, благодаря своим валентным связям существительное способно образовать емкую группу, передающую большую по объему информацию.

Без определяющих слов формы генитива *eines Tages*, *eines Abends* приближаются к наречиям, о чем свидетельствует образованная по аналогии, но противоречащая грамматическим правилам форма *eines Nachts*. Последняя не допускает распространения за счет каких-либо определений и этим отличается от *eines Tages*, *eines Abends*, *eines Morgens*.

Наречный характер имеют, кроме того, некоторые сочетания с предлогом: *zur Zeit* (ср. *zuzeiten*), *eine Zeitlang*, *mit der Zeit*, *am Abend* (*abends*), *am Morgen* (*morgens*), *am Tage* (*tags*), *in der Nacht* (*nachts*).

Помимо специализированной тематической группы со значением времени, множество других существительных с помощью предлогов передают временные отношения: *beim Tanze*, *nach dem Frühstück*, *vor der Versammlung*. Существительные называют какой-то процесс, находящийся в определенном временном соотношении с глагольным действием. Некоторые из них относятся к отлагольным существительным: *während der Vorbereitung*, *der Reise*, *des Unterrichts*, *der Vorlesung*, *des Spiels* и т. д., другие образованы от прилагательных: *während der Krankheit*, а многие не связаны ни с теми, ни с другими: *während der Revolution*, *nach dem Theater*.

Важно лишь одно — существительное должно называть процесс или процесс должен подразумеваться; так, говоря *nach dem Theater*, мы подразумеваем *nach dem Theaterbesuch* или *nach der Theatervorstellung*.

Heute ist es eine Woche seit der Ohrfeige, die zu meiner Verhaftung geführt hat. (M. Frisch — Stiller)

Наивысшая точность и определенность временной характеристики достигается с помощью группы существительного, в которую входят предлоги, а также местоимения, числительные, прилагательные, инфинитив, причастия, другие существительные в качестве определений.

Многочисленные предлоги дифференцируют временные отношения, из них чисто временные предлоги *während*, *binnen*, *seit*, *zeit* и постпозитивный предлог *lang*

однозначны. Остальные предлоги имеют, помимо временного, другие значения: *ab*, *an*, *auf*, *bei*, *bis*, *durch*, *für*, *gegen*, *in*, *innerhalb*, *mit*, *nach*, *über*, *um*, *unter*, *von*, *vor*, *zu*, *zwischen*.

Некоторые из этих предлогов сочетаются только со специализированной тематической группой ПВр: *um Mitternacht*, *um 9 Uhr*, *ab erstem Januar*, *binnen den nächsten drei Stunden* (или Gen. *binnen knapper zwei Wochen*), *innerhalb eines Jahres* (или Dat. *innerhalb drei Monaten*), *eine Woche lang*.

Остальные предлоги сочетаются с любыми существительными, обозначающими процесс, ср.: *im Jahre 1914* — *in meiner Jugend*; *bis 4 Uhr* — *bis zum Schluß*; *seit dem Frühling* — *seit ihrer Rückkehr*. Какие временные отношения передают существительные?

1. Уточнение времени действия:

Der Winter ist da.

Es ist acht Uhr.

Максимальная точность достигается с помощью числительных и существительных специализированной группы: *am 25. November (im Jahre) 1965 um 12 Uhr 25 Minuten*.

Может быть употреблен аккузатив без предлога:

Den 15. November 1965.

2. Уточнение длительности действия:

а) с помощью существительных специализированной группы в аккузативе: *den ganzen Tag*, *die Nacht hindurch*, *zwei Stunden*;

б) с помощью тех же существительных с предлогом: *während des Sommers*, *innerhalb dreier Monate*, *eine Stunde lang*;

в) с помощью существительных, обозначающих процесс: *während des Krieges*.

Существительные с предлогом указывают на начало и конец действия: *vom 1. Januar bis zum 15. Februar*; *ab September*, *seit seiner Abreise*, *bis zu seiner Abreise*. В последнем случае глагольное действие соотносится с другим действием в форме существительного («определенном»), что можно сопоставить с относительным временным значением.

Ср.: *Seit er abgereist war, — Seit seiner Abreise fühlte ich mich einsam.*

Различие заключается в том, что при употреблении предложной группы вместо глагола смысловой акцент смещается с соотношения действий на локализацию во времени. Между предлогом и союзом часто сохраняется генетическая и смысловая связь.

Ср.: vor der Reise	— bevor er abreiste ...
seit der Reise	— seitdem er reiste ...
nach der Reise	— nachdem er abgereist war ...
während der Reise	— während er reiste ...

В отличие от союза перед предлогом может находиться уточняющее наречие:

kurz vor der Reise
bald nach der Reise

Существительное + предлог способствуют экономии выражения и увеличению емкости предложения, открывая возможность для введения новых членов предложения и даже целого предложения: Nachdem die Kinder gefrühstückt hatten, gingen sie in den Garten. Можно сконденсировать содержание придаточного предложения в предложной группе и за этот счет ввести новую информацию: Nach dem Frühstück, das eine halbe Stunde dauerte, gingen die Kinder in den Garten.

Изменились, однако, смысловые акценты. Первое предложение информирует о том, в каком порядке совершились два действия, а второе о том, когда произошло одно действие (прогулка по саду).

Таким образом, отношение одновременности — разновременности, выражаемое временными формами, союзами и наречиями, здесь трансформируется во временную локализацию до, после или во время какого-то действия (определенного действия).

3. Выражение кратности действий осуществляется только с помощью сопроводителей — местоимений:

jedes Jahr — alljährlich
jeden Tag — alltäglich

И в этом случае преимущество существительных в возможности присоединения других уточнителей:

jedes zweite Jahr, jedes glückliche Jahr
jeden sonnigen Tag

Кроме того, прилагательное (наречие) легко приобретает переносное значение (например *alltäglich* «будничный», «обыденный») и уже не в состоянии выражать кратность действия.

Прилагательные как компоненты ПВ_р

От ряда наречий и существительных со значением времени образованы прилагательные, например:
die damalige, frühere, jetzige, heutige, morgige Mode; der ehemalige Präsident; im vorigen Jahr, auf baldiges Wiedersehen, die gegenwärtige, zukünftige Lage, die herbstliche Landschaft.

Наличие прилагательных подобного рода делает возможным охарактеризовать предмет через его связь со временем.

Благодаря своей подвижности и легкой сочетаемости лексические показатели (ЛП) могут соединяться с прилагательными и существительными, передавая временную характеристику признаков и предметов:

*eine Bedenkzeit von 24 Stunden
die Szene von heute nachmittag
dreistündige Verspätung
stundenlange Vorlesungen*

С помощью ЛП можно выразить даже разновременность:
Erinnerst du dich an meinen britischen Offizier damals in Kairo. (M. Frisch — Stiller)

Ohne vorheriges Öffnen der Klammer kann man das Dossier nicht einmal blättern. (Ebenda)

ЛП могут передавать временную ориентацию в безглагольных предложениях:

*Heute beim Zahnarzt. (Ebenda)
Kurz vor fünf Uhr wieder in Zürich. (Ebenda)*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя все средства выражения временных отношений, мы видим, что каждое из них имеет свое назначение в языке.

Глагольные временные формы дают общую временную ориентацию глагольного действия, относя его к сфере настоящего, прошедшего, будущего, а также указывая на одновременность или разновременность нескольких

действий. Причастие I и II выражают только одновременность — разновременность. В отличие от временных форм они информируют о том, какое действие основное, а какое сопутствующее ему.

Союзы и корреляты в структуре сложного предложения дифференцируют одновременность — разновременность, выделяя одновременность длительную, однократную, многократную, указывая на характер временного интервала между действиями (длительный, краткий), границы действий.

К лексическим средствам относятся наречия, существительные, прилагательные. Наречия уточняют временную ориентацию иногда в несколько общем виде благодаря своей местоименной природе, иногда более конкретно. Наречия расширяют сферу временных значений, выражая измерение времени (*stundenlang*) и кратность действий (*oft, selten, nie*).

Наибольшая точность временной ориентации достигается с помощью группы существительного. Только они могут передать точное измерение времени и датировку.

Прилагательные со значением времени передают временной признак предметов.

Проводя сечение Поля Времени по горизонтали, мы выделяем три Микрополя — Настоящего, Прошедшего и Будущего времени. В центре каждого микрополя находится грамматическая форма времени индикатива в своем основном значении: презенс, претерит, футурум. Вокруг них располагаются временные формы индикатива в своих второстепенных значениях (футуральный презенс, исторический презенс и др.) и неличные формы глагола. К каждому полю прикреплены наречия времени, которые являются как бы представителями этого поля (*jetzt, früher (damals), bald*).

Все остальные средства выражения времени не распределяются по полям, а функционируют во всех трех полях (за исключением союза *als* и отдельных прилагательных, как *vorig, damalig, ehemalig, zukünftig, heutig, morgig, gestrig*).

Проводя сечение Поля Времени по вертикали, мы наблюдаем большую многослойность.

Все средства выражения времени, начиная с чисто морфологических и кончая чисто лексическими, можно расположить в следующем порядке:

временные формы глагола	— морфологическое средство;
именные формы глагола	— морфолого-синтаксическое средство;
союзы и корреляты в структуре сложного предложения	— лексико-синтаксическое средство;
наречия	лексические средства.
существительные	
прилагательные	

В речи все эти средства взаимодействуют, уточняя и дополняя друг друга.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ II

1. Акулова К. П. Пространственные и временные обстоятельства в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1956.
2. Белоусова Л. И. Предложно-падежные конструкции с временным значением в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1966.
3. Биркенгоф Г. М. Употребление претерита и перфекта в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1954.
4. Дружинина В. П. Система форм будущего времени в современном немецком языке. „Иностранные языки в школе“, 1951, № 5.
5. Мартынюк Т. Ф. Несобственно-прямая речь в современном немецком языке. Канд. дисс. Киев, 1954.
6. Натанzon М. Д. Относительное употребление времен в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1948.
7. Нечаева Г. С. Значение и употребление форм перфекта в современном немецком языке. Канд. дисс. Иркутск, 1953.
8. Поллер П. И. Перфект и претерит в современном немецком языке. „Иностранные языки в школе“, 1953, № 2.
9. Рябова Г. М. Употребление перфекта в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1953.
10. Хутарева О. Д. Особенности функционирования временных подчинительных союзов. Канд. дисс. М., 1966.
11. Шейкина А. А. Конкретизация временных значений, выражаемых предложными группами в немецком языке. „Иностранные языки в школе“, 1961, № 1.
12. Шехтман А. С. Грамматические функции перфекта и стилистические особенности его употребления в современном немецком языке. Канд. дисс. Харьков, 1953.
1. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. „Deutsch als Fremdsprache“, 1964, Nr. 4.
2. Соргоди Н. Perfekt oder Imperfekt? „Sprachspiegel“, 1960, Nr. 1.

3. H e m p e l H. Über Bedeutung und Ausdruckswert der deutschen Vergangenheitstempora. Festgabe Ph. Strauch zum 80. Geburtstag. Halle (Saale) 1932.
4. K l u g e W. Perfekt und Präteritum im Nhd. Inaugural — Dissertation. Westfalen 1961.
5. L o e p f e A. Um ein Modell des deutschen Zeitensystems, „Sprächsplegel“, 1960, Nr. 3.
6. M e y e r J. Über den Sinn der grammatischen Zeiten, „Sprachpflege“, 1961, Nr. 1.
7. W e b e r H. Das Tempussystem des Deutschen und des Französischen. Bern 1954.
8. T r i e r J. Stilistische Fragen der deutschen Gebrauchsprosa. Perfekt und Imperfekt. „Germanistik in Forschung und Lehre“, 1964.

МОДАЛЬНОЕ ПОЛЕ (МП)

Diese ganze Zeit über dachte Simone immer wieder das Gleiche, Widerspruchsvolle. Was bedeutete Onkel Prospers Reise nach Francheville? Es war doch wohl so, daß die Boches Anstalten machten, gegen sie vorzugehen, und Onkel Prosper war zur Präfektur gefahren und ins Hauptquartier der Boches, um für sie einzutreten. Es konnte gar nicht anders sein. Mit aller Kraft wehrte sie sich gegen den Verdacht, daß es anders sein könnte.

Doch der Zweifel stak in ihrem Hirn wie ein Splitter.

Wenn sie in Gefahr war, was konnte dann Onkel Prosper für sie tun? Wenn er für sie eintrat, dann vergrößerte er nur die Gefahr, für sie und für sich selber. Hätte sie nicht besser getan, Maurice zu folgen? Wenn sie aber Maurice gefolgt wäre, dann hätte sie gerade dadurch Onkel Prosper in Gefahr gebracht.

Sie lag im Bett, in ihrer dunklen Kammer, in der zweiten Nacht, und es war immer der gleiche schmerzhafte Kreis, in dem sich ihre Gedanken drehten.

Sie stellte sich vor, wie es wäre, wenn sie Maurice ja gesagt hätte. Jetzt mochte es etwa halbzehn sein. Jetzt wäre es an dem...

Wozu ist Onkel Prosper nach Francheville gefahren? Hätte sie vielleicht Maurice doch ja sagen sollen?

Ihr ist, als würde die Nacht immer dunkler und immer heißer. Sie erträgt es nicht mehr, die Hitze nicht, und die Dunkelheit nicht... Es muß jetzt um Mitternacht sein. Der Wecker tickt, ihr ist, als wäre das Uhrwerk in ihr selber... Sie macht Licht. Ja, es ist zwölf Uhr drei...

Vielleicht hat er ihrem Nein nicht geglaubt. Vielleicht fährt er hierher und hält unten an der Mauer und vergewissert sich, ob sie nicht vielleicht doch da ist.

(L. Feuchtwanger — Simone)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДАЛЬНОГО ПОЛЯ (МП)

Каждое предложение содержит модальность — отношение высказывания к объективной действительности с точки зрения говорящего. Вышеприведенный текст показывает, что модальность имеет неоднородный характер как по значению, так и по разнообразию средств выражения.

В состав Модального Поля входят следующие конституенты:

I. Наклонения: индикатив, конъюнктив и императив. Они образуют ядро МП.

II. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью¹ (модальные глаголы + инфинитив и др.).

III. Модальные слова и части речи, выполняющие функции модальных слов.

IV. Односоставные предложения (инфinitивные, причастные и др.).

V. Псевдопридаточные предложения (самостоятельные предложения в форме придаточного).

VI. Структуры сложноподчиненных предложений и подчинительные союзы.

Подробнее конституенты будут рассмотрены при каждом микрополе.

МП отличается очень сложной структурой и не менее

¹ См.: О. И. М о с к а ль с к а я. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. ВЯ, 1961, № 5.

сложным взаимодействием конституентов. Описание их функционирования являлось не раз предметом исследования (см. основные работы по проблеме, стр. 111—112). Мы хотим показать их место в Макрополе Модальности и их взаимосвязи, позволяющие представить МП как систему.

Модальное Макрополе может быть разделено на два поля — Поле Действительности и Поле Недействительности в широком смысле этого слова. Эти поля образуют по своим значениям оппозицию, являясь полярными, но, как будет показано дальше, границы между ними иногда стираются².

Поле Действительности (Поле Д) и Поле Недействительности (Поле НД) отличаются друг от друга не только своими значениями.

Поле Д занимает гораздо большее пространство в речи, если исходить из частотности употребления его средств: целые макроконтексты обнаруживают одноплановую модальность действительности. Доминантой Поля Д является индикатив; для выражения модальности действительности привлекаются конституенты Поля НД, которые располагаются на периферии Поля Д.

Поле НД занимает гораздо меньше пространства по сравнению с Полем Д, но отличается сложной структурой. Оно распадается на три микрополя: Потенциально-Ирреальное Микрополе, Микрополе Побуждения и Микрополе Предположения. Доминантой Потенциально-ирреального Микрополя является конъюнктив, в частности претеритальные формы конъюнктива. Доминантой Микрополя Побуждения выступает императив. В состав того и другого микрополя входят и другие конституенты, занимающие периферийное положение. Специфика структуры Микрополя Предположения заключается в отсутствии доминанты и в разнообразии равноправных конституентов.

Модальность действительности и модальность недействительности могут быть присущи как прямому высказыванию, так и косвенной речи. В последнем случае

² Предлагаемая теория модальности разработана на материале немецкого языка М. Д. Натанзон. См.: Е. В. Гулыга, М. Д. Натанzon. Грамматика немецкого языка. Пособие для учителей. М., 1957. Syntax der deutschen Sprache der Gegenwart, Leningrad 1966.

речь идет о косвенной модальности³. Особенностью немецкого синтаксиса является то, что косвенная речь может выступать не только в придаточном предложении, но и в простом благодаря наличию специального показателя косвенной речи — презентных форм конъюнктива. Косвенная модальность действительности выражается независимо от структуры предложения презентными, реже претеритальными формами конъюнктива или же индикативом. Для выражения косвенной модальности недействительности немецкий язык располагает целой системой средств. Как в том, так и в другом случае релевантным, т. е. важным, оказывается лексика глагола, вводящего предложения (*behaupten*, *sagen*, *zweifeln* и т. д.)⁴.

КОНСТИТУЕНТЫ ПОЛЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Как указывалось выше, Поле Д не располагает богатым инвентарем.

К конституентам Поля Д относятся:

1. Индикатив (доминанта).
2. Усилиительные модальные слова и части речи с усиливательной функцией.
3. Претеритальные формы конъюнктива.
4. Кондиционалис I.

Индикатив отличается богатством временных форм, и наиболее важным оказывается его функционирование в Поле Времени (см. главу II, «Поле Времени»). Модальное значение как бы отступает на задний план. Не случайно в лингвистике имеется мнение, согласно которому индикатив является «амодальным»⁵. Мы придержи-

³ Впервые понятие косвенной модальности введено Т. В. Стровой (Модальность косвенной речи в немецком языке. Докт. дисс. Л., 1950).

⁴ Косвенная модальность связана с синтаксисом косвенной речи, а также с видами чужой речи (прямой, несобственно-прямой) и в рамках данной работы рассматриваться не будет. См.: Е. В. Гулыга. Косвенная речь в современном немецком языке. «Ученые записки 1-го МГПИИЯ», т. ХУ, 1957; ее же. Сложноподчиненное предложение. Докт. дисс., ч. III. М., 1962.

⁵ V. Grondal. *Essais de Linguistique générale*. Copenhague, 1943. p. 16. Ср. точку зрения Ф. Брюно, который полагает, что предложения, выражающие так называемые общие истины, находятся за пределами модальности. F. Brunot. *La pensée et la langue*. Paris, 1965, p. 507.

ваемся противоположной точки зрения, считая, что модальность характеризует каждое предложение, являясь его обязательным конструктивным признаком⁶. Модальность действительности показывает, что высказывание с точки зрения говорящего соответствует действительности. Поэтому модальность действительности имеется не только, например, в первом предложении основного текста (см. стр. 74), но и в следующем предложении:

Vierhundert Jahre wartet sie schon und wird noch vierhundert Jahre warten... (Brüder Grimm — Elfenmärchen)

Высказывание, не соответствующее по своему содержанию объективной действительности, представлено говорящим как реальное, действительное.

Все оттенки значения модальности действительности зависят прежде всего от лексического значения глагола и определяются наличием семы «реальность». К модальности действительности относятся также значения необходимости, реальной возможности, разрешения и т. д., выражаемые модальными глаголами. Модальные глаголы употребляются в своем основном лексическом значении, в форме индикатива и обозначают отношение подлежащего к действию (так называемая «внутренняя модальность»)⁷:

Der Sohn bekam Geigenstunden, mußte Klavierspielen lernen. Und durfte das Gymnasium besuchen. Er sollte studieren. (L. Frank — Erzählungen)

Усилилительные модальные слова могут интенсифицировать модальность действительности. Эту же функцию выполняют существительные и прилагательные оценочного характера, а также модальные словосочетания в составе главного предложения:

Wir werden sicher zu spät kommen. (J. R. Becher — Abschied)

... kein Zweifel, daß wir an das Ziel unserer glühenden Wünsche gelangt waren... (J. Wassermann — Das Gold von Caxamalca)

⁶ В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Института русского языка», т. II, 1950, стр. 41.

⁷ Термин «внутренняя модальность» принадлежит Т. В. Борисовой (Лексические способы выражения модальности в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1951).

(Seit Jahren hatte er ihn [den Brunnen] täglich erblickt) und es war selbstverständlich, daß er ihn heute mit besonderer Freude, wie einen alten Freund, begrüßte. (B. Kellermann — Totentanz)

Претеритальные формы конъюнктива (претерит и плюсквамперфект) и кондиционалис I располагаются на периферии Поля Д.

Претерит конъюнктива утрачивает свое основное — потенциально-ирреальное значение и выступает в формулах вежливости:

Ich möchte Sie bitten (fragen, begleiten).

Dürfte ich Sie begleiten?

Модальность действительности выражается и в предложениях, констатирующих законченность действия (der bestätigende Konjunktiv)⁸.

Das wäre die Einleitung. Was nun? (Th. Mann — Buddenbrooks)

Nun, da hätten wir für heute, und für dieses Jahr, alles besprochen. (F. C. Weiskopf — Abschied vom Frieden)

Претеритальные формы конъюнктива смягчают, ослабляют категорический характер высказывания, т. е. оказывают действие, противоположное усилительным модальным словам.

В современном немецком языке в несобственно-прямой речи, реже в авторском высказывании для передачи будущего в прошедшем среди индикативных форм употребляется кондиционалис I:

Am Bordrand stand ein Buick und glitzerte. Darin würde Veber gleich behaglich nach Hause fahren — in ein rosafarbenes Puppenhaus in der Vorstadt... (E. M. Remarque — Arc de Triomphe)

На это явление впервые обратил внимание шведский лингвист Э. Хердин в начале XX века. Он полагал, что использование формы *würde* + *Infinitiv* в индикативном окружении дает право рассматривать эту форму и кондиционалис I в ирреальном значении как омонимы⁹. Более поздние работы подтвердили употребительность

⁸ Joh. Christ. Aug. Heyse s. Deutsche Grammatik. Hannover und Leipzig 1900, S. 353.

⁹ E. Herdin. Studien über Bericht und indirekte Rede im modernen Deutsch. Uppsala 1905.

этой новой функции кондиционалиса I, однако положение об омонимии было опровергнуто наличием ряда переходных случаев¹⁰. Правильнее считать, что кондиционалис I — многофункциональная форма: у кондиционалиса I несколько сем; одна из них — «будущее в прошедшем» позволяет относить его к конституентам Поля Д.

КОНСТИТУЕНТЫ ПОТЕНЦИАЛЬНО-ИРРЕАЛЬНОГО МИКРОПОЛЯ

Доминантой Потенциально-Ирреального Микрополя являются претеритальные формы конъюнктива:

- 1) претерит и кондиционалис I;
 - 2) плюсквамперфект и кондиционалис II.
- К конституентам этого микрополя относятся также:
- 3) псевдопридаточные предложения;
 - 4) структуры сложноподчиненного предложения и подчинительные союзы *als* (*als ob*) и *damit*.

Основное значение претеритальных форм — это потенциальная ирреальность. Степень ирреальности вытекает из общего смысла высказывания.

Потенциальная ирреальность особенно ярко выступает при противопоставлении с реальностью (модальностью действительности).

Ich habe dich nicht gefragt, was du in diesem oder jenem Falle vielleicht tun würdest, sondern was du jetzt, heute, sogleich tun wirst. (Th. Mann — *Buddenbrooks*)

Sie hätte den Brotbeutel nur etwas weiter aufzuschlagen, seine Klappe ganz zu öffnen brauchen, dann hätte sie den schwarzen Tuschestempel entdeckt... Aher so weit hat sie den Brotbeutel nie aufgeschlagen. (H. Böll — *Erzählungen*)

Es war gut, daß er nicht da war. Er hätte ihn jetzt nicht sehen können. Er hätte sein vorwurfsvolles, gescheites Gesicht nicht ertragen. (L. Feuchtwanger — *Die Jüdin von Toledo*).

В предложениях с конъюнктивом встречаются потенциальные модальные слова, особенно часто *vielleicht*, переключения в другой модальный план при этом не наблюдается.

¹⁰ Ю. Я. Никулихин. Функции и синонимы кондиционалиса в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1965.

Противопоставление внутри претеритальных форм конъюнктива проходит по временной оси. Претерит и его синоним кондиционалис I выражают настоящее или будущее, а плюсквамперфект и его синоним кондиционалис II — прошедшее. Следовательно, семы потенциально-ирреальной модальности сочетаются с семами времени. Только плюсквамперфект употребляется в предложениях с наречиями ограничительного характера: *beinahe, fast, um ein Haar*:

... und das Lämpchen wäre fast verlöscht von dem Windstoß, den die forsch geöffnete und gleich wieder zugeschlagene Tür durchgelassen hatte. (F. Erpenbeck — Kleines Mädel im Großen Krieg)

Неосуществившаяся возможность выражается только сочетанием плюсквамперфекта конъюнктива и наречия *beinahe*. Если *beinahe* относится к существительному и в предложении употребляется индикатив, то *beinahe* имеет ограничительное значение.

Beinahe alle Studenten haben die Prüfungen mit ausgezeichnet und gut bestanden.

Плюсквамперфект конъюнктива всегда выражает нечто неосуществимое, а степень осуществимости действий, выраженных претеритом или кондиционалисом I, определяется смыслом предложения.

Употребление в одном и том же тексте индикатива и конъюнктива, образованных от одинаковых глаголов (см. примеры выше), усиливает противопоставление внутри Макрополя Модальности. Подобное противопоставление двух модальных планов сохраняется и в других синтаксических структурах: в сложносочиненных предложениях, в ряде сложноподчиненных предложений, когда в придаточном предложении вне зависимости от его функции используются оба наклонения. В качестве примера можно привести предложения следствия, где обычно употребляется индикатив:

Dieses Taschentuch war so weiß, daß ihre feinen Brauen besonders deutlich waren. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Для выражения потенциальной ирреальности появляется конъюнктив:

Das Lachen kam so unwiderstehlich, daß sie beinahe den Nelkenkelch umgerissen hätte. (L. Frank — Mäthilde)

Это противопоставление реальности потенциальной ирреальности отсутствует в придаточных предложениях времени, где употребляется только индикатив, так как релевантным для этих предложений является выражение временных отношений Поля Д (см. главу II, «Поле Времени»).

В особых синтаксических структурах претеритальные формы конъюнктива создают новые модальные семы. Так, в псевдопридаточных предложениях, представленных двумя моделями: моделью с *wenn* и бессоюзной моделью со спрягаемой частью сказуемого на первом месте, возникают семы «ирреальность» и «желание». Сема «желание» насливается на потенциальную ирреальность; степень потенциальной ирреальности определяется окружающей лексикой и общим смыслом:

Wenn doch der Zug abföhre, wenn er weiterföhre!
(H. Böll — *Erzählungen*)

Необязательным признаком всей структуры выступает частица *doch*.

Kein Mädchen wird mir nachweinen, denkt er, das ist seltsam. Das ist traurig. Wenn irgendwo eine an mich denken würde! (H. Böll — *Erzählungen*)

Последний текст представляет интерес тем, что потенциальное желание, обращенное к настоящему времени, выражено кондиционалисом I, который в псевдопридаточных предложениях употребляется крайне редко¹¹.

Ирреальное желание выражается и в следующих текстах:

Ach, wenn ich nur der Schemel wär,
Worauf der Liebsten Füße ruhn!

Ach, wenn ich nur das Kißchen wär,
Wo sie die Nadeln steckt hinein!
(H. Heine)

Oh, könnt' ich dir trocknen die Augen naß
Mit der Glut von meinen Schmerzen!
Oh, könnt' ich dir röten die Wangen blaß
Mit dem Blut aus meinem Herzen!
(H. Heine)

¹¹ См. указ. диссертацию Ю. Я. Никулихина, стр. 445.

... Gesichter, weicht!
Sie folgen mir; o hätt' ich Flügel!
(R. Dehmel)

Сема «желание» может сочетаться с семой «условие»:
Wenn er doch spielen könnte, wäre er wieder bei mir.
Der erste Ton wird ihn mir wiedergeben... Wenn er doch
spielen könnte... (H. Böll — *Erzählungen*)

Условное значение выявляется связью с предыдущим сложноподчиненным предложением. Однако оно может выступать также и в чистом виде.

Wenn ich Bellonis Mantel nicht hätte! dachte Georg.
(A. Seghers — *Das siebte Kreuz*)

Как можно убедиться на примере вышеприведенных текстов, конъюнктив выражает потенциально-ирреальную модальность в чистом виде; для выражения сем, насыщающихся на потенциальную ирреальность — «желание», реже «условие», необходима особая структура псевдопридаточного предложения.

Созданию новых модальных сем способствуют также структуры сложноподчиненного предложения. Рассмотрим сложноподчиненные предложения с придаточными условия, именуемые в лингвистической литературе условными периодами. Коммуникативное назначение условных периодов заключается не столько в сообщении о двух связанных между собой явлениях, сколько в выражении зависимости одного явления от другого, т. е. выражении следствия, выполнимого (или невыполнимого) при наличии (или отсутствии) определенного условия. Условные периоды характеризуются тем, что в обоих компонентах употребляются, как правило, одинаковые наклонения, которые взаимодействуя, создают единый модальный план. В главном и придаточном предложениях употребляются либо претеритальные формы конъюнктива, либо индикатив.

Претеритальные формы конъюнктива сохраняют свое временное значение, а также синонимические отношения. Действия главного и придаточного предложений могут происходить одновременно, т. е. в настоящем, будущем или прошедшем, или разновременно.

Der Tote hätte sicher noch dreißig Jahre leben können,
wenn ich den Rückweg schärfster eingeprägt hätte. Wenn er

zwei Meter weiter nach links gelaufen wäre, läge er jetzt drüber im Graben und schriebe einen neuen Brief an seine Frau. (E. M. Remarque — Im Westen nichts Neues)

В условных периодах рассматриваемого типа сочетаются семы «потенциальной ирреальности», «условия» и «времени — настоящего (будущего) и прошедшего».

Вместо «чистого» условия в аналогичных структурах может быть выражено уступительное условие:

Und wenn auch ein Brutus unter uns wär',
Den Cäsar fänd' er nimmer mehr,
Vergeblich würd' er den Cäsar suchen.
(H. Heine)

Уступительное значение выражается частицей *auch*, а также порядком слов главного предложения. Данный текст интересен с точки зрения синонимии претерита и кондиционалиса I. О синонимии свидетельствует также следующий текст:

„Was würdest du sagen, Anna, wenn deine Mutter auf ihre alten Tage von einem heißen Gefühl ergriffen wäre?“

„Wozu das Konditionale (выделено нами), Mama? Offenbar steht es so mit dir, wie du sagst. Du liebst?“
(Th. Mann — *Erzählungen*)

Если в одном из элементарных предложений¹² условного периода появляется индикатив, то характер модальности не меняется. В лингвистической литературе это редкое явление расценивается как особый стилистический прием, приближающий несуществующее к читателю и обладающий высокой эмоциональной выразительностью¹³.

¹² Под «элементарными предложениями» В. Г. Адмони понимает все виды синтаксических образований, которые обладают признаками предложения, безотносительно того, является ли данное элементарное предложение главным, придаточным, самостоятельным или компонентом сложносочиненного предложения. Наряду с этим автор вводит термин «цельное предложение», под которым понимается каждое предложение, играющее роль самостоятельного высказывания. В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963, стр. 19.

¹³ Л. Р. Зиндер, Т. В. Стреева. Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 329—330; Е. Lafmann. Zur Frage des Modus in deutschen Bedingungssätzen. Zeitschrift für deutsche Philologie, Bd. 56, 1931, S. 299; W. Flämig. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Berlin 1959, S. 16.

Er, er wäre imstande gewesen, starb ich vor ihm, den Faust zu vollenden. (Th. Mann — Lotte in Weimar)¹⁴

Следовательно, при использовании индикатива в одном из предложений условного периода конъюнктив оказывается сильнее индикатива. Этому способствует значение условного периода. Даже при употреблении индикатива в обоих компонентах условного периода представляется неправомерным говорить о реальном значении. Еще Г. Пауль указывал на то, что неуверенность (*Ungewißheit*) — это черта, присущая как вопросительным, так и условным предложениям. Но если при помощи вопроса спрашивающий стремится достичь уверенности, то в условных предложениях неуверенность сохраняется¹⁵.

Условное предложение никогда не может выражать что-либо действительное¹⁶. Это объясняется сущностью условного периода, поскольку действие главного предложения находится в прямой зависимости от того, наступит ли действие придаточного предложения. Иными словами, речь идет о явлениях, не существующих в действительности, а лишь предполагаемых, выполнимых при указанных условиях. Эта модальная сема может быть названа «гипотетичностью».

Ist der Impfschutz noch wirksam, dann bilden sich... kleine Bläschen. Zeigen sie sich nicht, dann muß das Kind erneut eine Schutzimpfung bekommen. (Berliner Zeitung)

Было бы неверным усматривать в условных периодах с индикативом лишь количественное снижение потенциальной ирреальности. Ближе всего условные периоды с индикативом и конъюнктивом смыкаются при выражении будущего времени (см. предложение основного текста: *Wenn er für sie eintrat...*). Дальше всего они отстоят друг от друга в прошедшем времени. Условные периоды с плюсквамперфектом конъюнктива выражают ирреальность, которая поддерживается прошедшим временем.

¹⁴ Пример взят из указ. работы В. Флемига, стр. 16.

¹⁵ H. Paul. Deutsche Grammatik. Halle 1920, Bd. IV, S. 269—270.

¹⁶ E. Laftman. Zur Frage des Modus in deutschen Bedingungssätzen, S. 305; В. А. Серов. Развитие сложноподчиненных предложений с условными и уступительными придаточными в немецком языке. Канд. дисс. М., 1959.

Условные периоды с прошедшими временными формами индикатива сближаются со сложноподчиненными предложениями времени, совмещая обычно значения условия и времени.

Претерит конъюнктива и кондиционалис I имеют в условных периодах синоним — глагол *sollen* в форме *sollte*. Он теряет свое лексическое значение долженствования и используется в условных периодах иногда как единственное, а иногда и как дополнительное средство выражения условия в будущем времени. Таким образом приводится в действие сема «будущее».

Wenn ich euch heute euren Anteil auszahlen sollte, würdet ihr euch verflucht wundern, wie wenig es wäre. (H. Mann — *Der Untertan*)

В данном случае наблюдается тенденция к избыточности средств. Условные периоды с *sollte* характерны для разговорной речи, а в художественной литературе они встречаются в языке персонажей.

В некоторых сложноподчиненных предложениях конъюнктив выражает потенциально-ирреальную модальность вместе с союзом, причем союзу принадлежит доминирующая роль¹⁷. Союзы вместе с наклонением создают такие значения потенциально-ирреальной модальности, которые не могут быть выражены только конъюнктивом. Такими выразителями потенциально-ирреальной модальности и создателями новых модальных сем являются союзы *als* (*als ob*) и *damit*. Созданию новых сем способствует вся структура сложноподчиненного предложения. Как будет показано дальше, центр тяжести выражения модальности переносится с наклонения на структуру сложноподчиненного предложения.

Союзы *als* (*als ob*, *als wenn*, *wie wenn*) создают в сложноподчиненном предложении в зависимости от характера главного предложения две новые семы, это семы «ирреальное сравнение» и «ирреальное состояние»¹⁸.

¹⁷ Союзы как новый тип модально-окрашенных слов выделяются на материале русского языка В. В. Виноградовым. См.: В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке «Труды Института русского языка», т. II. М. — Л., 1950.

¹⁸ Предложения ирреального сравнения будут рассмотрены в Компаративном Поле. Предложения ирреального состояния упоминаются в Микрополе Предположения, так как они находятся на

В придаточных предложениях цели с союзом развивается сема «интенция» (намерение)¹⁹, показывающая, что действие главного предложения направлено на совершение действия придаточного предложения, которое должно совершиться либо немедленно, либо по прошествии какого-то отрезка времени. Эта сема находится фактически на самой границе Микрополя Потенциальной Ирреальности, соприкасаясь с Микрополем Побудительной Модальности и Полем Времени благодаря наличию семы «будущее». В придаточных предложениях цели употребляются презенс и претерит конъюнктива и презенс и претерит индикатива. При этом оппозиция конъюнктив/индикатив нейтрализуется (исчезает), однако полная синонимия не наступает: временные формы конъюнктива имеют относительное временное значение и обозначают одновременность и относительно будущее. Они употребляются обычно, когда глагол в главном предложении выражает прошедшее время. Временные формы индикатива имеют абсолютное временное значение: презенс индикатива употребляется только при императиве или презенсе в главном предложении; претерит индикатива употребляется только при форме прошедшего времени в главном предложении. Таким образом, презенс и претерит конъюнктива являются полными синонимами и взаимозаменяемы. В зависимости от временной формы глагола главного предложения конъюнктив может быть заменен презенсом или претеритом индикатива. Индикативные формы взаимозамены не допускают²⁰.

Sie zwang sich zu einem Lächeln, damit Ethel Lloyd es sähe... (B. Kellermann — *Der Tunnel*)

Вместо *sähe* может появиться и *sehe* и *sah*.

Und damit keiner sieht, daß er Matrose ist, trägt er über seiner Uniform einen Winterpaletot. (W. Bredel — *Die Söhne*)

границе Микрополя Потенциальной Ирреальности и Микрополя Предположения.

¹⁹ Об интенциональной модальности см. L. Durovič. *Modálnost'*, Bratislava, 1956.

²⁰ Частотность употребления конъюнктива и индикатива в целевых предложениях см.: W. Flämig. Untersuchungen zum Finalesatz im Deutschen (Synchronie und Diachronie), «Forschungen und Fortschritte», Heft 11, 1964.

Вместо *sieht* могут появиться формы конъюнктива:
Die Männer blicken sich *einige Male* noch vorsichtig
um, daß niemand es sähe und vielleicht auf verwegene
Gedanken komme. (G. Weisenborn — Das Mädchen von
Fanö)

СВЯЗЬ КОНЪЮНКТИВА С ОТРИЦАНИЕМ

Утверждение и отрицание образуют особое макрополе, примыкающее к МП. Утверждение не имеет особых показателей, кроме модального слова *ja*; утверждение выявляется благодаря противопоставлению отрицанию. Отрицание же выражается целой системой средств, образующих Поле Отрицания²¹. Макрополе Утверждения и Отрицания тесно связано с Макрополем Модальности, однако они выражают разные категориальные значения. Утверждение и отрицание определяют характер предикативной связи в предложении, взаимоотношение между подлежащим и сказуемым, приписывая признак предмету речи. Модальность обычно не меняется.

Модальность действительности:

Утверждение: Отрицание:
Er ist gekommen. Er ist nicht gekommen.

Потенциально-ирреальная модальность:

Wäre er gekommen! Wäre er nicht gekommen!

Побудительная модальность:

Komm heute zu uns! Komm heute zu uns nicht!

²¹ Подробнее см. Н. А. Булах. Средства отрицания в немецком литературном языке. Ярославль, 1962; Л. Ф. Куманичкина. Основные грамматические средства выражения отрицания в повествовательном предложении. Канд. дисс. М., 1953; Е. И. Шендельс. Система средств выражения отрицания в современном немецком языке. «Иностранные языки в школе», 1957, № 3.

Только при выражении предположения противопоставление отрицание/утверждение снимается.

Er kommt vielleicht. Er kommt vielleicht nicht.

В. Г. Адмони рассматривает отрицание и утверждение как основные формы модальности: утверждение им воспринимается как выражение реальности, а отрицание связывается с ирреальностью²². Нам представляется эта точка зрения неубедительной, ибо как положительные, так и отрицательные предложения в равной степени отражают факты объективной действительности. *Es regnet jetzt — es regnet jetzt nicht — es hat aufgehört zu regnen*²³.

Специфика конъюнктива заключается, однако, в том, что он содержит «скрытое» отрицание²⁴. Высказывания *Er hätte kommen können! Wenn es doch regnete!* означают, что он не пришел, что дождя нет и т. д. Но предложения с конъюнктивом строятся не для выражения отрицания, а для выражения потенциальной возможности, для выражения ирреального желания и т. д. Отрицание имплицитно присутствует, проявляясь опосредствованно.

Особое место занимают предложения, где связь конъюнктива с отрицанием выступает непосредственно. Это три модели сложноподчиненных предложений: 1) сложноподчиненные предложения с придаточными отрицательного следствия с союзом *als daß*; 2) сложноподчиненные предложения с придаточными отсутствующего сопутствующего действия с союзом *ohne daß*; 3) сложноподчиненные предложения с придаточными относительными определительными, зависящими от отрицания в главном предложении, а также модель псевдопридаточного предложения с союзом *als ob*.

В придаточных предложениях с союзами *als daß* и *ohne daß* функция конъюнктива сводится к усилию отрицания¹ и созданию псевдоирреальности.

²² В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955; W. Admoni. Der deutsche Sprachbau. Leningrad 1966.

²³ Подробнее см.: Е. И. Шендельс. Отрицание как лингвистическое понятие, т. XIX. «Ученые записки 1-го МГПИЯ». М., 1959.

²⁴ К. Бoост говорит о внутреннем отрицании. K. B o o s t. Die mittelbare Feststellungsweise. Eine Studie über den Konjunktiv. „Zeitschrift für Deutschkunde“, № 8, 1940, S. 289.

Предложения с союзом *als daß* показывают, что степень интенсивности действия или качества признака в главном предложении была настолько высока, что следствие в придаточном предложении не имело места. Это значение, выражаемое всей структурой сложноподчиненного предложения — коррелятами *so, genug* в главном, союзом *als daß* в придаточном предложении, поддерживается конъюнктивом. Отрицательное значение доказывается преобразованием сложноподчиненного предложения с *als daß* в сложноподчиненное предложение с союзом (*so*)... *daß* и отрицанием *nicht*.

Der beglückte Rodrigue war zu erregt, als daß er hätte sprechen können. (L. Feuchtwanger — Die Jüdin von Toledo) → Er war so erregt, daß er nicht sprechen konnte. (Знак → означает преобразование.)

Желая показать, что следствие действия главного предложения имело место в придаточном предложении, нужно употребить отрицательную частицу *nicht*.

Franz beherrschte sich, aber nicht gut genug, als daß nicht Herrmann in seinem Gesicht die Bestürzung wahrgenommen hätte... (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Придаточные предложения с *ohne daß* показывают, что действия, сопутствующего действию главного предложения, не произошло. Формы конъюнктива и индикатива являются в этих предложениях полными синонимами.

Синонимия представлена в следующей таблице:

Формы:	Временное значение:
Претерит конъюнктива Презенс индикатива	Настоящее время
Плюсквамперфект конъюнктива Претерит, перфект, плюсквамперфект индикатива	Прошедшее время

Ich bin still vor Glück geworden, und meine Brust ist immer voll von Tränen, ohne daß ich weinen könnte. (B. Kellermann — Ingeborg)

Вместо könnte может стоять kann.

Und die Nacht rückte vor, ohne daß eine Veränderung eingetreten wäre. (Th. Mann — *Buddenbrooks*)

Вместо *eingetreten wäre* можно употребить претерит индикатива: ... ohne daß eine Veränderung eintrat.

Плюсквамперфект индикатив подчеркивает предшествование в прошедшем:

Die Worte der Marquesa klangen in ihm nach, ohne daß er ihren Sinn erfaßt hatte... (L. Feuchtwanger — *Goya*)

В этом случае мог бы появиться плюсквамперфект конъюнктива.

Важнейшим структурным признаком всей модели является союз *ohne daß*. При отсечении союза не только бы изменилось значение придаточного предложения, но и противопоставление конъюнктива/индикатив стало бы значимым, что привело бы к снятию синонимии:

... eine Veränderung wäre eingetreten... trat ein.

Значение придаточного предложения с *ohne daß* может быть раскрыто преобразованием в сложносочиненное предложение с внесением отрицания:

— Die Nacht rückte vor, es trat aber keine Veränderung ein.

Относительные придаточные предложения могут зависеть от отрицания в главном предложении.

Ich kannte niemand, der ihnen an Schönheit gleichen könnte. (A. Seghers — *Bienensonstock*)

На первый взгляд кажется, что придаточное предложение служит для определения предмета (лица), названного в главном предложении, но который в действительности отсутствует. Следовательно, отношения между определением и определяемым носят чисто синтаксический характер; конъюнктив, выступая дополнительным структурным признаком модели, усиливает отрицание и создает псевдоирреальность. Никаких новых модальных сем в сложноподчиненном предложении не возникает. Доказательством может служить также возможность использования индикатива:

Ich kenne keinen deutschen Roman, der so innerliche Beziehungen zur Musik hat wie dieser... (L. Feuchtwanger — *Centum Opuscula*)

Конъюнктив и индикатив выступают синонимами. При наличии отрицания в главном предложении смысл всего сложноподчиненного предложения оказывается

положительным. Это доказывается преобразованием: → → Kein deutscher Roman hat so innerliche Beziehungen zur Musik wie dieser.

При наличии отрицания в обоих элементарных предложениях смысл всего сложноподчиненного предложения оказывается положительным:

Seither gab es keine Aktion von Bedeutung, an der er nicht mitgewirkt hätte. (Berliner Zeitung) → Seither wirkte er an allen Aktionen von Bedeutung mit.

Псевдопридаточные предложения с союзом *als ob* не выражают ирреального сравнения и состояния, а обозначают противоположное тому, что говорится в предложении, т. е. отрицание высказывания с эмоциональной оценкой²⁵. Псевдопридаточные предложения характерны для разговорной речи и употребляются в языке персонажей, отражающем разговорную речь.

„Mein armes Kind“, unterbrach sie Frau von Tümmler, „sprich nicht so traurig von dir!“

„Als ob ich überhaupt von mir spräche“, erwiderte Anna. „Von dir, von dir spreche ich und sorge mich innig um dich.“ (Th. Mann — Erzählungen)

Псевдопридаточные предложения с *als ob* представляют собой стилистический прием иронии.

КОНСТИТУЕНТЫ МИКРОПОЛЯ ПОБУЖДЕНИЯ

Доминантой Микрополя Побуждения является императив.

Вокруг доминанты образуется ядро, в которое входят следующие конституенты:

- 1) презенс индикатива;
- 2) футурум индикатива;
- 3) модальные глаголы + инфинитив и другие устойчивые словосочетания с грамматической направленностью;
- 4) инфинитивные предложения.

На периферии находятся:

- 5) причастие II;
- 6) безличный пассив;

²⁵ См.: Е. В. Гулыга. Функционирование придаточных предложений в качестве самостоятельных. ИДВШ «Филологические науки», 1960, № 4.

- 7) псевдопридаточные предложения с daß;
- 8) субстантивные и наречные предложения;
- 9) междометные предложения;
- 10) презенс конъюнктива.

Все конституенты, за исключением последнего, сопровождаются особой побудительной интонацией²⁶. Императив и большинство конституентов являются средствами морфологического уровня. Псевдопридаточные предложения, а также субстантивные и наречные предложения — это средства синтаксического уровня. Модальные глаголы — лексико-грамматические средства. При сохранении или незначительном побледнении своего лексического значения, они, выражая побудительность, grammatically ограничены временной формой презенса и, как правило, вторым лицом.

Междометия — лексическое средство — находятся на самой периферии микрополя побуждения и лишь условно рассматриваются среди его конституентов.

Все перечисленные средства выражают модальность лишь на синтаксическом уровне, т. е. в предложении, где они приобретают определенную интонацию. Большинство побудительных предложений односоставные. Предложения с побудительной модальностью характеризуются единой побудительной целеустановкой.

Конституенты Микрополя Побуждения отличаются направленностью в будущее: четкого временного значения они не имеют. Для большинства из них характерным является прямое обращение ко второму лицу (как выраженное, так и невыраженное)²⁷. Особое место в этом отношении занимает презенс конъюнктива.

Если мы обратимся к основному тексту на стр 74—75, то бросится в глаза отсутствие средств выражения побуждения. Объясняется это ограниченностью сфер использования Микрополя Побуждения, хотя сами по себе эти сферы неоднородны. Это прежде всего разговорная речь, которая находит отражение в языке персонажей. Кроме того, побуждение широко используется в поэзии и публицистике. Определенные средства выражения побуждения используются в научно-технической литературе, на-

²⁶ О. Г. Козьмин. Интонация побудительных предложений в немецком языке. Канд. дисс. М., 1966.

²⁷ См.: Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия. Докт. дисс. М., 1964.

пример в справочниках и инструкциях, а также в рекламах, в распоряжениях и командах. То или иное средство выражения побуждения до известной степени связано с функциональным стилем.

В отличие от Микрополя Предположения (см. дальше), где различные степени предположения выражаются разнообразными конституентами, образующими целую шкалу, для выражения различных видов побуждения служит доминанта — императив, обладающая самой «побудительностью». Побуждение может быть: 1) категорическим приказом; 2) запрещением; 3) призывом; 4) нейтральным приказанием; 5) советом; 6) просьбой и т. д. Эти различия в значительной степени определяются интонацией, а на письме знаками препинания. Решающей оказывается также лексика микроконтекста, а иногда и макроконтекста. Для выявления нейтрального приказания не требуется специального окружения. Категорический приказ, обычно в форме короткого предложения, может усиливаться модальным словом *pein*, а в письменной речи также вводящими глаголами типа *rufen*, *befehlen*.

„*Nein, bleib hier!*“ rief Georg. (A. Seghers — *Das siebte Kreuz*)

Запрещение выражается формой императива в сочетании с частицей *nicht*.

Просьба усиливается модальным словом *bitte*, частицей *doch*, вводящими глаголами *bitten*, *beschwören*.

Bleibe du, ich bitte dich, in der Sonne und am Fenster sitzen, und wärme deine Glieder. (L. Feuchtwanger — *Jefta und seine Tochter*)

Появление личного местоимения при императиве вызывается разными причинами. В данном тексте оно подчеркивает некоторую приподнятость стиля. Иногда, наоборот, оно встречается в фамильярной речи.

Просьба может также содержать отрицательную частицу:

„*Nimm uns nicht die Rechte, die wir seit hundert Jahren haben*“, beschwore ihn Jehuda. „*Gib nicht deine treuesten Untertanen in die Hand ihres Feindes...*“ (L. Feuchtwanger — *Die Jüdin von Toledo*)

Совет определяется общим смыслом высказывания (вводящий глагол может быть глаголом *raten*), а также нейтральным глаголом типа *sagen*.

Denke trotz allem, was du erlebt hast, nicht schlecht von den Menschen. (W. Brede — Enkel)

„Gehen Sie an Ihre Arbeit, Kreß, oder was Sie sonst vorhaben“, sagte Georg, „oder nehmen Sie Ihre Frau unter den Arm und machen Sie einen Sonntagsspaziergang, vergessen Sie ein paar Stunden, daß ich überhaupt da bin.“ (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Особенностью побудительных предложений с императивом является то, что в их состав обычно не входят модальные слова, входящие в Микрополе Предложений.

В разговорной речи императив сочетается с усилильными модальными частицами, которые не вносят, однако, новых сем, а придают побуждению эмоциональную окраску.

Erklär mir eben mal, wie du das meinst. (G. Hauptmann — Vor Sonnenaufgang)

Призыв чаще всего выражается императивом в форме множественного числа, реже в форме единственного и в так называемой вежливой форме.

Schießt nicht auf uns, o Brüder!..

Seht unsere offenen Arme! — Schlagt das Gewehr entzwei!

Blickt uns ins Antlitz! — Brüder! — Stimmt ein mit in den Schrei:

„Wir schießen nicht auf unsere Brüder!“

(Deutsches Friedensbuch)

Призыв может носить характер просьбы:

Kämpft, darum bitten wir euch, für diese Ideen, kämpft mit der Feder und mit dem Wort, wie es jedem liegt! Aber kämpft! (L. Renn — Deutsches Friedensbuch)

За исключением презенса конъюнктива, все конституенты Микрополя Побуждения находятся в синонимических отношениях с императивом. Некоторые из них являются синонимами между собой. Как правило, конституенты Микрополя Побуждения (кроме презенса конъюнктива) не создают новых сем: они усиливают или уточняют сему «побудительность», причем очень часто в макроконтексте они употребляются вместе с императивом. В этом можно убедиться на примере средств выражения категорического приказания. Императив как

наиболее универсальное средство выражения побуждения значительно реже используется для выражения высшей степени приказа. Это объясняется тем, что императив обращен к определенному лицу, а сила приказа как бы прямо пропорциональна безличности. Категорическое приказание выражается формами футурума и презенса, инфинитивом, причастием II, безличным пассивом, псевдопридаточными предложениями с daß. Сравним в следующем тексте использование императива и инфинитива для выражения категорического приказания:

Seine Leute waren angetreten. „Braunewell! Nageln Sie die Karte an den Baum da. Also: Beitreten! Herhören!“ — и дальше: „... Also — Braunewell! Abriegeln die Straße zwischen den Dörfern Botzenbach und Oberreichenbach. Meiling! Abriegeln zwischen Unterreichenbach und Kalheim. Nichts durchlassen!..“ (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Приказ в императиве в вежливой форме носит менее категоричный характер, чем в форме инфинитива. Наивысшую степень категоричности инфинитив достигает в случае отсутствия обращения. Не менее категоричный характер выражает причастие II, которое в отличие от инфинитива лексически более ограничено. Инфинитив и причастие II употребляются в командах. Но инфинитив разнообразнее по значению, чем причастие II. Инфинитив выражает смягченное указание, просьбу, желание; он используется в инструкциях, указаниях и предписаниях рекламного характера типа: *Nicht mit Wasser sparen!* *Erst handwarm, dann kalt spülen!* *Kurz abtropfen lassen!* *Nicht antrocknen lassen!* и т. д. (Из инструкции по стирке изделий из синтетического волокна.)

Выражая желание, инфинитив отходит на периферию Микрополя Побуждения:

Jetzt nur kein Mensch sein, jetzt Wurzel schlagen, ein Weidenstamm unter Weidenstämmen, jetzt Rinde bekommen und Zweige statt Arme. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Безличный пассив выражает приказание в разговорной речи:

Die Mutter aber antwortete: „Jetzt ist später Abend. Jetzt werden keine Geschichten mehr erzählt, jetzt wird ins Bett gegangen.“ (H. Fallada — Geschichten aus der Murkelei)

В разговорной речи приказание выражается иногда псевдопридаточными предложениями с *daß*, а также конструкцией с *machen* в императиве и зависящим от него предложением с *daß*:

„*Daß du mir nicht mit dem Kerl telefonierst!*“ (H. Fallada — *Wolf unter Wölfen*)

„*Gleich macht ihr Räuber, daß ihr fortkommt!*“ (Ebenda)

Приказание это может иметь грубый характер.

Презенс и футурум индикатива с соответствующей интонацией выражают также категорический приказ, однако степень интенсивности и категоричности все же слабее, чем у инфинитива, прежде всего благодаря обращению к определенному лицу. Презенс выражает более сильное побуждение, чем императив:

„*Nun leg dich schon endlich hin, Pauline...*“

„*So, Pauline, jetzt bleibst du aber liegen und schlafst!*“ (W. Bredel — *Die Söhne*)

Безапелляционность присуща и футуруму, который также, как и презенс, используется в значении побуждения во втором лице:

„*Ivonne*“, sagte er, „*du wirst nicht reisen.*“

Wie wollte Hinkelmann es hindern?

„*Du wirst nicht reisen!*“ —

и дальше:

„*Ich sage dir, du wirst nicht reisen.*“ (M. Frisch — *Die Schwierigen*)

Сема «будущее» является предпосылкой для развития у второго лица футурума семы «побудительность».

Модальные глаголы во втором лице презенса + инфинитив выражают различные оттенки побуждения. Этому способствует их лексическое значение, подвергающееся незначительному переосмыслению.

Модальный глагол *sollen* выражает нейтральное приказание, наиболее близкое императиву, и выступает его синонимом. Так, вместо *Nimm zwanzig Tropfen Baldrian im Wasser, auch fünfundzwanzig*, можно сказать: *Du sollst zwanzig Tropfen Baldrian... nehmen.*

Модальный глагол *müssen* выражает более категорическое приказание, включающее указание на необходимость. *Du mußt jetzt antworten!* Аналогичный характер приказания выражает конструкция *haben + zu* + инфинитив. Основное значение этой конструкции — долженствование, необходимость — послужило предпосылкой

для использования второго лица в значении побуждения:
Du hast jetzt zu antworten!

Модальный глагол können используется для выражения распоряжения, смягченного приказания, разрешения:

Setz dich. Ja, du kannst dich setzen. Hierher. (L. Feuchtwanger — Die Witwe Capet)

Модальный глагол dürfen в сочетании с отрицательной частицей nicht выражает запрет более категорический, чем императив:

Du darfst nicht in den Wald gehen! Du darfst nicht rauchen!

Модальный глагол wollen занимает особое место среди конституентов Микрополя Побуждения. Первое лицо множественного числа от глагола wollen выражает приглашение или побуждение к совместному действию и рассматривается в некоторых работах как 1-е лицо множественного числа императива, т. е. как сложная форма императива. Оборот Wollen wir gehen! синонимичен обороту Gehen wir!

Sorgen wir dafür, daß unser deutsches Volk endlich nach der Niederlage von zwei Weltkriegen die geschlechtliche Lehre zieht. (Deutsches Friedensbuch) = Wollen wir dafür sorgen. В этот призыв включены и говорящий и лицо или лица, к которым обращена речь. Значение глагола wollen здесь, однако, не переосмысляется, и глагол wollen не превращается во вспомогательный.

Во втором лице wollen выражает как вежливое приглашение, так и приглашение с оттенком нетерпения:

Der Lehrer rief ungeduldig: „Willst du mal nicht vorsagen, Ursel!“ (H. Fallada — Geschichten aus der Mürkelei)

Форму императива образуют не все модальные глаголы, а только wollen и lassen. Wollen при этом сохраняет полностью свое основное лексическое значение и употребляется наряду с другими полнозначными глаголами:

Wollet! Hoffet! Liebet!
Und die Erde gehört euch wieder.

(Deutsches Friedensbuch)

Du neues Jahr, o woll auch das noch geben,
Das eine noch, das uns allein noch fehlt:

Laß jenen Ölzweig zu uns niederschweben,
Auf den ein jedes Herz jetzt hofft und zählt...

(Ebenda)

Глагол *lassen* в форме императива употребляется часто. Иногда, как в данном тексте, сохраняется значение каузативности. Во множественном числе с местоимением *wir* в аккузативе проявляется значение призыва:

Laßt uns ein wenig von dem holden Frühling träumen
Und von Frieden auch.

(R. Huch — Deutsches Friedensbuch)

Laßt uns träumen! выступает синонимом Wollen wir träumen! или träumen wir!

В единственном числе *lassen* выражает нейтральное побуждение наряду с императивом:

Nimm 20 Tropfen Baldrian im Wasser, auch fünfundzwanzig... Und sei versichert, daß ich auf eigene Hand nichts unternehmen werde, was deinem Gefühl entgegen ist. Laß diese Versicherung auch zu deiner Beruhigung dienen, an der mir alles gelegen ist! (Th. Mann — Erzählungen)

Наречные и субстантивные недвусоставные предложения отличаются также разной степенью побуждения:

Приказ: Also hinüber das Bein! Aufgesessen! Tief in den Sitz! Wurf mich ab, Pedro, oder trag mich! (E. Strittmatter — Ponny Pedro)

Призыв: Genug und übergenug der Metzelei! Nieder mit den Kriegshetzern diesseits und jenseits der Grenze! (Deutsches Friedensbuch)

Просьба: Hilfe! или Ein Glas Wasser, bitte! ²⁸

Особого внимания заслуживают побудительные междометия типа: Hallo! Pst! (обращения к людям), Miezmieze! (обращение к кошкам) и др. Образуя особый «структурно-семантический разряд» (В. В. Виноградов), они находятся на самой границе слов и соприкасаются с несловами, например, жестами. Они расположены на периферии Микрополя Побуждения и вряд ли выражают категорию модальности. Однако существуют и проме-

²⁸ Подробнее см.: В. Д. Девкин. Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965, стр. 24—25, 36—38.

жуточные формы, так называемые производные междометия типа *behüte, bewahre, geh, halt, horch*, которые безусловно вовлекаются благодаря близости к императиву в Микрополе Побуждения²⁹.

Презенс конъюнктива занимает особое место как в морфологической системе конъюнктива, так и в Микрополе Побуждения. Речь идет не о презенсе косвенной речи и не о презенсе в некоторых придаточных предложениях, а о презенсе, функционирующем в самостоятельном предложении. Презенс конъюнктива не имеет синонимов среди других форм конъюнктива и не образует оппозиций. Он не имеет четкой временной соотнесенности, выражая настоящее и будущее вообще, и ограничен третьим лицом. В значительно большей степени, чем императив, презенс конъюнктива является функционально стилистически ограниченным. Презенс конъюнктива служит для выражения призыва, окрашенного желанием, и для выражения смягченного приказания.

Презенс конъюнктива встречается в поэзии и эмоционально насыщенной публицистике. Это так называемый оптативный конъюнктив, весьма употребительный в классической поэзии; современному произведению он придает экспрессивность:

Uns und unsern Kindern
Bleibe erspart der Krieg.
Den Krieg zu verhindern,
Sei unser Sieg!

(Deutsches Friedensbuch)

В презенсе конъюнктива употребляется глагол *mögen*.

Herunter mit dem Bluttuch neuer Kriege!
Die Sonne des Friedens möge es bleichen!
(Deutsches Friedensbuch)

Лексическое значение глагола *mögen* при этом бледнеет.

Своеобразное «застывание» наблюдается у глагола *leben* в презенсе конъюнктива с частицей *es*: *Es lebe das*

²⁹ Подробнее см.: В. Т. Косов. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов. Канд. дисс. М., 1963.

Leben! Модель допускает варьирование третьего члена: *Es lebe die Jugend!* (*die siegreiche Oktoberrevolution!*). Иногда встречается и варьирование глагола: *Es ruhe das Gewehr!* (*Deutsches Friedensbuch*)

Смягченное приказание характеризует императивный конъюнктив. Сфера функционирования этого презенса конъюнктива — научно-техническая проза.

Презенс конъюнктива употребляется в этом значении с местоимением *man* и выступает синонимом инфинитива (см. пример выше). Можно выстроить целый синонимический ряд:

Verwenden Sie eine feine Nähnadel!
Eine feine Nähnadel verwenden!
Man verwende eine feine Nähnadel!

Его можно продолжить при помощи конструкции *sein + zu + инфинитив* и *solßen + инфинитив* пассив:

Eine feine Nähnadel ist zu verwenden.

Eine feine Nähnadel soll verwendet werden.

Последние структуры находятся на границе Микрополя Побуждения и Поля Действительности.

КОНСТИТУЕНТЫ МИКРОПОЛЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Микрополе Предположения отличается от рассмотренных выше микрополей прежде всего отсутствием ядра. Среди его конституентов не может быть выделено доминанты: нет специального наклонения, выражающего предположения. Микрополе Предположения отличается своеобразием структуры и богатством выразительных средств.

Конституенты Микрополя Предположения — это:

1. футурум I и II;
2. модальные глаголы: *müssen*, *können*, *mögen*, *dürfen* (в форме *dürfte*);
3. глаголы, синонимичные модальным: *scheinen* и *glauben*;
4. модальные слова;
5. некоторые структуры сложноподчиненных предложений.

Все перечисленные средства образуют шкалу убывающей (или возрастающей) степени вероятности, т. е.

степени удаления (или приближения) от Поля Действительности.

На периферии Микрополя Предположения находятся модальные глаголы *wollen* и *sollen*.

В лингвистической литературе высказывается мысль о том, что модальность предположения — это особый вид модальности, который выходит за пределы реальности/нереальности ³⁰. Нам представляется, что модальность предположительности, которая не должна отождествляться с потенциально-ирреальной модальностью, все же входит в модальность недействительности и вместе с потенциально-ирреальной модальностью и побудительной модальностью противостоит модальности действительности.

Модальность предположения не образует какой-либо особой оппозиции: ей противостоит та же модальность действительности, выраженная индикативом, которую можно рассматривать и как модальность достоверности.

Рассмотрим специфику конституентов Микрополя Предположения, их взаимоотношения, а также их место на модальной шкале.

Футурум I и II выражают довольно высокую степень предположения. Если мы сравним модальный футурум I (II) с временными, то обнаружится изменение не только их модальных, но и темпоральных сем, которые оказываются взаимозависимыми. Вместе с семой «будущее» действует сема «реальность». Если же футурум I и II используются в значении предположения, то меняются и временные семы: футурум I выражает предположение в настоящем; а футурум II в прошедшем.

Сема «предположение», обычно присущая третьему лицу, выявляется иногда в микроконтексте при помощи модальных слов *wohl*, *sicherlich*.

Модальное слово не всегда превращает футурум I в средство выражения предположения в настоящем. Иногда сема «будущее» сохраняется, а модальность предположения — высокая степень уверенности — передается модальным словом *wohl*.

³⁰ К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961; Л. С. Ермолова. Система средств выражения модальности в современных германских языках. Канд. дисс. М., 1964.

„Glauben Sie, daß sie es schaffen wird? Die letzte Arbeit hatte sie Drei...“

„.... Sie wird es wohl schaffen“. (H. Böll — Und sagte kein einziges Wort)

В макроконтексте обычно значение предположения поддерживается временными формами настоящего (для футурума I) или прошедшего (для футурума II).

Und trotzig... pflanzt sie sich vor ihrer Mutter auf und fragt:

„Wo ist unser Fräulein?“

„Sie wird in ihrem Zimmer sein“, sagt die Mutter ganz erstaunt. „Ihr Zimmer ist leer, das Bett ist unberührt. Sie muß schon gestern abend weggegangen sein...“ (St. Zweig — Novellen)

Не исключена возможность употребления и второго лица:

Dieser jüngst gehörten Volkslieder werden sich Euer Hochwürden sicherlich noch erinnern, aber das früher Gehörte wird Ihrem Gedächtnis entschwunden sein. (Th. Fontane — Unwiederbringlich)

Модальное слово *sicherlich* усиливает степень вероятности. Футурум I и II являются наиболее общими выражителями предположения и используются значительно реже, чем модальные глаголы.

Модальные глаголы, служащие для передачи предположения, отходят от своего основного лексического значения. У разных модальных глаголов степень разрыва неодинакова. Труднее всего провести границу у глагола *können*, лексическое значение которого — выражение реальной возможности. В основном тексте (см. стр. 74—75) модальный глагол *können* употреблен в своем лексическом значении, которое усиливается противопоставлением с конъюнктивом:

Es konnte gar nicht anders sein. ... daß es anders sein könnte, а также: Was könnte Onkel Prosper für sie tun?

Решающим оказывается контекст, а в устной речи интонация: *können* в своем лексическом значении оказывается под большим ударением по сравнению с *können* — выражителем предположения.

Глагол *können* в значении чистого предположения встречается довольно редко. Двойную трактовку, например, допускает следующее предложение: Er konnte sich

schließlich nicht in Luft aufgelöst haben. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Остальные модальные глаголы допускают четкое разграничение между лексическим значением и значением предположения.

Наивысшую степень вероятности выражает модальный глагол *müssen* + инфинитив I или II. Это сочетание приближается к границе модальности действительности, но не достигает ее, оставаясь в пределах микрополя предположения. Обратимся к основному тексту: Симона почти уверена в том, что сейчас полночь — *Es muß jetzt um Mitternacht sein*, но только, после того как она зажигает свет, она высказывает это в форме индикатива: *Ja, es ist zwölf Uhr drei*.

Часто выражение высокой степени предположения находит подкрепление в макроконтексте: в предыдущем предложении (см. текст из новеллы Цвейга) или в последующем, часто вводимом союзом *denn*:

Es muß etwas Drohendes, etwas Gefährliches in meiner Stimme gewesen sein, denn als ich unwillkürlich näher trat, wisch er zurück... (St. Zweig — Novellen)

Меньшую степень уверенности выражают два модальных глагола: *können* и *mögen*, см. предложение из основного текста: *Jetzt möchte es etwa halb zehn sein* — как выразитель меньшей степени уверенности. Дальше следует нарастание при помощи *müssen* вплоть до модальности действительности.

Промежуточное положение между *müssen* и *können* занимает *dürfen* в форме *dürfte*, чаще употребляется в публицистике и научной прозе.

Wo so berühmte Gelehrte wie Vossius und Barlaeus dozieren, dürften doch wohl ergiebige Kenntnisse zu gewinnen sein. (V. Tornius — Zwischen Hell und Dunkel)

При использовании модальных глаголов для выражения предположения снимается противопоставление индикатив/конъюнктив. Временная форма модального глагола соотносится с временным планом говорящего (автора), инфинитив I указывает на одновременность предложения и действия, а инфинитив II на предшествование.

Синонимами футурума I и II, а также конструкций с модальными глаголами являются потенциальные модальные слова. Специфика модальных слов заключается в том, что они выступают переключателями и переводят

высказывание с индикативом из Поля Действительности в Поле Недействительности. В отличие от этой способности модальных слов, которая появляется только в сочетании с индикативом, модальные слова не переключают конъюнктива, ирреальность сохраняется. Как уже указывалось, потенциальные модальные слова не сочетаются с императивом.

Благодаря своему ярко выраженному лексическому значению модальные слова тоньше, чем модальные глаголы, передают всю гамму оттенков предположения. Кроме того, они могут относить предположение в план будущего, в то время как модальные глаголы этой способностью не обладают. В макроконтексте часто присутствуют предложения, содержащие модальные слова, показывающие нарастание или ослабление степени вероятности:

Liebte er Barbara? Sicher liebte er sie. Wahrscheinlich hatte er sie heiraten wollen; vielleicht hatte es schon vor Jahren eine kindliche Verlobung gegeben zwischen ihm und ihr. (K. Mann — *Mephisto*)

Подобное ослабление или нарастание можно наблюдать и внутри одного предложения.

Интересно, что модальные слова, не являющиеся между собой синонимами (например, *vielleicht* — *möglich*), выступают в то же самое время синонимами модальных глаголов.

Mag sein, daß er mich als unzurechnungsfähig erklärt hat, oder vielleicht war ich inzwischen schon der Gestapo unwichtig geworden... (St. Zweig — *Novellen*)

Поскольку модальный глагол können не всегда четко выражает предположение, он часто сочетается с модальными словами (а также прилагательными в модальной функции).

Es konnte sehr wohl möglich sein, daß er noch da war. (L. Feuchtwanger — *Die Jüdin von Toledo*)

Ich sage, daß es doch möglich ist, daß dieser Mann bei mir gewesen sein kann. (G. Weisenborn — *Memorial*)

На шкале предположения внутри микрополя размещаются также другие его конституенты, принадлежащие синтаксическому уровню. Это главные предложения с опорным словом — модальным словом *vielleicht*, именем прилагательным (существительным), выполняющим модально-оценочную функцию и определяющим модаль-

ность высказывания, содержащегося в придаточном предложении (см. последние примеры). Некоторые из этих опорных слов выражают ту же степень предположения, что и рассмотренные выше средства. Другие, например, *fraglich*, *zweifelhaft* находятся на самой низкой ступени шкалы.

Как правило, модальность и оценка выражаются раздельно. Исключение составляет модальное слово *hoffentlich*, которое содержит оценку говорящего и указывает на довольно высокую степень предположения.

*Модальная шкала по степени убывания вероятности
(средства выражения предположения)*

<i>müssen + Inf. I, II, sicherlich, offenbar...</i>
<i>anscheinend, allem Anschein nach...</i>
<i>Futurum I, II: höchst wahrscheinlich, wohl...</i>
<i>dürfen /dürfte/ + Inf. I, II: wahrscheinlich...</i>
<i>wohl möglich, vermutlich...</i>
<i>können, mögen + Inf. I, II: möglich...</i>
<i>vielleicht ...</i>
<i>ungewiss, unsicher...</i>
<i>zweifelhaft, fraglich...</i>

Итак, наивысшую степень вероятности, граничащую с действительностью, выражает модальный глагол *müssen* с инфинитивом I или II. Наиболее близкими синонимами глагола *müssen* являются модальные слова *sicherlich*, *offenbar*, *anscheinend* — между собой эти модальные слова несинонимичны — и словосочетание, синонимичное модальному слову *anscheinend*, *allem Anschein nach*.

Высокую степень вероятности обозначают футурум I и II, модальные слова *wohl*, *wahrscheinlich* и усиленный вариант последнего *höchst wahrscheinlich*. К ним приближается *dürfen* в форме *dürfte* + инфинитив.

Нейтральное предположение выражается модальными глаголами *können* и *mögen* + инфинитив I, II и их синонимами *möglich* и *vielleicht*. По степени вероятности *vielleicht* ниже, чем *möglich*; последнее, даже усиленное модальным словом *wohl*, не достигает *wahrscheinlich*:

Es ist wohl möglich, doch nicht wahrscheinlich, daß die eine noch an mich denkt... (H. Böll — *Erzählungen*)

Крайнюю точку на шкале вероятности, показывающую сомнение, выражают прилагательные *zweifelhaft* и *fraglich*, от которых зависят придаточные предложения с *daß* и *ob*.

На шкале предположения, приближаясь по степени вероятности к футуруму I (II), находятся глаголы *scheinen* и *glauben*. Обнаруживая примерно одну и ту же степень предположения, эти два глагола + инфинитив I (II) отличаются друг от друга тем, что конструкция с *scheinen* выражает объективное предположение, основанное на внешних данных, а конструкция с *glauben* — предположение субъекта.

... zum erstenmal glaubte er das Wesen der Menschen verstanden zu haben. (St. Zweig — *Novellen*)

Vor ein paar Jahren einmal scheint er reich gewesen zu sein, dann wohl ist sein Geld weggeschmolzen, später scheint er wieder Geld gehabt zu haben. (L. Feuchtwanger — *Geschwister Oppermann*)

Синонимом конструкции с *scheinen* является сложноподчиненное предложение с безличным главным предложением и придаточным с союзом *daß* или без союза.

Es scheint, daß er reich gewesen ist (sei).

Es scheint, er sei reich gewesen.

Далее этот синонимический ряд отходит от шкалы предположения в сторону Микрополя Потенциальной Ирреальности:

Es scheint (ist), als ob er reich gewesen wäre (sei) и ... als wäre (sei) er reich gewesen.

В этой точке Микрополе Предположения и Микрополе Потенциальной Ирреальности смыкаются (см. также предложения основного текста с местоимением *ihr* — носителем состояния — в составе главного предложения).

На периферии Микрополя Предположения находятся *wollen* и *sollen* с инфинитивом I (II). Они являются кон-

ституентами Макрополя Косвенной речи³¹. На сему «косвенность» факультативно накладывается сема «сомнение в истинности высказывания».

Gerüchte kamen auf von übeln Vorzeichen. Es hieß, Raquel habe, als sie mit dem König in Tajo angelte, einen Totenkopf gefischt; man wollte das vom Gärtner der Galiana gehört haben. (L. Feuchtwanger — Die Jüdin von Toledo)

Fahrenberg soll schon am Montag nach Mainz gefahren sein... Er soll sich dann eine Kugel in den Kopf geschossen haben. Das ist nur ein Gerücht. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Конструкция с *wollen* противостоит конструкции с *sollen* по признаку «авторства» косвенного высказывания: *wollen* показывает, что речь исходит от подлежащего (в данном примере оно имеет неопределенно-личный характер); *sollen* приписывает слова третьему лицу, не называемому в предложении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все Макрополе Модальности распадается на два поля: Поле Действительности и Поле Недействительности, в состав последнего входят три микрополя.

Поле Д, занимающее наибольшее пространство в речи, имеет доминанту — индикатив На периферии функционируют средства Микрополя Потенциальной Ирреальности, потерявшие свое потенциально-ирреальное значение.

Доминантой Потенциально-Ирреального Микрополя являются претеритальные формы конъюнктива, которые выражают семы «потенциальной ирреальности». Эти семы модифицируются, вернее, осложняются новыми семами в структурах псевдопридаточного и сложноподчиненного предложения. Так создаются новые семы: «желание» (ирреальное желание), «ирреальное сравнение», «интенция» и др. Иногда структура предложения оказывается сильнее наклонения: так, в структуре условного периода

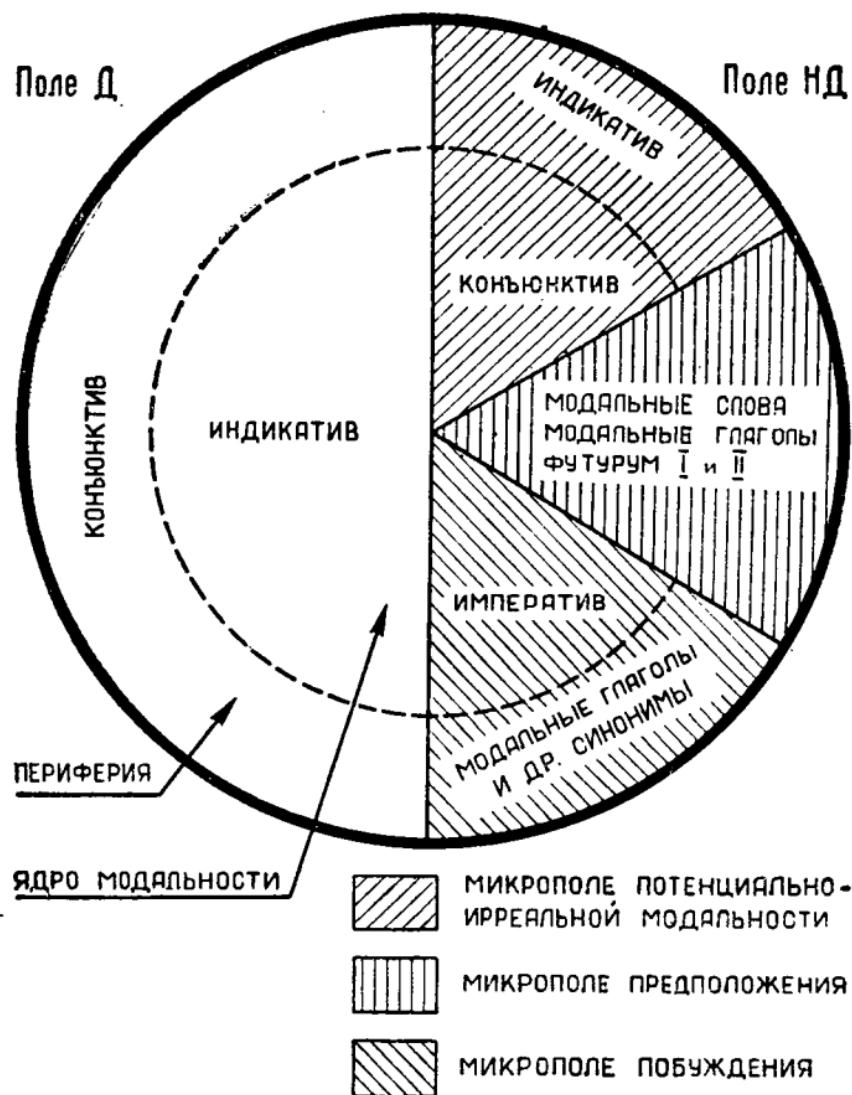
³¹ Не случайно Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева рассматривают их как особые наклонения. См.: «Современный немецкий язык». М., 1957, стр. 150.

с индикативом создается сема «гипотетичность». В некоторых структурах с отрицанием возникает псевдоирреальность, усиливаемая конъюнктивом.

Доминантой Микрополя Побуждения является императив. Императив, обладая семой «побуждение», под воздействием контекста, окружающей лексики и интонации приобретает способность выражать целую гамму оттенков побуждения от категорического приказа до просьбы, мольбы. Микрополе Побуждения располагает также целым набором конституентов — синонимов императива, которые позволяют еще разнообразнее оттенить значения побуждения. Особенно богат синонимический ряд категорического приказа. Синонимы императива — это средства всех уровней, к ним относится также переосмысленный индикатив.

Микрополе Предположения отличается прежде всего отсутствием доминанты — наклонения — и разнообразием конституентов, образующих целую шкалу предположения от высшей степени предположения, граничащей с Полем Д (*müssen* + инфинитив I, II) и до самой низшей, подвергающей сомнению истинность всего высказывания (*es ist fraglich, zweifelhaft, ob...*). Среди конституентов Микрополя Предположения развита синонимия: иногда они употребляются в одной и той же степени предположения. Чаще конституенты используются в одном тексте для усиления или ослабления степени предположения. Конституенты Микрополя Предположения также относятся к разным уровням, причем особый интерес представляет взаимодействие наклонений и модальных слов, а также участие индикатива в выражении модальности предположения. Модальные слова оказываются сильнее индикатива и переключают его: предложение, содержащее индикатив + потенциальное модальное слово, выражает предположение. Модальные слова не переключают конъюнктива (чаще всего с конъюнктивом употребляется модальное слово *vielleicht*), предложение остается в пределах Микрополя Потенциально-Ирреальной Модальности. Модальные слова ограниченно сочетаются с императивом. Индикативные формы выражают предположение не только под воздействием модальных слов. Переосмыслению подвергается и футурум I (II). Предположение выражается также модальными глаголами в индикативе + инфинитив I (II).

Макрополе Модальности

Макрополе Модальности связано в первую очередь с Полем Времени, так как каждая времененная форма в то же самое время модальна. Тесная связь обнаруживается у Макрополя Модальности с Полем Утверждения и Отрицания. На модальность наслаждаются всевозможные эмоциональные оттенки и значения субъективной оценки. Особый слой модальности образует косвенная речь. От Макрополя Модальности протягиваются нити к Компаративному Полю.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ III

1. Адмони В. Г. О модальности предложения. „Ученые записки ЛГПИ“, т. XXI, 1956.
2. Борисова Т. В. Лексические способы выражения модальности в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., 1951.
3. Гулыга Е. В. Модальные слова в современном немецком языке. „Ученые записки I-го МГПИИ“, т. VII, 1955.
4. Гулыга Е. В. Модальность сложноподчиненного предложения (на материале современного немецкого языка). „Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина“, т. СХП, вып. I кафедры нем. яз., 1959.
5. Гуревич В. А. Употребление модальных слов в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1959.
6. Ермолаева Л. С. Система средств выражения модальности в современных германских языках (на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков). Автореферат канд. дисс. М., 1964.
7. Крашенинникова Е. А. Ирреальная модальность в немецком языке. ВЯ, 1960, № 3.
8. Крашенинникова Е. А. Модальные глаголы и частицы. М., 1958.
9. Москальская О. И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. ВЯ, 1961, № 5.
10. Никулихин Ю. Я. Функции и синонимы кондиционалиса в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., 1965.
11. Терехина В. К. Абсолютное и относительное употребление временных форм конъюнктива в зависимых предложениях (на материале современного немецкого языка). Автореферат канд. дисс. М., 1955.
12. Соломонова М. М. Повелительное наклонение в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., 1953.
13. Филичева Н. И. Сослагательное наклонение в современном немецком языке. „Иностранные языки в школе“, 1954, № 1.

1. Bech G. Das semantische System der deutschen Modalverba. „Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague“, vol. IV, 1949.
2. Boost K. Die immittelbare Feststellungswweise. „Zeitschrift für Deutschkunde“, Bd. 54, Heft 8.
3. Egben J. Laßt uns feiern/ Wir wollen feiern! Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 82 (Sonderband). Halle 1961.
4. Flämig W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart, Berlin 1959.
5. Flämig W. Untersuchungen zum Finalsatz im Deutschen (Synchronie und Diachronie). „Forschungen und Fortschritt“, Heft 11, 1964.
6. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. II. Modus und Modalität. „Deutsch als Fremdsprache“, Heft 1, 1965.

7. Friedmann L. Über die Modalität der deutschen Fragesätze, „Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung“, Bd. 18, Heft 3, 1965.
8. Lafmann E. Zur Frage des Modus im deutschen Bedingungssätzen, „Zeitschrift für deutsche Philologie“, Bd. 56, 1931.
9. Welke K. Untersuchungen zum System der Modalverben in der deutschen Sprache der Gegenwart, Berlin 1965.

КОМПАРАТИВНОЕ ПОЛЕ

Links stand ein kleines, wie plattgedrücktes Haus, wie es sieh Arbeiter nach Feierabend bauen. Die grünlichen Läden, deren Anstrich längst verwaschen war, waren fest geschlossen, wie zugeklebt... mit meiner allerletzten Kraft pochte ich heftig gegen die Tür... dann öffnete sich die Tür, und ich sah eine blonde, rosige Frau, die auf mich wirkte wie eins jener unbeschreiblichen Lichter, die die düsteren Bilder Rembrandts erheßen bis in den fetzten Winkel. Goldenrötlich wirkte sie wie ein Licht vor mir auf in dieser Ewigkeit von Grau und Schwarz.

Mit iminer noch zitternden Händen hält sie das dunkelrote Kleid über den schweren Brüsten krampfhaft zusammen, obwohl es fest zugeknöpt war — fast, als fürchte sie, ich könne sie erdolchen. Der Blick ihrer wäßrigen blauen Augen war ängstlich und schreckhaft, als stehe sie, eines furchtbaren Urtells gewiß, vor Gericht. Selbst die billigen Drucke an den Wänden, diese süßlichen Bilder, waren wie ausgehängte Anklagen.

„Erschrecken Sie nicht“, sagte ich gepreßt, und ich wußte, daß das der schlechteste Anfang war, den ich hatte wählen können, aber bevor ich fortfahren konnte, sagte sie seltsam ruhig: „Ich weiß alles, er ist tot... tot...“ Da schluchzte sie plötzlich wild und schrecklich wie ein Tier.

Draußen war es dunkel geworden, und wie in Angst gebannt wartete ich noch einen Augenblick vor der verschlossenen Tür...

... In der zugigen, winzigen Wartehalle stand außer mir noch ein älteres Paar, fröstelnd in eine Ecke gedrückt... denn es zog kalt von den Schienen her, und immer, immer tiefer sank die Nacht wie ein ungeheures Gewicht. (H. Böll — Die Botschaft).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПАРАТИВНОГО ПОЛЯ

Приведенные отрывки из рассказа Генриха Бёлля отличаются образностью, которая достигается благодаря большому количеству выразительных, ярких сравнений. Однако было бы неверным предполагать, что функция сравнения является чисто стилистической. Сравнивая между собой предметы по их качествам, устанавливая их сходство между собой, мы глубже раскрываем явления объективной действительности.

Средства выражения сравнения взаимодействуют друг с другом и функционируют совместно, образуя Компаративное Поле. Произведя разрез поля по вертикали, можно установить его конституенты. К ним относятся:

1. Степени сравнения прилагательных.
2. Сложные прилагательные.
3. Группы сравнения с *als* и *wie*.
4. Сложноподчиненные предложения:
 - а) реального сравнения для выражения неравенства (союзы *als*, *als daß*);
 - б) пропорционального сравнения (двойные союзы *je... desto*, *je ... um so*, *je ... je*);
 - в) реального сравнения для выражения равенства (союз *wie*);
 - г) ирреального сравнения для выражения квазиравенства (мнимого равенства) (союзы *als*, *als ob*, *als wenn*, *wie wenn*).

Как показывает перечень средств, Компаративное Поле образуется из конституентов разных уровней: морфологического — степеней сравнения, синтаксического — групп сравнения и сложноподчиненных предложений с

определенными союзами, лексического — сложных прилагательных.

Сравнение заключается в уподоблении одного предмета (явления, действия) другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым. Наличие какого-то общего признака так же обязательно, как и несовпадение какого-то другого признака, в противном случае это будет не сравнение, а тождество. Чем менее заметным является общий признак — база для сравнения, тем сильнее оказывается эффект. Например, в основном тексте слашевые картины сравниваются с обвинительными актами; базой для сравнения служит возможность повесить те и другие на стене. Как будет показано дальше, ирреальные сравнения строятся на контрастности.

Для сравнения привлекаются обычно два предмета (лица, явления) — сравниваемый член и член сравнения, с которым сравнивают. Первый назовем объектом сравнения, второй — эталоном¹. В наиболее простых случаях сравнения объект выражен существительным или глаголом, а эталон — существительным, прилагательным, причастием с союзом *wie*.

...diese Bilder (объект) waren wie ausgehängte Anklagen (эталон).

Die Nacht sank (объект) wie ein ungeheures Gewicht (эталон).

При сравнении устанавливаются также разные степени (как в сторону уменьшения, так и в сторону возрастания) одного и того же качества у одного предмета или у нескольких однородных предметов (явлений, действий).

По горизонтали Компаративное Поле разделяется на два микрополя: I. Микрополе Неравенства; II. Микрополе Равенства.

Доминантой Компаративного Поля являются степени сравнения прилагательных, которые функционируют в обоих полях. Обычно выделяются три степени сравнения: положительная (позитив), сравнительная (компаратив) и превосходная (суперлатив). Предметом спора грам-

¹ Термин «эталон» предлагается Т. Г. Беловой для сравнительно-сопоставительных придаточных предложений. См.: «Сложные предложения, выражающие отношения сравнения и сопоставления». «Ученые записки 1-го МГПИИЯ», т. ХУ, 1957, стр. 59.

матистов уже давно являлся вопрос, можно ли считать прилагательное в положительной степени, т. е. в его исходной форме, степенью. В. В. Виноградов справедливо замечает, что «форма положительной степени непосредственно и безотносительно характеризует предмет»². Аналогичные рассуждения мы находим у О. Есперсена, который остроумно замечает, что «если мы называем лошадь или книгу старой, мы не сравниваем их с другой лошадью или книгой»³. И действительно, если мы обратимся к основному тексту, то найдем большое количество прилагательных в исходной форме, которые значения сравнения не выражают. Вместе с тем оно явно обнаруживается в случаях типа: ... *denn er (der Hund) war schon alt, viel älter als der Vater.* (H. Fallada — *Geschichten aus der Murkelei*).

Анализ по семам позволяет наметить пути решения этого вопроса. Именам прилагательным присущи две семы: 1) сема «качество» вне сравнения и 2) сема «компаративность». Соотношение этих сем у трех форм прилагательных разное.

Основная сема исходной формы — это качество, которое может усиливаться некоторыми наречиями: *sehr schön, höchst interessant, außergewöhnlich interessant* и т. д. Для выявления семы «компаративность» у исходной формы нужны два фактора. Сема «компаративность» выступает, во-первых, в сочетании с группой сравнения с *wie*, т. е. с эталоном. В этом случае прилагательное в положительной степени выступает обычно конституентом Микрополя Равенства (см. основной текст, а также подробнее дальше). Во-вторых, сема «компаративность» выступает у прилагательного в положительной степени в микро- или макроконтексте, если оно употребляется вместе с прилагательными в сравнительной или превосходной степени. Отсутствие формального признака становится признаком, как только возникает противопоставление. Например:

... und die stille Straße ... war noch stiller als gewöhnlich. (Th. Fontane — *Graf Petöfy*)

Von den ausgedachten Kindern nannte er das älteste

² В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 243.

³ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 283.

Träumlein. Das war ebenso alt wie der Murkel. (H. Fallada — Geschichten aus der Murkelei)

См. также вышеприведенный пример из „Детских историй“ Фаллады.

Vater schrieb mir oft in den Jahren nach Mutters Tod, immer öfter, und seine Briefe wurden immer länger. (H. Böll — Erzählungen)

Иногда положительная и сравнительная степень обра-зуется от синонимичных прилагательных:

... aber er war klein und behende, viel flinker als ich ... (H. Böll — Erzählungen)

Иногда от антонимов:

Unsere Wohnung ist zu klein... Für eine größere Wohnung braucht man Geld. (H. Böll — Und sagte kein einziges Wort)

Есперсен правильно подметил, что все три степени редко употребляются в одном микро- или даже макрокон-тексте. Приводимые им примеры типа «На обед у нас вчера был грязный бекон, более грязные яйца и грязней-ший картофель» (Китс)⁴ редки и производят поэтому особый стилистический эффект. Обычно же все три сте-пени сравнения приводятся вместе при практическом обучении. В художественной литературе, как показывает материал, в одном контексте употребляются две степени.

Основная сема сравнительной степени прилагатель-ного — это «компаративность». На эту сему может на-слаиваться сема «постепенное нарастание качества» (см. ниже). Кроме того, у прилагательного в сравнительной степени сема «компаративность» может исчезать, сема «качество вне сравнения» сохраняется.

Основные семы превосходной степени — это «компа-ртивность» и наивысшая степень обладания качеством, условно называемая «максимальность». В определенных условиях употребления превосходной степени сема «ком-паративность» исчезает, сема «максимальность» сохраня-ется; форма в этом случае называется элатив (Beste Freund).

В грамматиках принято говорить об относительном и абсолютном употреблении степеней сравнения имен при-лагательных.

Степени сравнения присущи большинству качествен-

⁴ О. Е сперсен. Указ. соч., стр. 286.

ных прилагательных и качественным наречиям. В дальнейшем мы не будем проводить этого различия, объединяя качественные наречия с прилагательными⁵. Из собственно наречий степени сравнения образуют oft, gern (lieber, am liebsten), bald (eher, am ehesten).

Способность изменяться по степеням сравнения приобретают причастия, перешедшие в прилагательные, т. е. адъективированные причастия, которые выражают значение качества: der spannendste Roman, in den entscheidenden Industriegebieten... (W. Bredel); das reizendste Mädchen; er ist gebildeter als sein Bruder; die ausgesuchteste Gesellschaft (B. Kellermann).

Степень сравнения обнаруживается у субстантивированных прилагательных, которые выражают качество в опредмеченном виде.

Sie muß die Klügere sein... (L. Feuchtwanger — Exil)

Das Erstaunlichste dabei war, was alles trotzdem geschrieben wurde! („Sonntag“)

Das Drückendste war, daß die Menschen der Stadt ... nicht sichtbar waren. (L. Feuchtwanger — Simone)

Категория степеней сравнения тесно связана с лексическим значением прилагательного. Целый ряд прилагательных, в том числе относительные прилагательные, не знают степеней сравнения, так как их значение не допускает разных степеней качества, например tot, rund, stumm, ledig, winterlich. В переносном употреблении в шутливой речи можно услышать: ich bin toter als tot в значении todmüde⁶.

КОНСТИТУЕНТЫ МИКРОПОЛЯ НЕРАВЕНСТВА

Доминанту Микрополя Неравенства образуют степени сравнения. Конституентами Поля Неравенства являются, кроме того, группа сравнения с als (реже с wie), а также сложноподчиненные предложения с придаточными, вводимыми союзами als и als daß. На периферии поля располагаются сложноподчиненные предложения про-

⁵ Во многих зарубежных грамматиках немецкого языка прилагательные и качественные наречия рассматриваются как одна часть речи. См.: H. Brinkmann. Die deutsche Sprache, Gestalt und Leistung. Düsseldorf 1962; W. Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin 1965.

⁶ H. Glinz. Die innere Form des Deutschen. Bern — München 1965, S. 197.

порционального сравнения с двойными союзами *je ... desto* и др. Специфика конституентов Поля Неравенства заключается в том, что без степеней сравнения они обычно не функционируют. Иными словами, синтаксические структуры либо сочетаются со степенями сравнения, прежде всего с компаративом, либо включают его в свой состав.

Отсюда следует особая роль компаратива в Микрополе Неравенства. Как уже указывалось, основная сема степеней сравнения — «компаративность», устанавливающая более высокую или более низкую степень качества по сравнению с исходной формой.

Denn es ist so, daß Leiden nur ~~den~~ Starken stärker, den Schwachen aber schwächer macht. (L. Feuchtwanger — Exil)

Компаратив обычно уточняется группой *als*, содержащей эталон. Этalon включает чаще всего имя существительное, местоимение.

Daß Liebe höher sei als Haß, Verständnis höher als Zorn, Friede edler als Krieg, das muß ja eben dieser unseelige Weltkrieg uns tiefer einbrennen, als wir es je gefühlt. (Deutsches Friedensbuch)

... und der Vater kam aus dem Haus geschossen, schneller als eine Schwalbe... (H. Fallada — Geschichten aus der Murkelei)

В определенных структурах значение сравнительной степени может выражаться и исходной формой (положительной степенью). Прилагательное с отрицанием *nicht* и частицей *so* сопоставляется с эталоном — группой сравнения с *wie*.

Paul ist nicht so klug wie Peter.

Сравнение достигается путем отрицания равенства.

Можно устанавливать разные степени качества у объекта сравнения безотносительно к другим предметам. Этalonом выступает в этом случае группа *als + наречие, числительное*:

Alter als vierzig hatte er werden müssen, ehe er auch nur zu begreifen begann, was Malen heißt. (L. Feuchtwanger — Goya)

При сравнении различных качеств у одного объекта используется сравнительная степень от наречий *mehr* и *eher* при предикативных прилагательных в исходной форме или существительных:

Sie ist mehr gebildet als klug.

Er ist mehr Wissenschaftler als Pädagoge.

Er (der Delikatessenladen) war eher eng als umfangreich, aber beträchtlich hoch... (Th. Mann — Die Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull)

У сравнительной степени в определенных условиях развивается сема «постепенное нарастание качества», которая наслаивается на основную сему «компаративность».

Nun wurden die Kinder größer und größer. (H. Fallada — Geschichten aus der Murkelei)

Da saß der Murkel nun oben, und die Krähen krächzten und schwirrten immer näher. (Ebenda)

Сема «постепенное нарастание качества» выражается при помощи повторения сравнительной степени и наречия, однократно или многократно повторенного (см. основной текст: immer, immer tiefer sank die Nacht).

Сема «компаративность» у сравнительной степени может отсутствовать, при абсолютном употреблении сема «качество» ослабляется или усиливается. Ослабленное качество можно проследить на примере: ... es dauerte längere Zeit, bis Fabian antwortete. (B. Kellermann — Totentanz)

Всем известны примеры: ältere Frau и jüngere Frau.

Aus dem Haus kamen zwei Frauen, eine alte und eine mittlere mit einem Waschkorb. Die alte sah stramm und hart aus, die jüngere ging vornübergebeugt mit müdem Gesicht. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

На первый взгляд кажется противоречивым и непонятным, что eine jüngere Frau старше, чем eine junge Frau, а eine ältere Frau моложе, чем eine alte Frau. Однако это противоречие снимается, если не воспринимать сравнительную степень обязательно как более высокую по сравнению со значением исходной формы, а установить другой ряд:

jung — jünger — älter — alt,
где jünger и älter располагаются между полярными полюсами⁷. Интересно, что ослабление качества выступает только в атрибутивной функции.

⁷ H. Glinz. Die innere Form des Deutschen. München — Bern 1965, S. 196. О значении полярности и связи ее со степенями сравнения см.: H. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Düsseldorf 1962, S. 121—123.

Форма сравнительной степени может выражать очень высокое качество, фактически она используется как синоним превосходной. Это значение выявляется в двух видах контекста.

1. Эталон включает в свой состав прилагательное в превосходной степени. Это может быть то же самое прилагательное, которое стоит в сравнительной степени, или синонимичное:

Und die Selbstverständlichkeit, mit der sie sich zu Hause fühlten, diese Gemütlichkeit schien Simone schlimmer als die schlimmste Roheit, die sie sich hätten ausdenken können. (L. Feuchtwanger — Simone)

Da er aber seit jeher der Meinung gewesen war, daß Michael eigensinniger sei als der hockigste Esel, versuchte er nicht ihn zu halten. (L. Frank — Links, wo das Herz ist)

Эта своеобразная синтаксическая структура создает впечатление мнимого сравнения, а в действительности служит для выражения наивысшего качества и производит сильный эффект благодаря своей выразительности.

2. В предложении содержится отрицание, показывающее, что более высокой степени данного качества быть не может:

Doch konnte keiner besser erkennen als er, mit wieviel Kunst diese Bilder gemacht werden. (L. Feuchtwanger — Goya)

... ich kenne nichts Schlimmeres als Langeweile. (H. Böll — Und sagte kein einziges Wort)

Превосходная степень обозначает самую высокую степень качества по сравнению с другими предметами, обладающими теми же качествами:

Es war einer der schönsten Tage meines Lebens, vielleicht der unbedingt schönste. (Th. Mann — Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull)

Das waren bittere Worte, die bittersten vielleicht, die er jemals durchgemacht hatte. (Kl. Mann — Mephisto)

Данное значение поддерживается наличием исходной формы, а также придаточным предложением, которое является своеобразным эталоном, позволяющим установить высокую степень этого явления по сравнению с другими.

В следующем примере мы видим, что благодаря придаточному предложению сема «максимальность» выяв-

ляется и без сопоставления с положительной степенью.

Er hat zudem im Rahmen dieses großen Romanwerkes die schönste und stärkste Liebesgeschichte geschrieben, die ein Deutscher in unserm Jahrhundert geschrieben hat... (L. Feuchtwanger — *Centum opuscula*)

Форма превосходной степени с частицей *am* имеет две особенности по сравнению с обычной формой суперлатива.

Одна особенность чисто синтаксическая. Форма с *am* используется при выполнении прилагательным (фактически качественным наречием) функции обстоятельства:

Kinder werden *am besten* von Kindern erzogen.

... und gerade der bedeutende Arzt, welcher der Wissenschaft mit Ernst und Geist um ihrer selbst willen und als Gelehrter dient, ist sogar *am leichtesten* zu täuschen... (Th. Mann — *Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull*)

Кроме того, форма с *am* в предикативной функции употребляется тогда, когда сравниваются проявления качества у одного и того же объекта, способного видоизменяться:

Hier ist der See *am tiefsten* (сравниваются разные степени глубины одного озера) или:

Gegen Abend wurde der Wind *am stärksten*.

Ho: Dieser See ist *der tiefste*. (Это озеро сравнивается с другими озерами.)

Превосходная степень часто употребляется абсолютно, выражая вне сравнения сему «максимальность» (элатив).

„Ich verrate dir jetzt, was das größte Glück für einen Mann ist. Sein größtes Glück ist, wenn die Frau, die er liebt, ihn liebt“. (L. Frank — *Links, wo das Herz ist*)

Превосходная степень усиливается сочетанием с *aller* (см. основной текст: *mit meiner allerletzten Kraft...*).

В Полье Неравенства сравнение может выражаться более сложным путем в рамках сложноподчиненного предложения.

В состав главного предложения входит объект сравнения и сравнительная степень; придаточное предложение вводится союзами *als* или *als daß* и представляет собой эталон усложненного характера:

In ihrer Jugend mochte sie reizvoller gewesen sein, als die Tochter es heute noch war. (Th. Mann — *Lotte in Weimar*)

Von der Leinwand schaute repräsentativ ein Mann, der von der Welt mehr verlangte, als ihm zukam, von sich selber mehr, als er geben konnte. (L. Feuchtwanger — Goya)

Внутри сложноподчиненного предложения сам характер сравнения оказывается более сложным по содержанию. В сравнение включаются временные и модальные отношения. Сравниваются не качества предметов или действий, а сами действия (см. пример выше). Но поскольку глаголы не имеют степеней сравнения, то сопоставление происходит с помощью наречий *mehr*, *eher*, *lieber*. Эти наречия передают сему «компаративность» в наиболее общем виде, поскольку в этом употреблении их лексические семы ослабевают.

Придаточные предложения сравнения редко вводятся союзом *als daß*. В этих предложениях сопоставляются два действия, отдается предпочтение первому:

Sie stürzte und stolperte mehr, als daß sie ging... (Th. Mann — *Buddenbrooks*)

(*Hertha fühlte eine dumpfe Reue*), aber *lieber würde sie sich die Zunge abgebissen haben, als daß sie ein Wort der Entschuldigung über die Lippen gebracht hätte.* (H. Sudermann — *Es war*)

Как будет показано дальше, союз *wie* является одним из основных конституентов Поля Равенства.

Однако если в состав придаточного предложения входят отрицания *nie*, *nirgends*, *niemand*, то все сложноподчиненное предложение выражает неравенство. Сравнительная степень прилагательного или наречия в предложении отсутствует.

Denn er liebte diesen Menschen, wie er nie einen Freund, nie Vater und Mutter geliebt hatte. (St. Zweig — *Novellen*)

(Ср. выше роль *nicht* при исходной форме.)

На периферии Микрополя Неравенства, вернее, на его границе с Микрополем Равенства находятся сложноподчиненные предложения пропорционального соотношения и сравнения. Говорящий (пишущий) избирает эту структуру, чтобы показать пропорциональную зависимость возрастания или ослабевания действия или качества элементарных предложений. Действия и качества элементарных предложений выражают нарастание, усиление признака во времени. Оба элементарных предложения оформлены двойными союзами: *je* вводит придаточ-

ное предложение, *desto*, *um so*, *je* — главное. Как правило, за союзом следует прилагательное в сравнительной степени. Значение пропорциональности складывается из суммы всех признаков модели: союзов, сравнительной степени, одинаковых временных форм и наклонений (презенс или претерит индикатива). Таким образом, сравнительная степень с семой «постепенное нарастание качества» выступает не самостоятельно, а в сочетании с другими средствами.

Je höher sie kamen, desto mehr Schnee lag auf den Dächern und Fichten. (A. Seghers — *Der Bienenstock*)

Как можно убедиться на примере, это сложноподчиненное предложение обнаруживает параллелизм в построении взаимозависимых элементарных предложений⁸.

КОНСТИТУЕНТЫ МИКРОПОЛЯ РАВЕНСТВА

Доминантой Микрополя Равенства является группа с *wie*. Конституентами выступают: 1) сложные прилагательные; 2) сложноподчиненные предложения реального сравнения с союзом *wie* и 3) сложноподчиненные предложения ирреального сравнения с союзами *als* (*als ob*, *als wenn*, *wie wenn*).

Группа с *wie* представляет собой эталон. Он может быть выражен именем существительным, местоимением, прилагательным, наречием, целым словосочетанием. Функция эталона заключается в том, что он характеризует качества или действия объекта сравнения путем приписывания объекту своих признаков. Главное для эталона — наличие в нем признака, существенного для характеристики объекта. Объект сравнения — существительное, местоимение — соединяется с эталоном при помощи прилагательного в положительной степени, связочных глаголов, прежде всего глагола *sein*, а также глаголов, требующих раскрытия своего содержания, типа *aussehen*, *wirken*.

...es war ein gerader und sauberer Strich, und er war so rot wie Blut, so rot wie Scharnhorst Kragen, Iphigenies Lippen und das Herz auf dem Herz-As. (H. Böll — *Erzählungen*)

⁸ См.: М. Л. Ван слова. Сложные предложения с союзом *чем — тем*. ВЯ, 1957, № 2.

Прилагательное сочетается с усиливательной частицей, служащей своего рода сигналом незаконченности выскакивания. Одним из самых употребительных глаголов, соединяющих объект сравнения с эталоном, является глагол *aussehen*, так как сравнение часто служит для внешней характеристики объекта. См. основной текст, а также:

Der Kuchen sah aus wie die Rosetten in den Kathedralen. (H. Böll — *Erzählungen*)

Klein war er und mager, sah wie ein Hecht aus... (Ebenda)

Эталон-существительное обычно имеет обобщенное значение и сопровождается неопределенным артиклем.

При глаголах, требующих раскрытия своего содержания, эталон является необходимым членом предложения — предикативом или предикативным атрибутом. Но и выступая обстоятельством при полнозначных глаголах, эталон обычно обязателен, предложение строится для выражения сравнения:

Ihr Lächeln fiel wie ein Zauber über mich. (H. Böll — *Erzählungen*)

Полнозначный глагол может стать объектом сравнения:

Ich hielet den Blumenstrauß nach unten in der Hand, trug ihn wie einen Papiersack mit Kartoffeln. (H. Böll — *Erzählungen*)

В данном предложении объектом сравнения является не букет цветов, а манера держать букет.

Эталон может быть темой сравнения, которая уточняется, а иногда и раскрывается придаточным предложением:

Die Dreizehnjährige, zart und strebend wie ein Halm, die auf dem schmalen Pfade durch die Wiese ging, sah aus wie ein Wesen aus dem roten Märchenbuch, in dem sie las. (L. Frank — *Mathilde*)

Sie drehte sich um auf der Couch, den Rücken zur Wand, langsam und gespannt und die Augen weit offen, wie jemand, der eine Vision festhalten will. (L. Frank — *Michaels Rückkehr*)

Придаточное предложение во втором примере фактически представляет собой эталон, оно неразрывно связано с группой с *wie*, так как в нее входит слово Указательного Поля (см. главу VI, «Указательное Поле»), требующее раскрытия.

Как показывает материал, в отличие от конституентов Микрополя Неравенства конституенты Микрополя Равенства выполняют в первую очередь эмоционально-стилистические функции образности. Не случайно сравнения становятся устойчивыми и образуют компаративную фразеологию типа *geschwäztig wie eine Elster, ein Gedächtnis haben wie ein Sieb*⁹.

Особый интерес среди конституентов Микрополя Равенства представляют усилительные сложные прилагательные, основы которых связаны компаративными отношениями. Специфика этих сложных прилагательных заключается в четко выраженном усилительном значении первого компонента, который возводит качество второго компонента в очень высокую степень. Это достигается тем, что признак прилагательного — второго компонента — приравнивается к одному из признаков существительного, определительного слова, который выделяется на первый план¹⁰. Речь идет о словах типа *eiskalt, bombenfest, zuckersüß, schneeweiß*. В работах последних лет отмечается исключительная продуктивность усилительных сложных прилагательных. Георг Мёллер подчеркивает, что в современном немецком языке остро чувствуется недостаток прилагательных, особенно названий красок (цветов)¹¹. Шкала красок (цветов) явно бедна, для ее восполнения, для передачи различных цветовых оттенков появляются сложные прилагательные, построенные по образцу: существительное (эталон) + прилагательное (обозначение цвета); реже: прилагательное + прилагательное.

Так, *rot* образует *blutrot, goldenrot (goldenrötlich), korallenrot, krebsrot, scharlachrot, weinrot, ziegelrot, zornrot; blau: himmelblau, kornblumenblau, veilchenblau; grün: grasgrün, moosgrün, ollvgrün.*

⁹ Компаративная фразеология разработана И. И. Чернышевой («Компаративная фразеология при изучении иностранного языка». Сб. «Как подготовить интересный урок иностранного языка». М., 1963; ее же. Фразеология современного немецкого языка (фразеология как система и ее связь с системой лексики), Докт. дисс. М., 1964).

¹⁰ И. Д. Молчанова. Усилительные сложные прилагательные в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1954.

¹¹ G. Möller. Deutsch von heute. Leipzig 1965, S. 19; E. Wittmers, M. Pfütz. Farbbezeichnungen der Mode in beiden deutschen Staaten. „Sprachpflege“, Heft 7, 1967.

Усилильные прилагательные с ярко выраженным сравнительными отношениями не занимают изолированного положения в Микрополе Равенства. Они синонимичны рассмотренным выше компаративным структурам с эталоном с *wie* и всегда могут быть преобразованы в эти структуры.

Сравним: *blutrot*, *der blutrote Mund* и *rot wie Blut* в вышеприведенном тексте; *grasgrün* и *grün wie Gras* в следующем тексте:

Sie hatte dunkles Haar, und ihr Mantel war so grün wie Gras, das in einer warmen Regennacht geschossen ist, er war so grün, daß mir schien, er müsse nach Gras riechen. (H. Böll — *Erzählungen*)

В макроконтексте автор рассказа возвращается к этому образу, но использует его иначе:

...das Futter der Tasche war so grün wie ihr Mantel. (H. Böll — *Erzählungen*)

Это свидетельствует о более свободном образовании компаративных словосочетаний по сравнению со сложными прилагательными. Сравнение внутри компаративного словосочетания может носить окказиональный, ситуативный характер, понятный из общего контекста. Основание для сравнения внутри сложного прилагательного должно иметь постоянный характер. Писатели используют эти средства даже в одном предложении, соотнося их как с одним объектом, так и с разными:

... schwefelgelb war die Soße, so gelb, wie die Sonne auf Bildern von Sonntagsmalern ist. (H. Böll — *Erzählungen*)

Der Regen stand vor den Laternen wie eine nachtgraue Wand, in die man hineinlief. (G. Weisenborn — *Memorial*)

Сложные слова дают возможность использовать сравнение внутри сравнения.

Не всегда сложные усиливательные прилагательные содержат сравнение. В том случае, когда первый компонент является прилагательным, оно чаще просто усиливает качество первого: *blitterböse*, *hochmodisch*, *reinsauber*. Первым компонентом может быть также существительное, которое в редких случаях не является эталоном, это *biereifrig*, *bombensicher*, *wordsfrech*, *steinreich*. Исключительно высокая степень качества, своего рода «максимальность», выступает у прилагательных с многозначными усиливательными компонентами (термин И. Д. Мол-

чановой) типа stockgrabenfinster, kohlpechbrandraben-schwarz, создающими избыточность.

Если на уровне простого предложения Поле Компаративности не членится по модальности, то на уровне сложноподчиненного предложения возникает противопоставление модальности действительности/недействительности (см. главу «Модальное Поле»), а именно реального/ирреального сравнения.

Придаточное предложение реального сравнения вводится союзом *wie*. Часто сравниваются качества:

Das Material war billig, und es war gut, so gut wie das Material für U-Boote und Flugzeuge war... (H. Böll — Erzählungen)

Приведенный пример свидетельствует о синонимии придаточного предложения и группы сравнения и даже о возможности замены.

... gut wie das Material für U-Boote und Flugzeuge (см. также текст выше: *wie die Sonne auf Bildern von Sonntagsmalern*).

В этом случае чаще используется группа сравнения с *wie*. Как правило, в придаточном предложении выражаются сложные отношения компаративности, которые не могут быть переданы группой сравнения. Так, например, придаточное предложение передает, кроме компаративности, и временные отношения предшествования:

... und sein Mund war so bitter, wie er immer gewesen war... (H. Böll — Erzählungen)

В пределах сложноподчиненного предложения могут сравниваться два и больше действий:

Er schwamm so gut, wie er Auto fuhr, segelte, Tennis spielte und verhandelte. (G. Weisenborn — Der dritte Blick)

Значение равенства усиливается наречием *genau*:

Nun gingen wir suchen und schließlich fanden wir den Cony. Der machte die Bilder, genau wie ihr sie euch dachtet. (H. Fallada — Geschichten aus der Murkelei)

В сложноподчиненном предложении с придаточными ирреального сравнения выражаются компаративные отношения иного порядка: действие главного предложения с модальностью действительности сравнивается с ирреальным действием. Сравнение этих двух действий создает стилистический эффект, основанный на контрастности. Контрастность действий, протекающих как бы

независимо друг от друга, и обуславливает ирреальность сравнения. Б. Дельбрюк называет эти предложения *Phantasievergleiche*¹². Сочетание компаративности и потенциальной ирреальности создает подвид потенциально-ирреальной модальности — ирреальной компаративности, которая соединяет Компаративное Поле с Модальным Полем, а именно Микрополем Потенциальной Ирреальности¹³.

Придаточное предложение ирреального сравнения вводится союзом *als* и его полными синонимами *als ob*, *als wenn*, *wie wenn*. Кроме ирреальной компаративности, эти предложения выражают относительные временные значения.

Претерит, презенс конъюнктива	обозначают одновременность
Плюсквамперфект, перфект	обозначают предшествование
Конд. I, футурум I, глаголы <i>wollen</i> и <i>sollen</i>	обозначают относительное будущее

Одновременность:

In der Ferne zitterte die Luft — ein farbloser Vorhang, glitzernd, als flösse Öl herab. (L. Frank — Mathilde). (См. также предложения с презенсом конъюнктива из основного текста.)

Предшествование:

Sie sprachen deutsch und standen etwas ratlos um den Wagen herum, wie wenn sie vom Monde gefallen wären. (K. Tucholsky — Schloß Gripsholm)

¹² B. D e l b r ü c k. Der germanische Optativ im Satzgefüge. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Bd. 29, 1904, S. 280.

¹³ Иное понимание синтаксической категории компаративности см.: И. М. Жилин. О категории компаративности. «Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка». «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 255, 1963.

Относительное будущее:

Alle Dörfer sahen aus, als würden sie nie wieder aufgebaut werden. (E. M. Remarque — Zeit zu leben und Zeit zu sterben)

Главное предложение часто содержит глагол *aussehen*, который раскрывается ирреальным придаточным предложением. Значение сравнения сохраняется.

В сложноподчиненных предложениях с придаточными, вводимыми союзом *als* (*als ob*), главное предложение может строиться по совершенно иной модели. В его состав входит безличное местоимение *es*, связочный глагол *sein* (*scheinen*) и факультативно название лица в дательном падеже. В этом случае сравнение может относиться к предыдущему предложению.

Doch der Vater zögert einen Augenblick. Es ist, als sei er von Jeannes Starrheit angesteckt. (W. Joho — Jeanne Peyrouton)

При наличии лица-объекта сравнение бледнеет или исчезает совсем. Возникает значение ирреального состояния, приписываемого лицу:

Die Front grollte. Die Krähen flogen. Ihm war plötzlich, als wäre er gar nicht fort gewesen. (E. M. Remarque — Zeit zu leben und Zeit zu sterben)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поле Компаративности обладает рядом особенностей. Его конституенты — средства разных уровней: морфологического, синтаксического, лексического. Доминантой является морфологическая категория прилагательного, а именно категория степеней сравнения, которая тесно связана как с лексикой, так и с синтаксисом.

Связь степеней сравнения с лексикой проявляется прежде всего в зависимости образования степеней сравнения от лексического значения прилагательного, от способности качества, выражаемого прилагательным, выявлять разные степени.

Связь степеней сравнения с синтаксисом проявляется в том, что степени сравнения взаимодействуют с синтаксическими единицами: группами сравнения с *als* и *wie*, выполняющими роль эталона. Имеются специальные модели сложноподчиненных предложений, в которых функ-

ционируют степени сравнения. Только на уровне сложно-подчиненного предложения компаративность сочетается с модальностью. Лексические средства выражения сравнения — сложные прилагательные связаны синтаксическими синонимическими отношениями с группами сравнения.

Компаративность переплетается с выражением качества вне сравнения: все три формы прилагательного могут обозначать очень высокое качество. Исходная форма прилагательного называет качество без указания на его степень.

Сравнение выражается частью речи, призванной называть качество, — прилагательным. Сравниваются, однако, не абстрактно взятые качества как таковые, а предметы — носители признака (качества, действия), т. е. существительные и глаголы при помощи прилагательных и качественных наречий. Сравнение без участия прилагательного наблюдается в Микрополе Неравенства с помощью группы сравнения с *wie* (эталона). Сопоставление двух действий происходит с участием наречий *eher*, *lieber*, *mehr*, лексические семы которых бледнеют.

Специфика категории компаративности заключается в том, что при передаче различных степеней качества могут выражаться такие отношения между предметами реальной действительности, которые говорящий объективно регистрирует, например высота десятиэтажного и пятиэтажного домов, расстояние между населенными пунктами, вес двух предметов и т. д. Этот вид сравнения наблюдается преимущественно в Микрополе Неравенства. В то же время сравнение может иметь субъективный характер, зависящий от говорящего. Этот вид сравнения проявляется при сравнении качеств в Микрополе Неравенства, например, при восприятии красоты, передаче впечатлений от прочитанных книг и т. п. Субъективное сравнение преобладает в Микрополе Равенства при сравнении двух объектов.

Конституенты Компаративного Поля выполняют в языке две функции:

1) логически-интеллектуальную, когда сравнение объектов расширяет наше познание;

2) экспрессивную, когда сравнение не столько расширяет наше познание, сколько создает образность речи.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ IV

1. Бурдина З. Г. О процессах фразеологизации в компаративных словосочетаниях (на материале современного немецкого языка), „Ученые записки 1-го МГПИИЯ им. М. Тореза“, т. 39, 1967.
 2. Жаворонкова И. А. Лексические словообразовательные средства выражения превосходной степени качества имен прилагательных в современном немецком языке. „Ученые записки Горьковского ГПИ им. М. Горького“, выпуск 65, Серия «Иностранные языки». Горький, 1965.
 3. Жилин И. М. О категории компаративности. Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка. „Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена“, т. 255, 1963.
 4. Марк Е. А. Развитие придаточных предложений ирреального сравнения в немецком языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1958.
 5. Молчанова И. Д. Усилиительные сложные прилагательные в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., 1954.
 6. Мюллер А. Я. Элатив и его синонимы в немецком языке. Автореферат канд. дисс. Львов, 1963.
 7. Чернышева И. И. Компаративная фразеология при изучении иностранного языка. Сб. „Как подготовить интересный урок иностранного языка“. М., 1963.
-
1. Renicke H. Inversion beim neuhighdeutschen Komparativ, „Zeitschrift für deutsche Philologie“, Bd. 74, Nr. 1, 1955.
 2. Renicke H. Steigerungsinversion, „Zeitschrift für deutsche Philologie“, Bd. 74, Nr. 3, 1955.
 3. Uvestadt B. The Structure of the German Quasi Clauses, „The Germanic Review“, vol. XXXII, No. 3, 1957.

**ПОЛЕ ОДУШЕВЛЕННОСТИ —
НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ
ПОд — ПНод**

Es ist fünf Minuten nach vier. Pinneberg hat das eben festgestellt. Er steht, ein nett aussehender, blonder junger Mann, vor dem Hause Rothenbaumstraße 24 und wartet. Es ist also fünf Minuten nach vier, und auf drei Viertel vier ist Pinneberg mit Lämmchen verabredet. Pinneberg hat die Uhr wieder eingesteckt und sieht erst auf ein Schild, das am Eingang des Hauses Rothenbaumstraße 24 angemacht ist. Er liest: Dr. Sesam. Frauenarzt. Sprechstunden 9—12 und 4—6. „Eben! Und nun ist es doch wieder fünf Minuten nach vier. Wenn ich mir noch eine Zigarette anbrenne, kommt Lämmchen natürlich sofort um die Ecke...“

Er sieht von dem Schild fort. Die Rothenbaumstraße hat nur eine Häuserreihe, jenseits des Fahrdamms, jenseits eines Grünstreifens, jenseits des Kais fließt die Strela, hier schon hübsch breit kurz vor ihrer Einmündung in die Ostsee. Ein frischer Wind weht herüber, die Büsche nicken mit ihren Zweigen, die Bäume rauschen ein wenig.

(H. Fallada — Kleiner Mann — was nun?)

Весь окружающий нас мир разделен на одушевленную и неодушевленную природу. Язык отражает разнообразными способами эти естественные различия. Без всякого затруднения мы устанавливаем в вышеприведенном тексте, что die Strela это река, а Lämmchen — человек, хотя название реки могло бы быть женским именем, а Lämmchen означает «ягненок». Слово Pinneberg во втором предложении каждый воспримет как фамилию даже без пояснения, заключенного в третьем предложении, так как глагол feststellen относится к чисто человеческой деятельности. Попытаемся выявить все те языковые средства, которые образуют Поле Одушевленности — Неодушевленности.

Прежде всего следует оговорить условность самого термина. В. В. Виноградов пишет по этому поводу: «Не приходится смущаться «мифологичностью» терминов «одушевленный» предмет и «неодушевленный» предмет — «категория одушевленности и неодушевленности». Языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии. Например, различие органической, живой, и неорганической природы не находит отражения в грамматике современного языка (растение, дуб, клен, липа, тростник и т. п. оказываются для языка «предметами неодушевленными»). В английском языке даже названия животных не включаются в категорию одушевленности, суживающуюся, таким образом, до границ категории лица. В самом русском литературном языке категория одушевленности в ее нынешнем виде сложилась не раньше 16—17 вв.»¹.

В русском языке одушевленность — неодушевленность представляет собой грамматическую категорию с достаточно четким грамматическим показателем — различными формами винительного падежа множественного числа существительных. У имен неодушевленных форма винительного падежа множественного числа всех родов совпадает с формой именительного падежа, а у имен одушевленных — с формой родительного падежа (ср.: *видеть детей, девочек, мальчиков, лошадей; видеть деревья, березы, дубы, овраги*). У имен существительных

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, М., 1947, стр. 89.

мужского рода это деление последовательно проводится и в единственном числе (ср.: *видеть отца* и *видеть конец*).

Сила этого правила настолько велика, что при метафорическом употреблении неодушевленных существительных меняется их падежная форма:

«Этого пня не уговоришь, нашего мешка обманули².»

В немецком языке одушевленность — неодушевленность не имеет грамматического центра, который организовал бы все остальные средства выражения, поэтому именовать ее грамматической категорией нельзя. Между тем, а, может быть, именно благодаря этому конституенты Поля Одушевленности — Неодушевленности по разнообразию и числу превосходят все другие поля.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ

Горизонтальное сечение поля обнаруживает прежде всего два микрополя: одушевленности и неодушевленности. Но внутри Поля Одушевленности выделяется еще одно микрополе: Поле Лица, или Антропонимическое Поле (от греч. слова *anthrōpos* «человек»), сокращенно Антроп. П., к которому относятся средства выражения понятийной сферы, связанной с характеристикой и деятельностью человека в отличие от всех других животных. Остальную часть Микрополя Одушевленности можно было бы назвать Полем Фауны³.

Таким образом, строение всего поля можно представить следующим образом:

ПОЛЕ ОДУШЕВЛЕННОСТИ	ПОЛЕ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ
Поле Фауны Антропонимическое Поле	

² «Грамматика русского языка АН СССР», т. I, стр. 105—106.

³ Термины предложены Б. А. Абрамовым в статье «Синтаксические потенции глагола», НДВШ, «Филологические науки», 1966, № 3 стр. 37; его же. Синтаксические потенции глагола. Автограферат канд. дисс. М., 1968.

Есть еще одна особенность в строении поля. Языковые средства не распределяются равномерно и симметрично по микрополям. Их распределение происходит по принципу сильного и слабого членов оппозиции: сильный член всегда выражает данное значение, в то время как слабый член может выражать и не выражать его⁴. Сильным членом является Поле Одушевленности, а внутри него Антропонимическое Поле, слабым членом — Поле Неодушевленности. Это значит, что существуют специальные средства выражения одушевленности, особенно категории лица, которые не могут функционировать в противоположном микрополе, в то время как большинство средств, относящихся к Микрополю Неодушевленности, не ограничены этим полем, так как могут выражать и те и другие понятия и отношения. Поясним это на примерах: к слабому склонению существительных относятся преимущественно названия существ, следовательно, это языковое средство из Поля Одушевленности. Другие типы склонения семантически неограничены, они могут включать названия существ и предметов, это слабый член. В сущности остальные типы склонения не относятся ни к одному из полей или к обоим полям вместе, они вообще не участвуют в выражении данных отношений.

Другим примером служат личные местоимения: ich, du, wir, ihr, Sie. Они относятся только к Микрополю Одушевленности (в основном к Антропонимическому Полю); er, sie, es могут относиться к обоим полям. Поэтому мы будем рассматривать преимущественно ПОд, располагающее специализированными языковыми средствами, и обращаться к ПНод только в случае четкого противопоставления средств.

Вертикальное сечение ПОд обнаруживает его многослойность:

I. Морфологические средства:

- 1) слабое склонение существительных,
- 2) грамматический род субстантивированных прилагательных и причастий,
- 3) дефектное (неполное) спряжение глаголов,

⁴ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums, Charisteria Gvivelmo Mahtesio ... oblata, Prague, 1932; А. В. Исаенко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 2. Братислава, 1960, стр. 130—132.

4) местоимения личные, вопросительные (wer, was), неопределенные (jemand, niemand, jedermann).

II. Синтаксические средства:

- 1) модель предложения с подлежащим *man*,
- 2) модель предложения с безличным пассивом,
- 3) модель предложения с *accusativus cum infinitivo*,
- 4) модель предложения с абсолютным винительным,
- 5) валентные свойства некоторых слов (прилагательных).

III. Словообразовательные средства: суффиксы, полу-суффиксы, префиксы.

IV. Лексические средства: тематические группы существительных, прилагательных, глаголов.

Мы не будем рассматривать каждое средство в отдельности, а попытаемся показать их взаимодействие.

Наибольшим по объему компонентом поля являются тематические группы слов: существительные, прилагательные, глаголы, но вследствие своего неконечного (открытого) характера в количественном отношении, разнообразия значений и нечеткости границ их нельзя считать ядром поля. Закрытый по числу членов и четкий по семантике класс слов представляют личные местоимения, из которых пять — *ich, du, wir, ihr, Sie* — наделены семой «лицо» (помимо других сем, свойственных каждому местоимению в отдельности, как «автор речи», «адресат речи», «множественность лиц» и др.). При этом нужно оговорить одно условие: имеется в виду типичный для языкового общения случай, когда эти местоимения относятся к участникам акта коммуникации как равноправным в языковом отношении партнерам. Не принимается во внимание обращение человека к животным или к персонифицированным предметам.

Тот факт, что именно эти личные местоимения служат основным показателем персонификации, еще раз доказывает выразительность их семьи «лицо». Например, *Knabe sprach: „Ich breche dich, Röslein auf der Heiden“*. (Goethe)

При соблюдении этого условия указанные личные местоимения могут служить главным диагностирующим признаком отнесения существительных, глаголов и прилагательных к данному полу. Проверка на соотнесенность с *ich, du* (а также *wer*) в парадигме спряжения для глаголов и в модели предложения с именным сказуемым

для существительных и прилагательных служит основным формальным показателем всех лексических компонентов Антроп. Поля (подробнее см. ниже). Поэтому можно считать вышеуказанные личные местоимения доминантой Антроп. Поля. Личные местоимения *er*, *sie*, *es*; *sie* (множественное число) не обладают диагностирующей силой; это слабые (немаркированные) члены. Все остальные компоненты поля выступают как дополнительные формальные признаки лексических компонентов и будут рассмотрены совместно с последними.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ЕГО ЯДРА — АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Обращаясь к так называемым тезаурусам — словарям, построенным по понятийному принципу⁵, мы видим обширные группы слов, относящихся к органической природе, и в частности к сфере «Человек». В словарях все слова приводятся без подразделения на части речи, без семантического или формального анализа. Так, в тематическом русско-болгарском словаре раздел «Человек» разбит на следующие группы: Развитие человека. Происхождение. Жизнь. Общие слова. Рождение. Рост. Возраст. Периодизация возрастов: детский, юношеский, зрелый, старческий. Смерть. Биография. Тело человека. Наружность. Части тела. Двигательная система. Внутренние системы организма. Органы чувств. Психические свойства личности и т. д.

Перечислять все эти группы нецелесообразно, важно выделить наиболее существенные группы и установить, обладают ли они какими-либо внешними формальными показателями в области морфологии, синтаксиса и словообразования. Поэтому целесообразно рассматривать их по частям речи.

⁵ D. Sanders. Deutscher Sprachschatz geordnet nach Begriffen, Bd. 1, 2, Hamburg 1873—1877; Fr. Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin 1955. К. Бабов, А. Въргулев. Тематичен руско-български речник, София, 1961.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ КАК КОМПОНЕНТ ПОД (АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ)

Будем считать непосредственными выразителями одушевленности только существительные — названия живых существ, а косвенными выразителями одушевленности существительные, называющие части тела и органы существ, психические и физические признаки человека и животных, понятия, связанные с деятельностью живых существ, в частности человека (*Mut, Verstand, Philosophie, Berguf, etc.*).

Если ограничиться Антропонимическим Полем, то можно указать на некоторые основные тематические группы существительных, которые распределяются по трем основным классам имен: имена нарицательные, личные и собираательные.

Среди имен нарицательных выделяются наиболее общие названия: *der Mensch, das Weib, die Frau, der Mann, das Kind, der Knabe, der Junge, das Mädchen, die Göre*.

В этой группе только слово *der Mensch* обладает одной семьей «человек», остальные слова присоединяют к этой семе семьи, указывающие на половые и возрастные различия, а некоторые слова содержат стилистико-эмоциональную окраску. Так, значение слова *die Frau* разлагается на три семьи: «человек», «женский пол», «зрелый возраст», а *das Weib* содержит те же семьи, но отличается по своему оценочному эмоциональному характеру, что ограничивает его использование в разных стилях речи. Аналогичное соотношение существует между словами *Mädchen — Göre*.

Компоненты группы родства *Vater — Mutter, Sohn — Tochter, Onkel — Tante, Neffe — Nichte, Opa — Oma* можно разложить на семьи, отражающие пол, поколение, прямое и косвенное родство. Некоторые слова эмоционально окрашены, например *Opa — Oma*.

Компоненты группы национальной и расовой принадлежности содержат семьи «национальности» и «пола»: *Engländer — Engländerin, Franzose — Französin, Neger — Negerin*.

Семьи «профессии» (или «социальной принадлежности») и «пола» содержат многие компоненты группы профессий: *Schüler — Schülerin, Arbeiter — Arbeiterin, Bauer — Bäuerin*.

Указание на пол может отсутствовать: Minister, Schmied, Vormund.

В группе «положительная и отрицательная характеристика человека» сема «поля» обычно не выявляется: Trotzkopf, Dummkopf, Faulpelz, Freigeist, Genie.

К именам собственным (личным) относятся имена, фамилии людей и клички животных. Имена личные могут переходить из ПОд в ПНод, если они становятся нарицательными: der Diesel, der Ohm; возможен и обратный переход, когда прозвищем, именем человека или животного становится название неодушевленного предмета, например mein Schatz (ср. англ. honey), Hopfenstange, Kratzbürste и другие метафорические переносы.

К именам собирательным относятся: а) названия человеческих коллективов, объединенных по возрастному, социальному, профессиональному или иному признаку: die Jugend в значении «молодежь», das Proletariat, die Arbeiterschaft, die Studentenschaft (см. главу I) (собирательное имя может относиться только к двум лицам: die Eltern);

б) названия больших групп животных: die Herde, das Rudel (см. главу I).

Мы могли бы продолжить перечень тематических групп, но гораздо существеннее выделить их формальные показатели. Таковыми являются:

1) Соотносимость с личными местоимениями, которые служат опознавательным признаком всех существительных Антропонимического Поля. Проверка на соотносимость совершается путем включения слова в позицию предикатива в модели именного предложения с подлежащим ich или du: Du bist Russe (Arbeiter, Vater, Raucher etc.) или путем включения слова в позицию постпозитивного приложения при местоимениях ich, du: Ich, Russe (Vater, Arbeiter, Raucher)...

2) Соотносимость с местоимением wer? Проверкой служит подстановка вместо вопросительного wer? в ответном предложении любого существительного из указанных групп: Wer ist dieser Mann? Er ist Russe (Vater, Raucher).

Остальные формальные признаки распространяются не на все слова ПОд (Антропонимического Поля) и поэтому не столь надежны.

3) Принадлежность к слабому склонению распространяется на ограниченную группу слов ПОд, к которым относится около двадцати слов из поля фауны (Affe, Aar, Bär, Bulle, Drache, Fink, Falke, Hase, Löwe, Ochs, Rabe, Rappe, Spatz и др.) и все остальные слова из Антропонимического Поля.

Список Г. Пауля⁶ содержит 60 антропонимов — немецких слов, но Пауль не перечисляет все названия национальностей, оканчивающиеся на -e, как: Russe, Franzose, Chinesen, Däne, Schwede. Кроме того, к слабому склонению относятся иностранные слова, оканчивающиеся на -e: Invalid, Rivale, Matrose, Sklave, Strateg⁷, и интернациональные слова с суффиксами: -ent, -ant, -ist, -arch, -agoge, -krat, -loge, -nom, -soph, -graph, -et, -at, -ard, -ot: Student, Aspirant, Pianist, Monarch, Pädagoge, Demokrat, Philologe, Astronom, Philosoph, Photograph, Prolet, Soldat, Kommunard, Patriot.

Очень немногие из этих слов, как Elefant, Leopard, относятся к Полю Фауны, отдельные слова относятся к ПНод: der Komet, Planet.

Можно предположить, что общее число слов слабого склонения равно приблизительно 300—350. За некоторыми исключениями, они принадлежат ПОд, в основном Антропонимическому Полю. Признаком принадлежности к слабому склонению служит не только словообразовательная форма, но и мужской род. Существительные с теми же суффиксами, но среднего рода склоняются по сильному склонению: das Dokument, Transparent, Plakat, Plagiat, Butan.

Однако если учесть все субстантивированные прилагательные и причастия мужского рода, которые могут относиться к слабому склонению (der Kranke, der Vorsitzende, Gelehrte, Verwandte etc.), то численность этой группы не поддается учету.

Остальные существительные Антропонимического Поля не определяются по типу склонения⁸.

4) Грамматический род, определяемый по артиклю, не может служить надежным показателем того или другого поля, так как любое существительное в немецком

⁶ H. Paul. Deutsche Grammatik, Bd. 2. Halle 1965, S. 33—34.

⁷ Der Große Duden, S. 187—188.

⁸ В древнегерманских языках особый тип склонения составляли имена родства с индоевропейским суффиксом -ter.

языке имеет род, а многие слова из ПОд вопреки значению мужского или женского пола снабжены приметой среднего рода: *das Weib*, *Mädchen*, *Fräulein*, *Weibchen*, *Männchen*, *Mariechen*⁹.

Но при субстантивации прилагательных и причастий мужской и женский род, как правило, сигнализируют о ПОд, а средний род обозначает абстрактные понятия из ПНод:

der Alte, die Alte — das Alte

der Kranke, die Kranke — das Kranke

der Schwarze, die Schwarze — das Schwarze

der Kommende, die Kommende — das Kommende

Иключение составляет употребление среднего рода со значением ласкательным, уменьшительным по отношению к женщинам, детям: *Mein Liebes*, *mein Kleines*.

Женский род субстантивированных прилагательных из ПНод возможен только в том случае, если это прилагательное употребляется вместо целого словосочетания с опущенным существительным: *die Rechte* (*die rechte Hand*), *die Gerade* (*die gerade Linie*), *die Elektrische* (*die elektrische Straßenbahn*).

Грамматический род в сочетании с типом склонения, как мы видели выше, или с словообразовательными приметами может характеризовать имена из ПОд. Переходим к рассмотрению словообразовательных признаков существительных из ПОд.

К словообразовательным признакам существительных из ПОд относятся суффиксы, префиксы, полусуффиксы (см. ниже), с помощью которых образуются названия лиц и животных. При поддержке грамматического рода они диагностируют существительные ПОд. Однозначным суффиксом является только *-in*, несущий в себе сему «женский пол» и всегда связанный с женским родом: *die Schülerin*, *Studentin*, *Wölfin*.

Менее определены в семантическом отношении и в отношении рода другие суффиксы. Все иностранные суффиксы, присущие словам слабого склонения (см. выше), + суффиксы *-ier*, *-eurg* (*ieur*), *-or* образуют названия лиц в форме мужского рода: *Pionier*, *Kurier*, *Ingenieur*, *Kommandeur*, *Doktor*, *Rektor*, *Professor*.

⁹ В. Е. Ярнатовская. К вопросу о категории одушевленности в современном немецком языке. «Ученые записки Горьковского ГПИИЯ», вып. XI, 1959.

Средний род указывает на принадлежность слова к ПНод: *das Plagiat, Plakat, Transparent*. Лишь единичные слова мужского рода не относятся к ПОд:

der Traktor, Motor, Regulator, Totalisator, Katalysator,

der Likör, der Brillant, Konsonant, Foliant.

В случае многозначности слов, образованных с помощью одинакового словаобразовательного средства, говорят о «нишах», заполняемых словами с одним значением¹⁰. Так, слова *Doktor, Rektor, Professor, Kalfaktor* etc. составляют «нишу» названий лиц по профессии или должности, а слова *Traktor, Motor, Regulator, Katalysator* составляют «нишу» названий орудий. Несколько «ниш» образуют слова с суффиксом **-er** и его вариантами **-ler, -ner, -(i)aner**. Наиболее многочисленны «ниши» антропонимов, которые включают названия лиц по профессии, должности, топонимическому признаку, вероисповеданию, убеждениям и пр.: *Lehrer, Arbeiter, Raucher, Engländer, Londoner, Lutheraner, Hegelianer*.

Тот же суффикс образует «нишу» названий орудий: *Bohrer, Messer, Wecker*, «нишу» абстрактных существительных: *Seufzer, Schluchzer* и др.

Антропонимическую «нишу» образует также в одном из своих значений суффикс **-ling**: *der Jüngling, Säugling, Fremdling, Liebling, Feigling, Weichling, Eindringling*¹¹. Как ясно из примеров, многие слова с этим суффиксом имеют отрицательное оценочное значение.

Вторая «ниша» с этим суффиксом относится к Полю Фауны: *Sperling, Schmetterling...* Очень немногие слова с суффиксом **-ling** не относятся к ПОд, они настолько разрознены, что не образуют ниши: *Frühling, Fäustling*.

Суффиксы **-rich, -bold, -ian** непродуктивны, но зато однозначны. Все они относятся только к ПОд. Из них суффикс **-rich** образует две ниши: нишу антропонимов,

¹⁰ Термин «ниша» введен К. Балдингером, употребляется Л. Вейсгербером и его последователями. К. Baldinger. Kollektivsuffixe und Kollektivbegriff. Ein Beitrag zur Bedeutungslehre im Französischen mit Berücksichtigung der Mundarten. Berlin 1950. L. Weisgerber. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf 1962. М. Д. Степанова. Словообразование, ориентированное на содержание, и некоторые вопросы анализа лексики. «Вопросы языкоznания», 1966, № 6.

¹¹ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.

к которым относятся собственные имена Heinrich, Dietrich, Friedrich, и названия лиц Wüterich, Fähnrich, и нишу из Поля Фауны — обозначения самцов: Enterich, Täuberich, Gänserich (Ente, Taube, Gans).

Суффиксы **-bold**, **-ian** образуют антропонимы с экспрессивной окраской осуждения, насмешки: Raufbold, Saufbold, Witzbold, Grobian, Schlendrian.

Антропонимы образуются также путем сочетания со вторым компонентом **-mann**, **-meister**, **-frau**, **-mädchen**, **-dame**, **-fräulein**, а также распространенными в Германии собственными именами **-fritz(-e)**, **-peter**, **-liese**, **-hans**, **-trine**, **-hannes**, **-michel**, **-meier**, etc.

Некоторые исследователи называют подобные вторые компоненты полусуффиксами ¹².

Полусуффиксы Антропонимического Поля образуют названия профессий, вида деятельности или социального (семейного) положения, полусуффиксы — имена собственные — передают характеристику человека с ярко выраженной эмоциональной окраской:

- (a) See-, Steuer-, Haupt-, Arbeits-, Berg-, Kauf-, Ehemann; Haus-, Wasch-, Putz-, Kinder-, Ehefrau; Stuben-, Dienstmädchen; Vorführdame, Kanzleifräulein;
(b) Prahfhans, Saufhans, Plauderhans, Faulpeter, Lügenter, Heulpeter; Heulsuse, Heultrine, Tränenlese, Heulmeier; Lachfritz, Lachmarie, Lachmichel, Lachtrine; Gemüsefritze, Seifenfritze, Zigarettenfritze
(продавец овощей, мыла, папирос).

Среди префиксов имеется лишь один **erz-**, образующий антропонимы: Erzfeind, Erzgauner, Erzbischof. Префикс **erz-** выполняет усилительную функцию.

Глаголы как компонент ПО_д

Значение глаголов может служить косвенным указанием на принадлежность к ПОд. Имеются тематические группы глаголов, относящиеся к сфере действий существ или уже — человека. Это глаголы мышления: denken, überlegen, feststellen, sich erinnern, meinen,

¹² М. Д. Степанова. Указ. соч., Г. В. Чекунаева. Семантическая группа имен деятеля (лица) в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., 1964; М. Андричичиша, Bummelfritze — Bummelliese. „Sprachpflege“, 1967, N. 2.

glauben; чувств: bemitleiden, verehren, verachten; высказывания: sprechen, fragen, antworten, erzählen; различных видов деятельности: schreiben, lesen, weinen, lachen.

Более широкий диапазон в рамках всего ПОд имеют глаголы lieben, hassen, trinken, essen, schlafen; глаголы восприятия: sehen, hören, schmecken, fühlen и. а.

Некоторые глаголы содержат более конкретную информацию о животных, совершающих данное действие, например, grasen, äsen «пастись» — о травоядных животных, laichen «метать икру» — о рыбах, miauen — о кошках, bellen — о собаках, волках, лисах, wiehern — о лошадях, ослах, gackern — о курах и др.

Глаголы Антропонимического Поля обладают некоторыми формальными показателями.

Это глаголы с полной парадигмой спряжения по лицам. Они сочетаются с местоимениями всех трех лиц единственного и множественного числа. Только эти глаголы могут употребляться в двух синтаксических моделях: в модели с подлежащим *man*: *man denkt, tanzt, spricht, liest* etc., и в модели с безличным пассивом: *es wird getanzt, gesprochen, gelesen*.

Глаголы Поля Фауны в своем основном значении не сочетаются с теми личными местоимениями, которые диагностируют Антропонимическое Поле. Такое употребление возможно только в сказках или в переносном смысле (*ich grase, äse; ich belle* может означать «лающий» кашель). Эти глаголы неупотребительны и в вышеуказанных двух синтаксических моделях: **es wird gebellt* или *man bellt*.

Некоторые синтаксические конструкции характерны для всего ПОд.

Одна из групп глаголов ПОд образует синтаксическую конструкцию, так называемый *accusativus cum infinitivo*: *sehen, hören, fühlen, finden* (аккузатив + инфинитив).

В предложении с этой конструкцией подлежащим может быть только существительное из ПОд (или местоимение).

Die Mutter sah (hörte) ihre Kinder im Hof spielen.

Sie fühlt das Blut, leise in ihren Ohren singen. (H. Fal-lada — Wolf unter Wölfen)

К этой конструкции примыкает конструкция *haben + Akk. + Adv. d. Ortes + Verb*, которая также относится к подлежащему-лицу:

Der Herr hatte ganze Stöße von Jetons vor sich liegen.
(Ebenda)

Конструкция «абсолютный аккузатив» может быть включена только в такое предложение, где подлежащее и сказуемое относятся к ПОд. В самой конструкции одним из компонентов должно быть название части тела, одежды или близко связанного с ними понятия (Blick): Ein Jüngling schlendert hinab über die abendlichen Felder, die Pfeife im Mund, die Hände in den Hosentaschen... (M. Frisch — Die Schwierigen)

Если обратиться к Полю Неодушевленности, то можно указать на группы глаголов из ПНод, например глаголы, обозначающие явления природы: regnen, schneien, dunkeln, dämmern, bewölken, sich buschen, grünen, blauen, welken. „Täler grünen, Hügel schwelten, buschen sich zur Schattenruh.“ (Goethe)

Глаголы, несущие информацию о движении жидкостей или газов: strömen, fließen, rinnen, sickern, tropfen, verrauchen, verdampfen (также в переносном смысле).

Sterne sickern durch laublosen Wald. (M. Frisch — Die Schwierigen)

Глаголы, обозначающие события, совершающиеся независимо от человека: sich ereignen, geschehen, erfolgen, passieren, glücken, mißglücken.

Эти глаголы характеризуются дефектной (неполной) парадигмой спряжения — они несовместимы с личными местоимениями ich, du, wir, ihr, Sie — и имеют лишь форму 3-го лица единственного или множественного числа. Чрезвычайно ограничено синтаксическое употребление указанных глаголов, часть из них выступает преимущественно в модели безличного предложения с подлежащим es: es regnet, schneit, taut, dämmert, etc. (кроме случаев переносного употребления)¹³, остальные — с узким кругом подлежащих: Der Vorfall (die Geschichte, der Unglücksfall, die Begebenheit, die Katastrophe) hat sich ereignet. Der Himmel ist bewölkt.

Недопустимы данные глаголы в модели с man и в безличном пассиве, в предложениях, включающих конструкции абсолютный аккузатив и аккузатив + инфинитив.

¹³ Можно сказать: Schläge hageln, Konfetti regnen, Daunenfedern schneien (Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, S. 426).

Кроме тематических групп, существуют отдельные глаголы с ограниченной сочетаемостью; так, *stattfinden* сочетается с *Versammlung*, *Sitzung*, *Unterredung*, *Tanzabend*, *Konzert*, *Aufführung* и др. названиями мероприятий; глагол *tagen* сочетается с *Konferenz*, *Kongreß*. Эти глаголы, также как глаголы *gelingen*, *mißlingen*, косвенно указывают на деятельность человека (животного), но не сочетаются с существительными ПОд: *Der Versuch ist gelungen* (*mißlungen*).

Прилагательные как компонент ПОд

Прилагательные, к которым мы относим и «псевдо-причастия»¹⁴ типа *befrackt*, подобно глаголам, косвенно указывают на принадлежность к ПОд, определяя признаки существ. Сюда относятся тематические группы, обозначающие:

черты характера человека или животного: *gutmütig*, *böse*, *zornig*, *launisch*, *zärtlich*, *gesprächig*, *lustig*;

душевное состояние: *glücklich*, *überrascht*, *entzückt*, *empört*;

физические свойства: *lebendig*, *tot*, *helläugig*, *blind*, *taub*, *stumm*; *bezopft*, *befrackt*, *beschuhrt*, *bebrillt*.

Согласно своему значению данные прилагательные сочетаются с существительными того же поля (см. стр. 137 и др.) или с представителями последних — местоимениями 1, 2-го л.

Существуют тематические группы прилагательных и в ПНод, обозначающие, например, материал: *hölzern*, *golden*, *eisern*; свойства предметов: *luftleer*, *waschecht*, *feuerfest*, *bügelfrei*; явления природы: *regnerisch*, *winterlich*, *neblig*, *belaubt*, *bewaldet*, *bergig*, *hügelig*, *felsig*.

При переносном (метафорическом) употреблении слов возможности семантического согласования¹⁵ неограниченно расширяются, и лексические компоненты противоположных полей могут соединяться:

¹⁴ Псевдопричастиями называются формы, образованные по модели причастия II при отсутствии соответствующего инфинитива.

¹⁵ О семантическом согласовании см.: E. L e i s i. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. Heidelberg 1961. Семантическое согласование слов определяется их значением и законами данного языка.

Er (der Zinnsoldat) weinte Blech. (Andersen)
Der Himmel weinte; die Sonne lachte; böser Wind; lustige Welle; Lachen und Weinen gehen Arm in Arm.
(M. Frisch — Die Schwierigen)

Большой интерес представляют случаи, когда, помимо семантического согласования, действует принцип избирательности данного языка, согласно которому за определенными прилагательными закрепляются определенные валентные связи, подчиненные не только значению слов, но и требованию самой языковой системы.

Например, прилагательные *alt* и *bejaht*, *betagt* можно считать синонимами, но *alt* сочетается с любым существительным (*Buch*, *Haus*, *Sitte*, *Lehre*, *Hund*, *Mensch*), а *bejaht* и *betagt* только с существительными Антропонимического Поля. Это же относится к прилагательным *hell* и *blond*, *dunkel* и *brünett*. *Blond* и *brünett* сочетаются только со словами *Haar*, *Zopf*, *Scheitel* и существительными Антропонимического Поля¹⁶ (ср. переносное значение: *ein blondes Gift* = *eine verführerische Frau*). Иногда *blond* употребляют в сочетании со словами *Bier*, *Semmel*¹⁷.

В переносном значении возможно сочетание *blonde Kornfelder* (M. Frisch — Die Schwierigen).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под и его центр — Антропонимическое Поле — состоят из большого числа конституентов различных уровней. Наибольший по объему конституент — лексические группы слов (существительные, глаголы, прилагательные) — пронизан грамматическими показателями: морфологическими (особый вид склонения, полная парадигма спряжения), синтаксическими (соотносимость с определенными местоимениями, участие в определенных моделях предложений, валентные свойства) и словообразовательными (образование с помощью определенных аффиксов и полусуффиксов). Таким образом, лексические

¹⁶ Аналогичное явление наблюдается в русском языке: *карие глаза* (ср. свободную сочетаемость слова «коричневый»), *русые волосы*, *седые волосы*, *седой человек*.

¹⁷ Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, S. 417.

компоненты предстают как грамматически организованное средство, не образуя, однако, грамматической категории ввиду разнородности грамматических показателей и их неуниверсальности. Определяющим признаком всех слов Антропонимического Поля являются личные местоимения. Проверкой на сочетаемость с ними устанавливается принадлежность слов к данному полю. Поэтому личные местоимения можно считать доминантой Антропонимического Поля. Персонификация осуществляется с их помощью.

ПНод характеризуется как слабый или отрицательный член оппозиции: «одушевленность — неодушевленность». Его грамматические показатели в основном отрицательные: слова этого поля не соотносятся с местоимениями *ich*, *du*, *wir*, *ihr*, *Sie* (*wer*, *jedermann*, *jemand*, *niemand*), не относятся к слабому склонению, не участвуют в модели с *теп*, не образуют безличного пассива, имеют дефектное спряжение. Положительными показателями являются соотношение с местоимениями *was?* (кроме вопроса о специальности: *Was ist Ihr Vater?*), *etwas*, *nichts*, некоторые словообразовательные признаки (например, полусуффикс *-zeug*, суффиксы названий абстрактных понятий *-tion*, *-heit*, *-keit*, *-ug*, *-schaft*, etc.) и связь с местоименными наречиями: *worauf* (*darauf*), *womit* (*damit*).

Последние соотносятся только с именами неодушевленными (кроме *darunter*) в отличие от раздельных сочетаний, которые могут соотноситься и с одушевленными, и с неодушевленными именами.

Cp.: *Worauf warten Sie? Auf den Bus.*

Auf wen warten Sie? Auf meine Freundin.

— *Ich dachte gerade über etwas nach.*

— *Und über was dachten Sie? (worüber)*

(H. Fallada — *Wolf unter Wölfen*)

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ V

1. Виноградов В. В. *Русский язык*, 1947.

2. Зализняк А. А. Грамматические категории рода и одушевленности в русском языке. „Вопросы языкоznания“, 1964, № 4.

3. Мурясов Р. З. Категория одушевленности в системе словообразования современного немецкого языка. «Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза», т. 46. М., 1968.

4. Мурясов Р. З. Слабое склонение имен существительных как средство выражения одушевленности. Там же.
5. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка, М., 1953.
6. Чекунаева Г. В. Семантическая группа имен деятеля (лица) в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. М., 1964.
7. Ярнатовская В. Е. К вопросу о категории одушевленности в современном немецком языке. „Ученые записки Горьковского ГПИИЯ“, выпуск XI, 1959.
1. Andrijuschchina M. Bummelfritze — Bummel, liese, „Sprachpflege“, 1967, N. 2.
2. Isacek A. Die russische Sprache der Gegenwart, T. 1, Formenlehre, Halle (Saale) 1962.

УКАЗАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ (ПОЛЕ УКАЗАНИЯ)

In den vergangenen Jahren war ich oft in einem Haus, das „Der Bienenstock“ heißt. Es liegt nach der Straßenseite so kahl, so verschlossen da wie manches Haus in südlichen Städten. Sein reiches und buntes Leben spielt sich im Innern ab; man sieht es nur durch die Fenster funkeln, die auf seinen kleinen Garten gehen: ein Viereck Rasen, mit einem einzelnen Baum. Als ich das erstemal in das Haus kam, gefiel es mir darin augenblicklich so gut, als hätte ich dort schon lange gelebt.

Ich kann in diesem Jahr nicht in das Haus gehen, das der Bienenstock heißt. Es wird bald Herbst. Jetzt liegt dort auf dem kleinen Baum ein Schimmer, der bis in die Winkel des Hauses dringt. Bewegt der Baum seine Zweige, dann ist es, als raschele das Sonnenlicht. Es gibt Schufte, die diesen Baum suchen, den Treffpunkt zwischen Norden und Süden, Osten und Westen. Sie würden ihn abhauen, wenn sie ihn fänden. Sie kennen aber nicht einmal die Straße, und „Bienenstock“ heißen dort viele Häuser. Ich will hier ein paar Geschichten aufschreiben, die ich dort gehört habe.

(A. Seghers — Der Bienenstock, Bd. I)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКАЗАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ (УП)

Вышеприведенный текст наглядно показывает функционирование средств, образующих Указательное Поле¹. На первый взгляд их роль в языке может показаться незаметной. В том, что это не так, может убедиться каждый, если предпримет попытку вычеркнуть из текста отмеченные стрелкой слова.

В состав Указательного Поля входят следующие языковые средства:

I. Доминанта — указательные местоимения *das* (*der*, *die*); *dieser/jener*, а также наречия указательного корня, именуемые в лингвистической литературе ситуативными (*Situativa*), все остальные указательные местоимения, личное местоимение 3-го лица. Эти конституенты образуют ядро УП.

II. К ядру поля примыкают: 1) артикль; 2) частицы типа *so*, 3) вопросительно-относительные местоимения и вопросительные наречия, 4) союзы-наречия, сочинительные и подчинительные союзы; 5) притяжательные местоимения и личные местоимения 1-го и 2-го лица; 6) неопределенные местоимения, а также существительные, выполняющие местоименную функцию, т. е. подвергнувшиеся прономинализации, типа *das Ding*, *die Sache*². Степень близости к ядру прочих конституентов оказывается различной и определяется степенью проявления указательной функции. Особое место в УП занимают местоименные наречия благодаря их полифункциональности: как будет показано дальше, они то входят в ядро УП, то оказываются на его периферии. УП не членится на микрополя.

¹ Учение о двух полях в языке и идея выделения Указательного Поля (*Zeigefeld*) в его противопоставлении Полю Символов (*Symbolfeld*) принадлежит Карлу Бюлеру. Вслед за Карлом Бругманном Бюлер объединял местоимения и наречия указательного характера, при этом он расширил состав Указательного Поля, включив в него и союзы (K. B ü h l e r. *Sprachtheorie*. Жена 1934).

² Об аналогичном явлении в русском языке см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1958, стр. 91; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 499; В. В. Виноградов. Современный русский язык. М.—Л., 1947, стр. 325; см. также: О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 87.

Особенность УП заключается в том, что почти все его конституенты (за исключением артикля) — единицы лексического уровня, однако в своем подавляющем большинстве это не слова-названия, а выразители отношений. Таким образом, если произвести сечение УП по вертикали, то бросается в глаза лексическая однородность его средств. В морфологическом отношении конституенты УП неоднородны: в инвентарь УП входят, как мы видели, разные части речи.

Конституенты УП выполняют функции различных членов предложения, кроме артикля и союзов. Однако по своим синтаксическим функциям наречия принципиально отличаются от местоимений. Наречия выполняют присущую им функцию обстоятельства (места, времени), а местоимения выступают то в роли существительных (*Pronomina Substantiva*), то в роли прилагательных (*Pronomina Adjektiva*) и соответственно функционируют как различные члены предложения.

Местоимения отличаются как от существительных, так и от прилагательных своей сочетаемостью. Местоимения-существительные ограничены в своей сочетаемости, редко выступая в отличие от существительных стержневым словом словосочетания: *niemand von uns; keiner von den Studenten; wer von Ihnen?; wir Glückliche*.

Особой продуктивностью отличаются лишь сочетания «неопределенное местоимение + абстрактное субстантивированное прилагательное»: *alles Gute, nichts (etwas) Gutes*. Местоимения-прилагательные благодаря своему весьма общему значению обладают неограниченной семантической сочетаемостью с именами существительными: *dieser Mut (Mensch, Löwe, Tisch, Baum, Stein, Satz, Wald...); seine Klugheit (Familie, Heimat, Liebe, Wohnung...)*

Сами же местоимения сочетаются друг с другом редко. Например: *dieser ihr kleiner Sohn, dieses sein bescheidenes Institut (L. Feuchtwanger)*.

Все конституенты УП объединены общей грамматической функцией указания. Следовательно, УП в отличие от других полей выделяется на основе функционального признака. Указательная функция заключается в выделении предмета (предмета в самом широком смысле слова, включая понятие, целое высказывание), а также в обобщении его при наличии определенного контекста.

(письменного или устного) или ситуации как экстралингвистического фактора. Указательная функция может быть охарактеризована лишь в самом общем виде, поскольку она неоднородна и реализуется в виде трех функций: 1) анафорической и связанной с ней функцией замещения; 2) коррелятивной; 3) функцией непосредственного указания.

Выполняя анафорическую функцию, слова УП как бы осуществляют указание «назад». Они связывают предмет высказывания, а иногда и само высказывание с предыдущим. Слова УП выходят часто за пределы микроконтекста (цельного предложения), сфера их действия распространяется и на макроконтекст (абзац, глава). Так, в приведенном выше тексте все слова, обозначенные знаком ←, выполняют анафорическую функцию как внутри микро-, так и внутри макроконтекста. Употребленные во втором абзаце конституенты УП — *das Haus, auf dem kleinen Baum, der Baum, diesen Baum, dort*, направлены на первый абзац и осуществляют связь между ними.

С анафорической функцией тесно связана функция замещения, вернее, последняя является производной от первой. Некоторые лингвисты, например А. А. Реформатский, считают эту функцию ведущей. А. А. Реформатский образно сравнивает местоимения с бумажной валютой, функционирующей ради удобства вместо золотого фонда — знаменательных слов³.

Использование местоимений в функции замещения можно связать с тенденцией языка к экономии языковых средств.

Sein Vater, Militärarzt wie der Schillers, ist adliger Abstammung, seine Mutter aus Bauernblut... (St. Zweig — Drei Meister)

В этом использовании встречаются также местоимения *solcher* и *derjenige*, последнее, как правило, выполняет коррелятивную функцию. Коррелятивная функция действует в пределах микроконтекста (сложноподчиненного предложения или предложения с инфинитивным оборотом). Выполняя коррелятивную функцию, конституенты УП осуществляют указание как «вперед», так и

³ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1967, стр. 70—71.

«назад». В первом случае коррелятивная функция оказывается прогрессивной. В основном тексте конституенты УП, выполняющие прогрессивную коррелятивную функцию, отмечены знаком →. Приводим еще один пример с местоимением *derjenige*, которое специализируется на выполнении прогрессивной коррелятивной функции.

...aber diejenigen Stunden am Tage, die er nicht im Klub verbrachte, suchte er doch auf verschiedene Weise auszufüllen... (Th. Mann — Buddenbrooks)

В пределах сложноподчиненного предложения коррелятивная функция также может выражать указание назад. В этом случае коррелятивная функция оказывается регрессивной и напоминает анафорическую. Ее отличие от анафорической заключается в том, что конституент УП, помещенный в главном предложении, осуществляет особо тесную связь с придаточным предложением и подчеркивает взаимосвязь главного и придаточного предложения.

Wer seine Wahrheit verkauft, für den gibt es bald keine Freude mehr. (G. Weisenborn — Der dritte Blick)

В то время как прогрессивная коррелятивная функция предполагает постпозицию или интерпозицию придаточного предложения, регрессивная коррелятивная функция осуществляется в случае препозиции придаточного предложения.

Одно и то же слово УП может выполнять одновременно анафорическую и коррелятивную функцию.

Alle Mädchen riefen miteinander: „Das ist das Realgymnasium! Das ist die Unterprima!“ Ob diese Klasse, die wie wir ihren Ausflug machte, hier bei der nächsten Dampferstation halten würde? (A. Seghers — Bienenstock)

Функция непосредственного указания реализуется на фоне экстралингвистической ситуации, иногда при помощи жеста: *Gib mir dieses Buch!* или *komm her!* Функция непосредственного указания обычно выступает в устной речи. В основном тексте конституенты, выполняющие функцию непосредственного указания, отмечены знаком ——.

Указательная функция свободно выполняется всеми конституентами УП благодаря особенности их смысловой структуры, благодаря присущей им синсемантии.

Под синсемантней языковой единицы понимается ее способность выражать значение лишь в сочетании с другими языковыми единицами на фоне контекста или си-

туации. Синсемантия выявляется в противопоставлении ее автосемантии, это понятие полярное автосемантии. Под автосемантией языковой единицы понимается способность языковых единиц выражать значение вне зависимости от других языковых единиц, контекста или ситуации⁴.

Синсемантия конституентов УП тесно связана еще с одной особенностью этих слов. Подобно всем лексическим единицам слова УП обладают смысловой структурой или объемом значений, которые членятся на семы. Если слова-названия отличаются сложной смысловой структурой, то слова УП отличаются бедным набором сем⁵.

Можно высказать предположение, что богатство сем обратно пропорционально степени синсемантии. Связано это и с емкостью местоимений. Отмечая общий характер местоимений, В. И. Ленин пишет:

«Это?» Самое общее слово.)

Кто это? Я. Все люди я...

«Этот??» Всякий есть «этот»⁶.

ДОМИНАНТЫ УП **das (der, die), dieser (jener)**

Отношения между конституентами УП определяются 1) близостью сем; 2) различием сем; 3) совпадением функций; 4) различием функций. Наряду с указательной функцией, которая для слов ядра УП является ведущей, конституенты УП выполняют и другие функции, которые будут раскрыты в дальнейшем изложении.

Функция непосредственного указания выполняется прежде всего местоимением среднего рода *das*, значительно реже его синонимом *diese*s и усеченным вариантом *dies*, а также местоимением *es*. Общий характер этих местоимений проявляется в том, что они указывают на одушевленные лица, предметы любого рода, абстрактные понятия, а также на целые высказывания:

⁴ Об автосемантии и синсемантии см.: Е. В. Гулыга. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова. НДВШ «Филологические науки», 1967, № 2.

⁵ И. Эрбен характеризует местоимения как формальные слова, бедные содержанием (*inhaltssarme Formwörter*) (J. Eggenp. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin 1964, S. 192).

⁶ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1947, стр. 258.

Es waren jene betörenden Vergißmeinnichtaugen, die Fabian einst zu lyrischen Ergüssen begeistert hatten. Das war nun schon viele Jahre her. (B. Kellermann — Totentanz)

Das выполняет анафорическую функцию.

Dieses ist ein Mann, der alles, was er besaß, verlor. (B. Kellermann — Ingeborg)

Указательный характер das (dieses, dies) безусловно ярче, чем у местоимения es. Das обычно находится под ударением.

Hans ist im Grunde ein guter Kerl — ich weiß das, denn ich habe mich oft mit ihm unterhalten. (K. Mann — Mephisto)

Если заменить das местоимением es, то es будет звучать менее выразительно.

В данном случае das выполняет анафорическую функцию. Но и при коррелятивной функции указательность es бледнее, чем das, поскольку es выполняет одновременно структурную функцию в оформлении двусоставного предложения, а также и главного предложения.

При выполнении коррелятивной функции das и es далеко не всегда взаимозаменяемы. Das употребляется в главном предложении, если придаточное вводится при помощи was, раскрывающем содержание коррелята:

Auf dem weißen Tisch lag das, was vor ein paar Stunden noch Hoffnung, Atem, Schmerz und zitterndes Leben gewesen war. (E. M. Remarque — Arc de Triomphe)

Diese Briefe waren für einen das, was Gebete für Leute sind, die die Verzweiflung beschwören. (B. Kellermann — Yerster und Li)

Сравним:

Und diese Briefe waren es ja, die in der letzten Zeit seinen Gemütszustand so sehr beeinflußten. (B. Kellermann — Schwedenklees Erlebnis)

Придаточное предложение характеризует предмет.

Указательные местоимения мужского и женского рода der, die также выполняют коррелятивную функцию, выступая синонимом derjenige:

Sie aber, weil sie die ist, die sie ist, behandelt jetzt deine Kinder wie ihre eigenen. (A. Seghers — Bienenstock)

Aber auch er wäre nicht der, als den wir ihn kennen, ohne Dich! (Zum 60. Geburtstag an Lilly Becher)

Сравним:

Und Klaus Heinrich war nicht derjenige, der nie veranlaßt hätte, diese Verpflichtung außer acht zu lassen. (Th. Mann — Königliche Hoheit)

Выражая чистое указание, местоимения der и derjenige взаимозаменямы.

Если формы der, die, das употребляются с существительным, то их принято считать формами артикля. В ряде случаев артикль также выполняет указательную функцию, приближаясь к местоимениям dieser, derjenige и jener.

При выполнении артиклем анафорической функции (das Haus, der Baum в основном тексте) он может быть заменен местоимением dieser. Возможна и обратная замена. В следующем тексте вместо местоимения dieser мог бы стоять определенный артикль:

Über seinen rund geöffneten, wimperlosen, hellen Augen hing ein Nebel. Eben dieser Nebel machte den ganzen Mann unangreifbar. (Kl. Mann — Symphonie Pathétique) После замены:

Eben der Nebel.

При выполнении артиклем коррелятивной функции он может стоять под ударением и свободно заменяется местоимениями derjenige и jener:

Es war nicht das weiße Landhaus, von dem Martin geträumt hatte... (L. Frank — Die Jünger Jesu)

Sie hatte aus mir den Menschen gemacht, der ich immer gern sein wollte... (Johannes R. Becher — Drei-mal bebende Erde)

Возможно: denjenigen (jenen) Menschen, а также: den, denjenigen, jenen.

Функция указания у артикля оказывается менее выразительной, чем у местоимений. Это объясняется тем, что если у местоимения der указательная функция является единственной и представлена в наиболее чистом виде, то артикль der многофункционален и указательная функция является лишь одной из его функций.

Сравним также употребление артикля der и местоимения dieser в одном тексте:

Sie schwiegen beide eine Weile und blickten auf das Wasser. Dann aber horchte er ganz erschüttert, denn der Ton, den er vor einer Woche vernommen, dieser leise nachdenkliche und sanfte Ton berührte ihn wieder... (Th. Mann — Erzählungen)

Доминанты dieser и jener, совпадая по характеру указательной функции, контрастны по семам «нахождение вблизи, близкое», «нахождение вдали, далекое». Близость и дальность определяется по отношению к говорящему, иногда к персонажу, иногда к предмету речи.

Близкое и далекое понимается как в местном значении, так и во временном (см. противопоставление в основном тексте: *in den vergangenen Jahren* — *in diesem Jahr*):

Herzlich befreundet war ich zu jener Zeit mit zwei jungen Leuten aus dem Jugendkreise meiner Schwestern... (Th. Mann — *Lebensabriß*)

Dieser и jener могут относиться к одному и тому же предмету высказывания.

Однако использование того или иного местоимения семантически обусловлено: предмет подается как более близкий или более далекий. Взаимозамена возможна, однако угол зрения (Sehweise) при этом изменится.

Das Atelier des verscholienen Stiller — wie Frau Sibylle, die Gattin meines Staatsanwaltes, es schildert — muß ein großer, lichter Raum gewesen sein... Ihre Schätzung: zehn auf fünfzehn Meter! dürfte übertrieben sein, wie genau Sibylle sich im übrigen an dieses Atelier scheint erinnern zu können. (Max Frisch — *Stiller*)

Студия скульптора представлена знакомой и близкой героине.

Jedenfalls hat man den Eindruck, sie erinnere sich trotz allem nicht ungern an jenes Atelier. (Ebenda).

Студия как бы отдаляется. В том же макроконтексте говорящий опять возвращается к месту далеких событий и как бы приближает его к читателю:

Wohin man blickte, hatte man in diesem Atelier das erregende Gefühl jederzeit aufbrechen und ein ganz anderes Leben beginnen zu können, also genau das Gefühl, das Sibylle damals brauchte. (Ebenda)

Dieser и jener могут распределять между собой анафорическую и коррелятивную функции, указывая не один и тот же предмет (лицо, явление), противопоставление «близкое»/«далекое» при этом снимается.

Ich muß dieses Gespräch möglichst schnell zu Ende bringen. Diese Begegnung gehört gerade zu jenen, denen ich nicht gewachsen bin. (Kl. Mann — *Symphonie Pathétique*)

При подобном распределении функций *jener* тяготеет к коррелятивной функции, причем всегда имеется возможность замены местоимениями *der* и *derjenige*. В данном тексте употребление *der* в дативе множественного числа *denen* создало бы тавтологию, а *derjenige* характеризует деловой стиль.

Dieser употребляется также в коррелятивной функции, но обычно при этом с ней сочетается и анафорическая:

Er... befand sich in erwartungsvoll heiterer Stimmung angesichts dieses Tages, aus dessen Dämmerung das große Glück witterleuchtete. (B. Kellermann — *Yester und Li*)

Об этом дне речь шла в макроконтексте.

Семы «близкое» и «далекое» входят в объем значений не только местоимений *dieser/jener*, но и наречий *hier, da/dort* и *jetzt/damals*. Они являются основой для противопоставления этих наречий друг другу:

Und wenn sie wieder dort sitzt?

Sie dort, ich hier. (M. Frisch — *Stiller*)

Natürlich dachten wir beide an die Zeit in der Klinik. Dort war sie wichtig, nicht hier. (Ebenda) (См. также концовку основного текста.)

Члены этой пары объединены местным значением, также как пары *jetzt/damals* временным. Местоимения *dieser/jener* лишены локальных и темпоральных сем; местные и временные значения выявляются местоимениями только в контексте или в сочетании с существительными со значением пространства и времени.

Можно установить синонимические отношения между наречиями места и времени и словосочетаниями *dieser/jener* + существительное. Так, в основном тексте в одном и том же значении употреблены *in diesem Jahr* и *jetzt; das Haus* и *dort*. Вместо *zu jener Zeit* можно было бы употребить *damals*, а в тексте из романа М. Фриша вместо *in diesem Atelier* можно сказать *hier*.

Основанием для синонимии служит прежде всего указательная функция, которая присуща и наречиям места и времени. Указание наречий, однако, по сравнению с указательной функцией местоимений носит менее общий характер благодаря локальным и темпоральным семам. Указательная функция сама по себе не может, однако, обеспечивать синонимию; синонимия между наречиями и словосочетаниями *dieser/jener* + существи-

тельное оказывается возможной благодаря совмещению в наречиях темпоральных и локальных сем с семами «близкое»/«далекое». В словосочетаниях эти значения выступают в расчлененном виде, причем вхождение в состав словосочетания существительного делает обозначение времени (места) конкретным. Местоимения *dieser/jener* снимают обобщающий характер существительного. Поэтому наречия иногда уточняются существительными:

Kein Zweifel, daß es Mutsch war; dieser Mann dort auf der Straße. Kein Zweifel. (H. H. Kirs — Aufruhr in einer kleinen Stadt)

Синонимические связи протягиваются, таким образом, от доминанты УП *dieser/jener* к другим конституентам ядра — наречиям места и времени.

В зависимости от преобладания указательной функции или, наоборот, оттеснения ее под действием тех или иных сем происходит сближение или удаление конституентов УП от его доминанты.

Так, на указательную функцию накладывается функция отождествления, или идентификации, носителем которой является местоимение *derselbe* (*dieselbe, dasselbe*). Отождествляться могут предметы, свойства, качества, действия. Обычно в макроконтексте называется явление, на идентичность с которым указывает *derselbe*. Идентификация переплетается с коррелятивной функцией:

...so vergönnten meine Eltern mir den Besuch unseres Gymnasiums, derselben Schule, in der zwei Klassen unter mir auch Adrian seinen Unterricht empfing... (Th. Mann — Doktor Faustus)

Иногда происходит одновременное указание «назад» и «вперед» в сочетании с идентификацией:

Welches Lied sangen da für ihn der Wind und die Wellen? Dasselbe vielleicht, dessen Sinn er aus dem Geräusch der Eisenbahnräder hatte erraten wollen. (Kl. Mann — Symphonie Pathétique)

Идентификация может носить более общий характер: первичное называние отсутствует, явление, с которым происходит идентификация, только подразумевается.

Aber die Männer um den Papst, diese schweigsamen Prälaten der römischen Kirche mit den edelsteinbesetzten Brustkreuzen, sie wechseln nicht. Sie sind jahrzehntelang dieselben, sie werden manchmal durch andere aus derselben

Schule abgelöst, und sie treiben alle dieselbe Politik, Jahrhundert für Jahrhundert. (Rolf Hochhuth — Stellvertreter)

Функция идентификации усиливается наречием *immer*.

Das ist das Geräusch der Eisenbahnräder, es erzählt immer dieselbe Geschichte, eine vertraute Geschichte, man kennt sie seit so vielen Jahren, aber man hat sie niemals verstanden... (Kl. Mann — Symphonie Pathétique)

Синонимические отношения с доминантой dieser вступают в силу при ослаблении функции идентификации.

Und er rief, während seine eigenen Gesten immer tänzerischer, immer ausgelassener wurden: „Leicht, meine Lieben! Ganz, ganz leicht! Spieldose, meine Lieben!“ Im selben Augenblick hörte er, wie Brahms sich mißbilligend räusperte. (Kl. Mann — Symphonie Pathétique)

Вместо *im* selben Augenblick можно сказать: *in* dicsem Augenblick.

С указательной функцией сочетается оценочно-усильтельная функция — функция усиления положительного или отрицательного качества, носителем которой является местоимение (ein) *solcher* (-e, -es). Характер оценки определяется контекстом и лексикой слов, окружающих *solcher*. Анафорическая функция сочетается с положительной оценкой:

...Und ich habe Kinder sehr gerne. Besonders solche dicken Kinder. (H. H. Kirst — Aufruhr in einer kleinen Stadt) Анафорическая функция сочетается с отрицательной оценкой:

Es ist ein Wahnsinn von mir, daß ich auf Reisen gehe, noch dazu allein: natürlich setzt man sich da *solcher* Begegnungen aus; solchen Zusammenstößen mit der abscheulichen Welt. (Kl. Mann — Symphonie Pathétique)

Речь о встречах шла раньше. Отрицательное отношение к ним выявляется при помощи лексики.

Коррелятивная функция также сочетается с положительной оценкой:

Denn auch die Freuden lassen auf einem solchen Gesicht, das heute zart wie ein Blütenblatt ist, ihre Spuren zurück. (A. Seghers — Bienenstock), с отрицательной:

In diesem Augenblick gab es auf der Straße hinter dem Tor ein solches Aufjohlen, wie es menschliche Stimmen gar nicht herausbringen. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Иногда к оценочно-усилительной функции прибавляется сема «сходство»:

Die Leute redeten über das Ereignis, und sie betrachteten all die sonderbaren und schönen Möbel. Man hatte solche bei uns noch niemals gesehen. (A. Seghers — Bienenstock)

Синонимические отношения с доминантой dieser возникают при исчезновении или сильном ослаблении оценочно-усилительной функции. Указательная функция при таком нейтральном значении сохраняется и служит основанием для синонимии:

Was er bei einer solchen Gelegenheit antwortete, habe ich mir notiert. (Из газеты „Sonntag“)

Cp.: Was er bei dieser Gelegenheit antwortete...

Оценочный момент, заложенный в местоимении solcher, позволяет использовать его вариант solch ein в особых структурах — восклицательных предложениях, образующих синонимический ряд:

Solch ein Tag! Was für ein Tag! Welch ein Tag! Das ist ein Tag!

Способность неопределенного артикля выражать качество сближает его с местоимением solcher в структурах сложноподчиненных предложений. Придаточное предложение, зависящее от неопределенного артикля — синонима местоимению solcher, передает качественную характеристику лица или предмета и особенно тесно связано с главным предложением. Таким образом, неопределенный артикль также выполняет указательно-коррелятивную функцию:

Ich glaube, daß Heinrich Manns „Literatur“ Wirkung getan hat, eine Wirkung, welche die Geschichte erkennen und anerkennen wird. (L. Feuchtwanger — Centum opuscula)

В ядро УП входит 3-е лицо личных местоимений, а также соответственное притяжательное местоимение.

Личные и притяжательные местоимения семантически (но не синтаксически) настолько тесно связаны между собой, что А. М. Пешковский счел возможным объединить их в одну группу личных местоимений⁷. В основе

⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 164. Из новых работ см.: H. Repík e. Grundlegung der neu hochdeutschen Grammatik, Berlin 1961, S. 183.

личных местоимений лежит противопоставление в потоке речи участников речи — автора речи, адресата речи (1-е и 2-е лицо) — предмету речи, тому, о ком (о чем) идет речь (3-е лицо). Притяжательные местоимения сохраняют это различие, только на них накладывается еще сема «поссесивность». При помощи притяжательных местоимений устанавливается роль владельца того или иного предмета (в широком смысле слова).

Таким образом, в самой природе речи заложено противопоставление участников диалога объекту речи. Если первое и второе лицо ограничены значением одушевленности (см. главу V), то третье лицо, подобно указательным местоимениям, распространяется как на одушевленные лица, так и на предметы и на явления. Подчеркивая, что 3-е лицо может быть указательным, А. М. Пешковский выделяет его большую контекстуальную обусловленность по сравнению с 1-м и 2-м лицом: «...в отличие от первого лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и от второго лица, которое всегда едино для данного предложения, третье лицо может мыслиться переменно на протяжении даже одного и того же предложения»⁸.

Следовательно, третье лицо наиболее синсемантично и указательность его выражена наиболее ярко: оно выполняет функцию замещения. В то время как *я — мой, ты — твой* не могут быть заменены никакими другими словами, третье лицо вступает в синонимические отношения с другими компонентами УП, прежде всего с его доминантой — *dieser, der* в самостоятельном употреблении:

Wladimir kam leise herein; er machte ein paar vorsichtige Schritte auf Peter Iljitsch zu. Dieser schien ihn nicht zu bemerken. Er starrte blicklos an ihm vorbei. (Kl. Mann — *Symphonie Pathétique*)

Dieser употребляется вместо *er* для того, чтобы избежать неясности: *dieser* указывает на лицо, которое называется позднее, *er* может относиться к обоим персонажам.

Указательное местоимение *der* часто употребляется вместо личного в сказках, в поэзии. Это явление проникает и в художественную прозу. Первоначально *der*

⁸ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 170.

вместо *er* придавало оттенок пренебрежения, т. е. имело отрицательную оценку, а также считалось признаком небрежного стиля. Э. Г. Ризель обращает внимание на его нейтральное использование в художественной литературе и объясняет это влиянием разговорного языка⁹.

Aus einem Laden lief ein Hund über die Straße. Er lief über die Beine des Lastträgers. Der rutschte aus und fiel hin... (A. Seghers — Bienenstock)

Здесь *der* стоит вместо *er* для уточнения.

Вместо личного местоимения употребляется указательное в следующем тексте:

Er hatte nichts mehr vom Leben, das Leben hatte nichts mehr von ihm... es hatte noch diese fünf Männer, die mit ihm Schluß machten. Die fuhren an seiner Stelle weiter. Die fuhren an seiner Stelle zurück in die Stadt. Die fuhren an seinem Treffpunkt vorbei. Die brachten die Nachricht von seinem Tod. (A. Seghers — Die Toten bleiben jung)

Итак, синонимическое использование указательного местоимения вместо 3-го лица личного местоимения свидетельствует о том, что 3-е лицо входит в ядро УП, 1-е лицо и 2-е лицо остаются на периферии, поскольку указательная функция 1-го и 2-го лица имеет специфический характер и оба эти лица не обнаруживают синонимических связей с доминантой УП.

МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Особое место в УП занимают местоименные наречия типа *darauf* и *worauf*, именуемые в дальнейшем формы на *d-* и на *w-*¹⁰. Выполняя указательную функцию, они входят в ядро УП. Вместе с тем они, отличаясь полифункциональностью, выходят и на периферию УП. Местоименные наречия характеризуются негативным признаком: они никогда не относятся к одушевленным лицам. Можно предположить, что они обладают семой «недушевленностью». (Подробнее см. «Поле Одушевленности

⁹ E. Riesel. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau 1959, S. 454; Der Stil der deutschen Alltagsrede. Moskau 1964, S. 248.

¹⁰ А. Т. Кукушкина. Слова типа *darauf* — *worauf* как одна из групп класса репрезентантов современного немецкого языка. Канд. дисс. М., 1962.

и Неодушевленности). Исключение составляет местоименное наречие *darunter*.

Указательная функция является ведущей для форм на *d-*. В основном тексте местоименное наречие *darin* выполняет анафорическую функцию. При указании на определенный предмет, названный в макроконтексте, функция местоименных наречий состоит в конкретизации. Местоименное наречие может указывать и на целое высказывание:

Liebe Lilly, ich wollte Dir und über Dich schreiben, aber ich habe hauptsächlich über Hans geschrieben. Ich weiß, Du bist nicht böse darüber... (Zum 60. Geburtstag an Lilly Becher)

Выполняя анафорическую функцию, местоименное наречие обобщает:

Dem Übergang von der Petroleumlampe, der Gasflamme, die das Rampenlicht der Theater abgab, dem weiß leuchtenden Gas... zum elektrischen Licht, — ich war davon Zeuge. (Th. Mann — Zeit und Werk)

Формы на *d-* обычно выполняют в пределах сложно-подчиненного предложения прогрессивную коррелятивную функцию. Обычно коррелят-форма на *d-* сопровождает глагол (прилагательное или существительное, образованное от глагола), в зависимости от управления предлогом, который входит в состав местоименного наречия. Поэтому одно и то же местоименное наречие сопровождает разные глаголы, например, глаголы *arbeiten*, *denken*, *sich erinnern*, *glauben* употребляются с местоименным наречием *daran*.

Durch das Knattern von Motorrädern wurden sie oftmals eindringlich daran erinnert, daß sie eines Tages entdeckt werden würden... (L. Frank — Links, wo das Herz ist)

In Grenzgebieten könnte man vielleicht daran denken, daß man es mit Dialektmischung, mit Übergangsstufen zu tun habe... (O. Behaghel)

Übergroßer Schmerz und über großes Glück fordern Tränen. Frieda Brenten hatte nicht mehr daran geglaubt, daß dieser Tag kommen würde. (W. Bredel — Die Enkel)

Регрессивная коррелятивная функция также выполняется местоименным наречием:

Fabian hatte in seinem letzten Briefe mancherlei Andeutungen über dieses Haus gemacht, das er erwerben

wollte. Daß er es ihretwegen kaufen wollte, darüber bestand kein Zweifel. (B. Kellermann — Totentanz)

Употребление коррелятов — местоименных наречий факультативно, оно стимулируется союзным оформлением придаточного предложения. Поскольку, однако, в морфологический состав местоименного наречия входит предлог, то при глаголах, где употребление предлога или же коррелята является смыслоразличительным, коррелят обязателен.

Graeber hatte nicht damit gerechnet, daß Elisabeth fort sein würde. (E. M. Remarque — Zeit zu leben und Zeit zu sterben)

Сохранение значения предлога и его функции управления в пределах местоименных наречий побудило некоторых лингвистов считать основной функцией местоименных наречий не коррелятивную, а функцию «оформления лексико-грамматической сочетаемости управляющего слова (главным образом глагола), с которым предлог срастается в некое идиоматическое сочетание при характеристике объективной связи»¹¹. Думается, что решить, какая функция в данном случае перевешивает, трудно. Возможно, что компоненты форм на d- как бы разделили между собою эти функции. Местоименный элемент выполняет указательную, а предложный — функцию оформления лексико-грамматической сочетаемости.

Указательная функция является основанием для синонимических отношений между формами на d- и другими конституентами ядра УП: указательными местоимениями (der, dieser) и личным местоимением. Синонимия имеет усложненный характер: местоименные наречия синонимичны не местоимениям, а сочетаниям «местоимение в дативе и аккузативе + предлог».

Подобные же отношения связывают формы на w- с конституентами периферии УП. Поэтому, прежде чем определять синонимические отношения между местоименными наречиями и другими средствами, необходимо остановиться на некоторых конституентах периферии. К ядру

¹¹ Н. С. Креленштейн. О природе коррелятивной функции в сложноподчиненном предложении. «Вопросы романо-германской филологии». «Ученые записки», т. XXVI, 1961, стр. 42; А. Д. Райхштейн. Субстантивные и предложно-субстантивные местоимения в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1958.

УП примыкают средства, для которых указательная функция не является ведущей, хотя и обязательной. На передний план выступают такие грамматические функции, как вопросительная, а также функция подчинения.

Вопросительная функция является ведущей у вопросительных слов (вопросительных местоимений и наречий), у форм на *w-*, причем ярче всего она выступает в прямом вопросе¹².

**Was treibt und tobt mein tolles Blut?
Was flammt mein Herz in wilder Glut?**
(H. Heine)

**Warum sind denn die Rosen so blaß,
O, sprich, mein Lieb, warum?**
(H. Heine)

„Wovon redet er?“ fragte Graeber Binding. (E. M. Remarque — Zeit zu leben und Zeit zu sterben)

На вопросительность вопросительных местоимений и наречий насылаются семы, по которым они отличаются друг от друга. Так, вопросительные наречия *wohin?* и *woher?* характеризуются локальными семами, *wann?* — темпоральной семой, *warum?* — каузальной, а местоимения *wer?* и *was?* противостоят друг другу по семам «одушевленность» и «неодушевленность» (см. подробнее «Поле Одушевленности и Неодушевленности»). В самой вопросительности заложен элемент указания.

Вопросительная функция бледнеет в косвенно-вопросительных предложениях, где она сочетается с функцией синтаксического подчинения. Вопросительная функция исчезает в косвенно-повествовательных предложениях, которые также, как и косвенно-вопросительные предложения, вводятся формами на *w-*.

Различие между косвенно-вопросительными и косвенно-повествовательными предложениями определяется семантикой глагола, вводящего придаточное предложение.

¹² Подробнее см.: Л. Г. Фридман. Вопросительные предложения в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1960; А. А. Лспин. Употребление немецких вопросительных местоимений *welcher* и *was* für *ein*. «Иностранные языки в школе», 1953, № 5.

ние. Косвенно-вопросительные предложения вводятся ограниченным числом глаголов со значением вопросительности, сомнения, незнания: *fragen, sich erkundigen, nachdenken, zweifeln, nicht wissen*; сочетаниями *wissen (erfahren) wollen, unbekannt (unklar) sein*.

Косвенно-повествовательные предложения вводятся разнообразными глаголами речи, чувства, знания, восприятия. Сравним косвенно-вопросительное предложение:

Statt dessen fragte er, wie sie heiße und wo sie wohne...
(L. Frank — Michaels Rückkehr)

Косвенно-повествовательное:

Maria hatte Michael schon vor Wochen einmal gesagt, wo ihre Garage war. (Ebenda)

При преобразовании косвенно-вопросительного предложения получается прямой вопрос:

Er fragte sie: „Wie heißen Sie? Wo wohnen Sie?“

Косвенно-повествовательное предложение преобразуется в повествовательное:

Sie hatte einmal ihm gesagt: „Meine Garage ist hier (dort, unweit des Flusses...)“

Ведущей функцией оказывается функция синтаксического подчинения — осуществления связи придаточного предложения с главным.

Функция подчинения оказывается ведущей и в случае, когда местоимения на *w-* вводят предложения типа:

Wer da nicht lacht und sein schönstes Gesicht trägt, dem wird auch der Sommer kein Lachen entlocken. (E. Strittmatter — Pony Pedro)

Сложноподчиненное предложение в целом имеет обобщенный характер с условным значением, само придаточное предложение, выполняя функцию подлежащего или дополнения, обозначает в обобщенном виде лицо. В данном случае синонимические связи протягиваются от *wer* к относительному *der*, но при этом обобщающее-условный характер снимается:

Der heute sprach, war Herr Spoelmann. (Th. Mann — Königliche Hoheit).

Обобщающе-условный характер отсутствует и при аналогичной модели с *was*:

Was man tun konnte für die ersten Minuten, war getan. (A. Seghers — Das siebte Kreuz)

Аналогичное использование наблюдается и у форм на *w-* — местоименных наречий, которые также могут выражать косвенно-вопросительное подчинение, так и подчинение в чистом виде. Местоименные наречия на *d-* выражали подчинение в языке классической литературы XVIII и XIX вв.

Различий между формами на *w-* и на *d-* в этом случае не наблюдалось.

Drüben aber leerte sich die Loge, darin nur Cecile mit ihrem Hausfreunde zurückblieb. (Th. Fontane—Cecile)

В этой же функции можно было бы употребить и *worin*, но в современном языке для выражения относительного подчинения специализировалось местоимение *der, die, das*. В данном тексте стояло бы предложное сочетание: *in der...*

В целом слова на *w-* и на *d-* в функции относительного подчинения не являются синонимами. Исключение составляют рассмотренные выше модели с *wer* в препозиции, а также случаи, когда придаточное предложение зависит от субстантивированных прилагательных среднего рода и неопределенных местоимений *etwas, nichts, alles*. В современном языке *was* вытесняет *das*¹³, однако возможны колебания. Интересно замечание Т. Манна по поводу следующего стихотворения Т. Фонтане:

Leben; wohl dem, dem es spendet
Freude, Kinder, täglich Brot,
Doch **das Beste**, was es sendet,
Ist **das Wissen**, das es sendet,
Ist der Ausgang, ist der Tod.

(Выделено мною. — E. Г.)

При переиздании были допущены искажения, которые Т. Манн комментирует: „Man hat da im dritten und vierten Verse die beiden Relativa vertauscht, so daß sich auf „das Beste“ ein „das“ und auf „das Wissen“ ein „was“ bezieht, — ein Lapsus, störend, aber nicht sinnstörend, kein Unglück also und bei nächster Gelegenheit einfach richtigzustellen¹⁴“.

Все средства подчинения (включая союзы) сочетают свою основную синтаксическую функцию с указательной функцией анафорического характера. Если анафорическая функция союзов и союзов-наречий носит более об-

¹³ H. Paul. Deutsche Grammatik. Bd. IV, Halle, S. 207.

¹⁴ Th. Mann. Altes und Neues, Bd. XI, Berlin 1955, S. 684.

щий характер и распространяется за пределы микроконтекста, то указательные местоимения функционируют, как правило, в пределах микроконтекста (сложноподчиненного предложения) и указывают конкретно на определяемое слово. Конкретность указания проявляется также в морфологическом согласовании в роде и числе с определяемым словом. Само определяемое слово может быть также конституентом УП; в этом случае связь между ними оказывается двусторонней, так как определяемое слово синсемантично, требует раскрытия и выполняет коррелятивную функцию.

Ich blickte mit großer Verwunderung zu meinen zwei Schwestern auf. Mir erschienen sie wie Märchengeschöpfe. Ich kannte niemand, der ihnen an Schönheit gleichen könnte. (A. Seghers — Bienenstock)

(См. примеры основного текста, а также другие примеры на коррелятивную функцию).

Слова УП в главном предложении, синсемантические по природе, раскрываются в придаточном предложении и таким образом усиливают связь главного и придаточного предложения. Выполняя коррелятивную функцию, они осуществляют тем самым также синтаксическую функцию подчинения; обе эти функции в данном случае сливаются.

Рассмотрев особенности некоторых конституентов периферии УП, вернемся к выяснению синонимических отношений между местоименными наречиями и предложными словосочетаниями: местоимение + предлог. Эти отношения могут быть представлены следующим образом:

Местоименные наречия на d-:

предлог + указательное местоимение (dieser, der);
предлог + личное местоимение 3-го лица:

damit _____ mit + diesem, dem, ihm
darin _____ in + diesem, dem, ihm

Местоименные наречия на w-:

предлог + вопросительно-относительное местоимение на w-

womit _____	mit was
worin _____	in was
womit, worin _____	предлог + относи- тельное местоиме- ние der
womit, worin _____	mit dem, in dem

Синонимия эта носит ограниченный характер, поскольку, как указывалось выше, местоименные наречия не относятся к названиям одушевленных лиц. В грамматике *Der Große Duden* отмечается, что в современном немецком языке, особенно в разговорной речи, преобладают предложные группы с личными и указательными местоимениями¹⁵. Все же в письменном языке довольно часто встречаются местоименные наречия как при указании на названия конкретных предметов, так и на целые высказывания.

Am Bordrand stand ein Buick und glitzerte. Darin würde Veber gleich behaglich nach Hause fahren... (E. M. Remarque — *Arc de Triomphe*)

Was auch geschieht — wir lieben uns. Ich gab ihm Grund daran (вместо an das) zu glauben — was auch geschah. (Ch. Wolf — *Der geteilte Himmel*)

Сравним также параллельное употребление:

„Laß es lose sein, wie es will, und kümmere dich nicht darum. Ich bin es auch. Es gehört dazu.“ — „Wozu?“

„Zu dem, worüber wir vorhin gesprochen haben...“ (E. M. Remarque — *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*)

Коррелятивная функция распределяется между местоименными наречиями и предложными сочетаниями следующим образом.

Если форма на *w-* и тем самым все придаточные предложения являются косвенно-повествовательными, то в качестве коррелята выступает предложное сочетание:

Den dritten Tag reiste Innstetten ab. Über das, was er in Berlin vorhabe, hatte er nichts gesagt. (Th. Fontane — *Effi Briest*)

Если форма на *w-* и соответственно все придаточные предложения являются косвенно-вопросительными или

¹⁵ *Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.* Leningrad 1962, S. 294—295.

имеют вопросительный оттенок, то коррелятивную функцию выполняет местоименное наречие:

... Michael ... wischte die Feilspäne herunter, auch vom Schraubstock, an dem er Jahre hindurch vergebens darüber nachgegrübelt hatte, was er werden könnte... (L. Frank — Links, wo das Herz ist)

При выполнении вопросительной функции предпочтение отдается местоименному наречию, но если вопрос касается одушевленных существ, то употребляется только предложное сочетание с вопросительным местоимением:

Er fühlte nach dem Brief und der Flasche. Feiern, dachte er. Was? Die Hoffnung, daß seine Eltern nicht tot waren. Und mit wem? (E. M. Remarque — Zeit zu leben und Zeit zu sterben)

Следует также учесть, что синонимия нарушается иногда многозначностью предлогов: в местоименном наречии выступает одно из значений предлога, в предложном сочетании — другое. Сравним:

Zu wem wollen Sie?

Zu Sanitätsrat Kruse. (Ebenda)

Wozu willst du darauf warten? (Ebenda)

При выполнении функции подчинения следует различать два случая:

а) Местоименное наречие конкурирует с сочетанием предлог + местоимение на w-. Предпочтение отдается местоименному наречию, в особенности если придаточное предложение относится ко всему главному:

Er formte allerlei kleine Figuren aus Brot, worüber sich Tante Amalie immer entrüstet hatte. (A. Seghers — Die Toten bleiben jung)

б) При конкуренции местоименного наречия с сочетанием предлог + относительное местоимение der употребительнее оказываются предложные сочетания:

Er folgte ihr in das Zimmer, aus dem das Licht kam. (E. M. Remarque — Zeit zu leben und Zeit zu sterben)

Und da geschah das, auf das der Verein in den vergangenen vierzehn Tagen vergebens gewartet hatte. (M. Gre-gor — Die Brücke)

Таким образом, местоименные наречия тесно связаны как с ядром, так и с периферией УП. Раскрытие синонимических связей показало, что формы на d- входят в ядро УП, а формы на w- располагаются на его периферии.

ферии. Их объединяет общая структура, а также релевантный признак — сема «неодушевленность».

На периферии УП располагается также группа неопределенных местоимений: *alle*, *alles*, *einige*, *etwas*, *manche*, а также *keiner*, *nichts*, *niemand*. От конституентов ядра УП неопределенные местоимения отличаются тем, что их общее значение легко исключает конкретную соотнесенность и имеет всеобъемлющий характер. Местоимения *alle*, *einige* и др., выражающие неопределенное множество, рассматриваются нами в Поле Множественности, а *keiner*, *nichts*, *niemand* входят в Поле Отрицания.

Указательную функцию выполняют имена существительные, не перешедшие в местоимения, но функционально близкие им. В определенном контексте некоторые существительные утрачивают или ослабляют свое основное лексическое значение и приобретают значения слов местоименного типа и соответственно их свойства, в том числе и синсемантию. Это явление называется, как было указано выше, прономинализацией. К существительным, подвергающимся прономинализации, относятся, такие слова, как *der Mensch*, *das Ding*, *das Zeug*, *die Sache*, *die Tatsache*, *die Stelle*, *die Richtung*.

В основе прономинализации лежит обобщающее значение слова.

При прономинализации возникают синонимические связи между этими существительными и местоимениями. Так, *der Mensch*, выполняя коррелятивную функцию, сближается с указательными местоимениями *der* (*derjenige*), с вопросительно-относительным *wer*.

Der Mensch, der in eine Sprache hineinwächst, kommt sein ganzes Leben lang, nicht mehr von ihr los... (L. Feuchtwanger — *Centrum opuscula*)

Derjenige, der...

Der, der...

Wer in eine Sprache hineinwächst...

Обобщающее значение сближает существительное *Mensch* с местоимениями *jeder* и *alle*:

Vor jedem Menschen erhebt sich vielmehr die Frage: Bist du für oder bist du gegen einen Krieg? Jeder muß diese Entscheidung selbst treffen, niemand nimmt ihm die Verantwortung dafür ab. (Otto Grotewohl — „Deutsches Friedensbuch“)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

УП представляет собой систему: его конституенты выполняют указательную функцию и взаимосвязаны. Ведущими отношениями оказываются синонимические связи, которые пронизывают все УП, соединяя его периферию с ядром и доминантами ядра — *der*, *dieser*, *jener*. Синонимические отношения не являются, однако, единственными, которые определяют место конституентов в УП. Отношение противопоставления также регулирует взаимоотношения конституентов УП: они отличаются друг от друга либо присущими им индивидуальными семами, либо особыми функциями. Например, семы «близкое» и «далекое» обеспечивают противопоставление как доминанты (*dieser*, *jener*), так и других конституентов ядра: *hier*, *da* (*dort*), *jetzt*, *damals*.

Если для доминанты поля указательная функция является не только ведущей, но и единственной, то остальные конституенты ядра совмещают указательную функцию с другими, например с функцией усиления качества (*solcher*) или с функцией идентификации (*derselbe*). Чем ярче специфика того или иного конституента, тем слабее синонимические связи с другими конституентами УП. Для периферии УП указательная функция является дополнительной, которая совмещается или накладывается на основную, например на вопросительную функцию или на функцию подчинения.

Синонимические связи выходят за пределы УП, соединяя УП с другими макрополями. Локальные и темпоральные семы наречий обуславливают вхождение этих конституентов одновременно в Поля Места и Времени. Семы «одушевленность» и «неодушевленность», присущие вопросительно-относительным местоимениям и местоименным наречиям (только сема «неодушевленность»), соединяют УП с Полем Одушевленности/Неодушевленности. Сема «неопределенное количество», присущая неопределенным местоимениям, расположенным на периферии УП, соединяет последнее с Полем Множественности.

Указательность в широком смысле слова характеризует синсемантические единицы, так как потребность в раскрытии содержит в потенции указательную силу.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VI

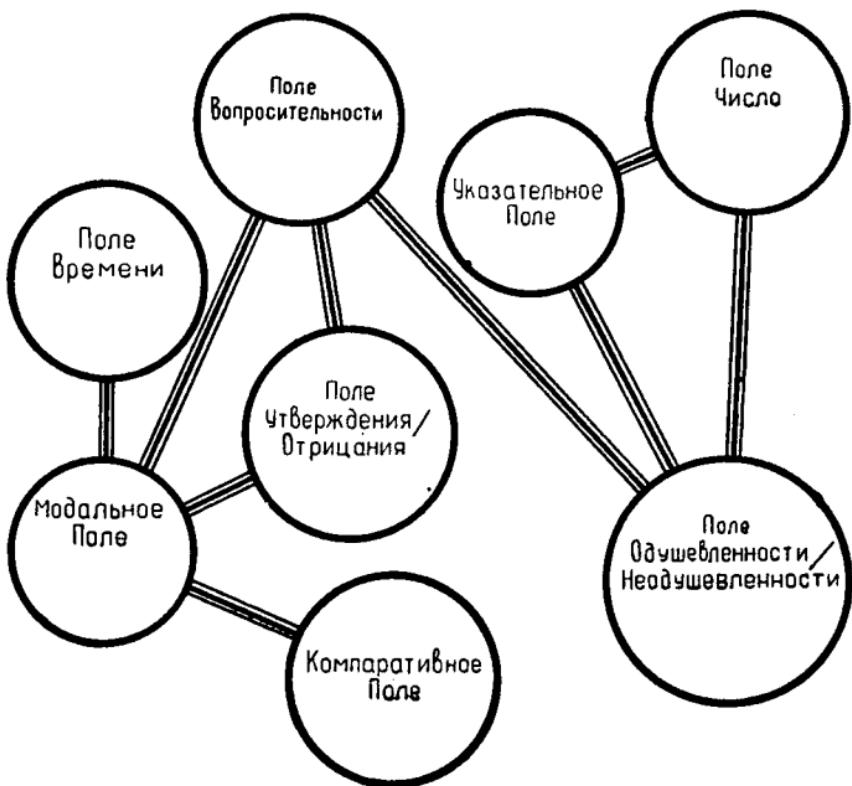
1. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. — Л., 1965.
2. Креленштейн Н. С. Корреляты в сложноподчиненном предложении. Канд. дисс. М., 1963.
3. Кукушкина А. Т. Слова типа *darauf*—*worauf* как одна из групп класса репрезентантов современного немецкого языка. Канд. дисс. М., 1962.
4. Райхштейн А. Д. Субстантивные и предложно-субстантивные местоимения в современном немецком языке (К вопросу о грамматической системе класса местоимений). Канд. дисс. М., 1958.
5. Румянцева Е. В. Грамматическое значение придаточных предложений, вводимых вопросительными словами (W-Wörter). Канд. дисс. Л., 1963.
6. Вругтапп К. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen. Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung, Abhandlungen der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. 22, 1904.
7. Бюхлер К. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache, Jena 1934.
8. Frei H. Systèmes de déictiques, *Acta Linguistica*, IV, 3, 1944.
9. Heimpel H. Wortklassen und Bedeutungsweisen. „Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik“, Darmstadt 1965.
10. Noreen A. — Pollak H. W. Wissenschaftliche Be trachtung der Sprache, Halle 1923.
11. Renické H. Grundlegung der neuhighdeutschen Grammatik, Zeitlichkeit—Wort und Satz, Berlin 1961.
12. Vater H. Das System der Artikelformen im gegenwärtigen Deutsch, Tübingen 1963.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грамматико-лексические поля тесно связаны друг с другом. Особенно близки между собой Поле Времени и Модальное Поле: одна и та же глагольная форма является одновременно конституентом обоих полей, выражая время и модальность. Лишь в Микрополе Предположения при наличии потенциальных модальных слов функции разделяются: глагольная форма выражает только время, а модальное слово — модальность. Компаративное Поле сближается с Модальным Полем по линии сложноподчиненного предложения ирреального сравнения. Указательное Поле соединяется с Макрополем Числа и Полем Одушевленности/Неодушевленности через общие конституенты — местоимения. Рассмотренные в данной работе поля связаны и с другими полями. Модальное Поле, например, имеет точки соприкосновения с Полем Утверждения/Отрицания, с Полем Вопросительности, а оба в определенных точках смыкаются с Указательным Полем. Следовательно, каждое поле не представляет собой замкнутой системы, а имеет открытый характер.

Ниже приводится схема, отражающая взаимодействие между полями. Два поля (Поле Вопросительности и Поле Утверждения/Отрицания) в книге не описаны. Естественно, что ни в книге, ни в схеме не нашло отражения множество других реально существующих полей.

Поля построены по общему принципу: по горизонтали располагаются микрополя, по вертикали — образующие их конституенты. Однако каждое из рассмотренных полей имеет специфику в построении.

Поле Множественности представляет собой в сущности микрополе наряду с Микрополем Единичности в Макрополе Числа. Оно имеет четко выраженную морфологическую доминанту: формы числа. Количество компонентов поля невелико: местоимения, числительные и имена собирательные. Поле Времени состоит из трех микрополей: Настоящего, Прошедшего и Будущего. Состав каждого поля очень сложен. И здесь доминанта морфологическая: временные формы глагола в своих основных значениях. Кроме того, имеется множество компонентов, находящихся в сложных взаимоотношениях: это — временные формы в своих второстепенных значениях, именные формы глагола, сложные предложения с союзами, наречия времени, именные предложные и беспредложные группы.

Модальное Поле обладает усложненной структурой. Оно является фактически макрополем, так как оно разбито на два поля — Поле Действительности и Поле Недействительности, а последнее в свою очередь состоит из трех микрополей. Поле Действительности и два микрополя — Потенциально-ирреальное и Побуждения — имеют доминантой морфологическое средство, а именно наклонение. Вообще Модальное Поле обладает очень большим и разнообразным инвентарем. Конституенты его принадлежат к различным уровням. Особым богатством конституентов отличаются Микрополя Побуждения и Предположения, но роль их неодинакова, поскольку Микрополе Побуждения обладает универсальным средством выражения побуждения — императивом, а Микрополе Предположения, не имеющее доминанты, представляет собой шкалу конституентов, расположенных по степени убывания (возрастания) предположения, недостоверности.

Поле Одушевленности/Неодушевленности распадается на три микрополя, так как внутри Поля Одушевленности выделяются Поле Лица (или Антропонимическое Поле) и Поле Фауны. В Поле Лица доминантой следует считать закрытую группу из пяти личных местоимений, которые диагностируют любое слово поля путем соотнесения его с этими местоимениями и служат основным средством персонификации. Остальные средства чрезвычайно разнообразны, но все они группируются вокруг тематических групп существительных, глаголов, прилагательных, выступая в качестве их грамматических или словообразовательных показателей. В силу их разнородности и неуниверсальности одушевленность — неодушевленность нельзя считать грамматической категорией в системе немецкого языка.

Указательное Поле отличается от рассмотренных тем, что, во-первых, оно не членится на микрополя, во-вторых, его конституенты — средства лексического уровня (кроме артикля). Но его нельзя считать чисто лексическим полем, потому что его конституенты не слова-названия, а слова, выражающие отношения, в первую очередь — местоимения. Доминантой Указательного Поля являются указательные местоимения *das, dieser, jener*; вокруг доминанты сосредоточено ядро — остальные указательные местоимения, 3-е лицо личного местоимения, наре-

чия и местоименные наречия. Прочие конституенты располагаются на периферии поля.

Распределение языковых средств по микрополям может происходить неравномерно: одно микрополе обладает большим числом показателей (с сильной маркированностью), чем другое (со слабой маркированностью). Например, Поля Множественности, Одушевленности располагают более многочисленными языковыми средствами, чем Поля Единичности или Неодушевленности.

В данной работе намечен один из возможных путей изучения языка, при котором раскрываются центральные и периферийные, грамматические и лексические средства, передающие определенное коммуникативное содержание. Описанные поля представляют лишь часть всей системы языковых отношений, полное исследование которых является задачей будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики, М. — Л., 1964.
2. Адмони В. Г. О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю. ВЯ, 1961, № 2.
3. Адмони В. Г. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. „Филологические науки“, 1961, № 3.
4. Акулова К. П. Пространственные и временные обстоятельства в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1956.
5. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, пер. с франц. М., 1955.
7. Белоусова Л. И. Предложно-падежные конструкции с временным значением в современном немецком языке. Канд. дисс. Л., 1966.
8. Виноградов В. В. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947.
9. Виноградов В. В. О категориях модальности и модальных словах в русском языке. „Труды Института русского языка“, т. II, М. — Л., 1950.
10. Гулыга Е. В., Натанзон М. Д. Грамматика немецкого языка. М., 1957.
11. Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале истории немецкого языка). Сб. „Вопросы грамматического строя“. М., 1955.
12. Гухман М. М. Лингвистическая теория Л. Вейсгера. Сб. „Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике“. М., 1961.
13. Есперсен О. Философия грамматики, пер. с англ. М., 1958.
14. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях. Сб. „Аналитические конструкции в языках различных типов“. М. — Л., 1965.

15. Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.
 16. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М., 1957.
 17. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965.
 18. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
 19. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
 20. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1945.
 21. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка (теоретический курс). Морфология. М., 1956.
 22. Москальская О. И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. ВЯ, 1961, № 5.
 23. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
 24. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
 25. Степанов Ю. С. Основы языкоznания. М., 1966.
 26. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962.
 27. Степанова М. Д. Словообразование, ориентированное на содержание. ВЯ, 1966, № 6.
 28. Степанова М. Д. Вопросы компонентного анализа в лексике. „Иностранные языки в школе“, 1966, № 5.
 29. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
 30. Шейкина А. А. Конкретизация временных значений, выражаемых предложными группами в немецком языке. „Иностранные языки в школе“, 1961, № 1.
 31. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М., 1953.
 32. Шендельс Е. И. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке). Докт. дисс., 1964.
 33. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. „Иностранные языки в школе“, 1967, № 4.
 34. Ярцева В. Н. О грамматических синонимах. Сб. „Романо-германская филология“, вып. I. М., 1957.
1. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Moskau — Leningrad 1966.
 2. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf 1962.
 3. Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1965.
 4. Bühl K. Sprachtheorie. Jena 1934.
 5. „Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik“, hgg. von H. Moser, Darmstadt 1965.
 6. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, hgg. von P. Grebe, Leningrad 1962.
 7. Der Große Duden. Hauptschwierigkeiten der deutschen Sprache. Wörterbuch sprachlicher Zweifelsfälle. Mannheim 1965.
 8. Erben J. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin 1964.
 9. Erben J. Laßt uns feiern / Wir wollen feiern! Beiträge

- zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.** Bd. 82 (Sonderband), Halle 1961.
10. Flämig W. Zur Funktion des Verbs — I. Tempus und Temporalität. Deutsch als Fremdsprache 1/4.
 11. Flämig W. Zur Funktion des Verbs — II. Modus und Modalität. Deutsch als Fremdsprache 2/1.
 12. Glinz H. Die Innere Form des Deutschen, Bern — München 1965.
 13. Glinz H. Grammatik und Sprache. Wirkendes Wort. Sammelband 1, Sprachwissenschaft, Düsseldorf 1962.
 14. Havers W. Handbuch der erklärenden Syntax. Heidelberg 1931.
 15. Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart, Teil 1, Formenlehre. Halle (Saale) 1962.
 16. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig 1966.
 17. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg 1961.
 18. Möller G. Deutsch von heute. Leipzig 1965.
 19. Paul H. Deutsche Grammatik, Bd. I — V. Halle 1965.
 20. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle/ Saale 1937.
 21. Porzig W. Das Wunder der Sprache. Bern 1957.
 22. Renicke H. Grundlegung der neuhighdeutschen Grammatik, Zeitlichkeit — Wort und Satz. Berlin 1961.
 23. Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau 1963.
 24. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin 1965.
 25. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Ein Beitrag zur Theorie der Wortbedeutung. Berlin 1965.
 26. Schneider W. Stilistische Deutsche Grammatik. Basel — Freiburg — Wien 1959.
 27. Süterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig 1923.
 28. Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf 1962.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
ВВЕДЕНИЕ
Глава I. ПОЛЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ
Глава II. ПОЛЕ ВРЕМЕНИ
Глава III. МОДАЛЬНОЕ ПОЛЕ
Глава IV. КОМПАРАТИВНОЕ ПОЛЕ
Глава V. ПОЛЕ ОДУШЕВЛЕННОСТИ – (НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ)
Глава VI. УКАЗАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Библиография

*Елена Владимировна Гулыга
Евгения Иосифовна Шендельс*

ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор *Т. И. Сироткина*
Художественный редактор *И. Л. Волкова*
Технический редактор *Е. В. Богданова*
Корректор *З. А. Безпалова*

Сдано в набор 15/III 1968 г. Подписано
к печати 16/XII 1968 г. 84×108¹/₃₂. Типограф-
ская № 2. Печ. л. 9,66(5,75) Уч.-изд. л.
9,37. Тираж 30 тыс. экз. (Тем. пл. 1968 г.
№ 239).

Издательство «Просвещение» Комитета по
печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц Ленинградской типо-
графии № 1 в типографии издательства
«Горьковская правда», г. Горький, ул. Фиг-
нер, 32. Заказ № 5448.

Цена без переплета 25 к., переплёт 10 к.